

А. Казанская

**РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Учебник-хрестоматия
для IX класса

ЧАСТЬ I

1/53526

А-283

Sundeksenplar

А. К. КАЗАНСКАЯ, П. Д. КРАЕВСКИЙ, В. В. ЛИТВИНОВ,
В. И. МАШТАКОВ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ IX КЛАССА
НЕРУССКИХ СРЕДНИХ ШКОЛ

Часть I

ЭСТОНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1951

M

Утверждено

Министерством просвещения Эстонской ССР

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

53526

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой учебник-хрестоматию по русской литературе для IX класса нерусских школ. В этом учебном пособии в строгом соответствии с программой даётся минимум как учебного, так и хрестоматийного материала, который должен быть прочно усвоен учащимися.

Учебный материал сосредоточен главным образом в статьях, посвящённых жизни и литературному творчеству писателей. В этих статьях наряду с биографическими сведениями достаточное внимание уделяется раскрытию творческого пути писателя и анализу основных его произведений. Естественно, программные произведения подвергаются более тщательному разбору, чем непрограммные, которые только кратко комментируются.

Помимо этого, в качестве необходимого учебного материала в книге помещены критические статьи о некоторых произведениях, даны вопросы для разбора этих произведений и разнообразные упражнения для самостоятельной работы учащихся; большое внимание уделено также словарным пояснениям, которые помогут учащимся лучше понять и усвоить текст.

В хрестоматийную часть пособия включены главным образом программные произведения русских писателей XIX в., изучаемых в IX классе: М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова.

Наряду с рассказами, повестями, стихотворениями, данными полностью, в книге помещены в законченных отрывках извлечения из романов. Монтаж большого текста сделан с таким расчётом, чтобы дать учащимся чёткое представление об основном и существенном содержании изучаемого произведения.

Однако ограничиваться чтением только представленных в книге отрывков из больших произведений никак нельзя; преподаватель и школа должны создать учащимся такие условия, которые бы обеспечивали им возможность работать над произведением в целом и прочитать как можно больше других произведений того или иного автора.

В работе над каждым текстом преподаватель должен стремиться прежде всего к тому, чтобы учащиеся хорошо усвоили содержание произведения и его идейный смысл, а также прочно овладели бы его лексикой и фразеологией. Словарь непонятных слов, всевозможного рода языковые упражнения, анализ произведений, данный в очерках о писателях, а также в подстрочных примечаниях и сносках, — всё это должно помочь овладению текстом, его глубокому познанию.

Исключительно большое место в занятиях по литературе в нерусской школе должны занимать разнообразные виды работ по развитию устной и письменной речи учащихся. Учитель должен давать для заучивания наизусть стихи и небольшие прозаические отрывки, практиковать пересказы по составленным планам, требовать выполнения специальных языковых заданий, помещённых в книге. Всё это будет способствовать обогащению русской речи учащихся, поможет им глубже оценить мастерство писателя и облегчит понимание произведения с идейной стороны.

Разделы учебника-хрестоматии составлены следующими авторами:

П. Д. Краевский — разделы «М. Ю. Лермонтов» и «А. Н. Островский».

В. В. Литвинов — разделы «Н. В. Гоголь» и «И. С. Тургенев».

В. И. Маштаков — разделы «В. Г. Белинский», «Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов».

А. К. Казанская — раздел «Н. А. Некрасов».

Авторы.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ 30—40-х ГОДОВ XIX в.

Национальный подъём, охвативший Россию во время Отечественной войны 1812 года, закончился восстанием 14 декабря 1825 года.

Гром пушек на Сенатской площади в Петербурге начал в России печальную эпоху 30—40-х годов.

Попытка передовой части русского дворянства сломить царское самодержавие и освободить крестьян от крепостной зависимости потерпела неудачу. Николай I ознаменовал начало своего царствования казнью и ссылкой на каторжные работы в Сибирь лучших представителей передовой мысли в России. Наступила реакция 30-х годов — страшное, глухое время, получившее название эпохи молчания.

Николай I заявил «ясно и определённо, что земля есть собственность помещика; это такое его право, которое никогда не должно быть нарушено». Крепостное право продолжало быть основой экономической жизни России. Помещики утверждали, что «сам бог создал особо господ и слуг, которым и дал особую натуру, способную к перенесению тяжёлых трудов, к услужению господам своим, тогда как господа имеют натуру от бога им данную, более нежную»¹.

Помещичьи усадьбы с домами-дворцами, окружёнными цветниками и парками, были расположены среди необъятных полей. Десятки дворовых обслуживали каждую барскую семью, не знавшую никаких ограничений своим прихотям. А рядом в нищих избёнках, перебиваясь с хлеба на квас, ютились барские крестьяне, несшие на своих плечах непомерный труд по обработке полей и обеспечению прихотей своих «господ».

¹ Записки архангельской помещицы, 1859 г.

«Помещик — самый надёжный оплот государя, — докладывал Николаю I шеф жандармов Дубельт. — Никакое войско не заменит той бдительности, того влияния, какие помещик ежеминутно распространяет в своём имении...»

Помещик есть самый верный недремлющий пёс, охраняющий государство».

Министр народного просвещения граф Уваров провозгласил необходимость усиления, «где только можно, умственных плотин». «Россия страна особенная. Её уклад незыблем». «Истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности (т. е. крепостного права) — якорь спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества».

Таким образом, рабство и невежество провозглашались основами народной жизни. Их охраняли корпус жандармов и чиновничий аппарат, которые держали народ в своих руках.

Запрещены были поездки за границу, ограничен приём в университеты, установлена строжайшая цензура. Человеческая мысль была взята в тиски. Страна затихла в боязливом молчании. Только в Московском университете ещё теплилась жизнь. Её поддерживали не профессоры, а студенчество. «Солнце науки тускло светило в Московском университете» (Аксаков, Воспоминания). «Россия будущего существовала исключительно между несколькими мальчиками, — писал Герцен, — в них было наследие общечеловеческой науки и чисто народной Руси». Это были Белинский, Герцен, Станкевич, Лермонтов и ряд их товарищей, учившихся в начале 30-х годов в Московском университете.

Они пережили восстание декабристов в возрасте 10—11 лет, но оно оставило глубокий след в их душе.

«Молодые штурманы будущей бури», они не удовлетворились теми знаниями, которые устами профессоров давала им официальная наука.

Литература, театр, французская революция 1830 г. страстно интересовали их. И студенты организовали кружки, в которых вместе читали и обсуждали волновавшие их вопросы. Товарищеская спайка не ослабела и после окончания университета: оформившиеся в студенческие годы кружки Станкевича и Герцена продолжали существовать в первую половину 30-х годов.

В кружке Герцена и Огарёва больше интересовались политикой и учёнием социалистов-утопистов; кружок Станкевича и Белинского увлекался вопросами философии и литературы.

Правительство опасливо следило за деятельностью этих кружков, и в 1835 г. Герцен и Огарёв были отправлены в ссылку.

1836 год был знаменателен в литературной жизни России рядом крупных событий: во-первых, постановкой гоголевского «Ревизора», который подверг критике николаевское чиновничество, во-вторых, «Философическим письмом» Чаадаева, подвергшим уничтожающей критике весь строй самодержавной России.

Вместо официального самодовольства Бенкендорфа, утверждавшего, что всё обстоит не только благополучно, но и блистательно, Чаадаев смело сказал, что настоящее России «невыносимо». Герцен сравнил впечатление от этого письма с «выстрелом в тёмную ночь». Оно разбудило дремавшую общественную мысль, заставило многих задуматься и заговорить.

Вопрос, поставленный Чаадаевым, заключался в том, какой должен быть дальнейший путь исторического развития России.

В 40-е годы бывшие воспитанники Московского университета были уже зрелыми людьми; страстное искание истины, стремление работать на благо родной страны горели в них ещё ярче.

В страстных многочасовых спорах, иногда длившихся от зари до зари, люди 40-х годов вырабатывали собственную теорию — теорию будущего России.

Ведущей фигурой эпохи был Белинский. Именно он сформулировал программу действия, выдвинул первоочередные политические задачи: «уничтожение крепостного права, отмену телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя бы тех законов, которые уже есть». В далёком будущем он видел русскую республику и социализм.

В 1848 г. снова происходит революция во Франции, распространившаяся на ряд европейских стран.

В России с неослабным вниманием следили за развёртывающимися событиями.

Со светлой надеждой на победу социализма умирает в 1848 г. Белинский, уезжает во Францию Герцен, возникает новый политический кружок под руководством Петрашевского.

Царское правительство принимает свои меры и усиливает преследования. Крепко пришлось поплатиться за своё свободо-

мыслие членам кружка петрашевцев: они были приговорены к смертной казни, и только в последнюю минуту казнь была заменена ссылкой на каторжные работы в Сибирь.

Характеризуя 40-е годы, Тургенев писал: «Взяточничество процветает, крепостное право стоит, как скала, казарма на первом плане, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов. Поездки за границу становятся невозможными, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно висит над всем так называемым учёным литературным ведомством».

Вторя ему, Некрасов называл царскую Россию страной

... бесправия, невежества и дичи,
Где всё разумное придавлено тисками,
Где всё безмозглое отмечено звёздами,
Где силен лишь обман.

Становится понятным горькое раздумье Герцена, обращённое к нам, его далёким потомкам: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования?»

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

1814-1841

Жизнь и литературная деятельность

М. Ю. Лермонтова.

Пушкин убит на дуэли. Весть о трагической смерти великого русского поэта (в конце января 1837 г.) с молниеносной быстротой разнеслась сначала по Петербургу, а потом по всей стране. Большим, подлинно всенародным горем отозвалось это событие в сердцах всех истинных патриотов России, для которых Пушкин был её славой и гордостью. Народная ненависть к убийцам поэта была настолько сильной, что правительство опасалось волнений и приняло меры предосторожности.

В эти дни в обществе распространилось в списках стихотворение, строки которого дышали необычайной силой гнева. Автор этого стихотворения — тогда ещё никому не известный поэт Лермонтов — правдиво выразил испытываемое всеми горе и возмущение.

Стихи произвели огромное впечатление, их читали, переписывали и заучивали наизусть.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

Имя автора этих строк, которым суждено было стать бессмертными, теперь повторялось всюду.

Так день смерти одного великого русского поэта стал в то же время днём рождения другого великого поэта — Лермонтова, достойного наследника и преемника поэтического дела Пушкина.

Детство.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился 2 октября 1814 г. в Москвѣ.

Мать Лермонтова, Мария Михайловна, происходила из старинного влиятельного дворянского рода Арсѣньевых, владѣвших крупными помѣстьями. Отец поэта, Юрий Петрович Лермонтов, был офицером в отставке и жил в небольшой, небогатой усадьбе по соседству.

Мария Михайловна вышла замуж за него против воли своей матери, не соглашавшейся на неравный брак. В семье установились тяжѣлые враждебные отношенія.

Лермонтов почти не знал своих родителей. Мать его умерла, когда ему не было ещё и трёх лет. Отец тотчас же уѣхал. Он хотѣл взять с собой сына, но бабушка Е. А. Арсѣьева, горячо любившая внука, добилась того, что ребёнок остался у неё.

Большіе страданія доставляла впечатлительному мальчику вражда между бабушкой и отцом. Он был привязан к отцу, но любил и бабушку. Его положеніе между враждовавшими, но родными и близкими для него людьми было крайне тяжѣлым.

Впослѣдствіи Лермонтов в своих произведеніях, останавливаясь на этих печальных воспоминаніях своего детства, писал:

Ужасная судьба отца и сына —

Жить розно и в разлуке умереть...

Детские годы поэта прошли в имѣнии бабушки в селѣ Тарханах, Пензенской губернии, в обстановке барской усадьбы.

С ранних лет Лермонтов полюбил русскую природу и русский народ, любил слушать народные песни и сказки, рассказы крестьян о восстаніи Пугачёва, о войнѣ 1812 года.

Лермонтов рос болѣзненным и мечтательно настроенным мальчиком.

Вот как он изображает себя под видом Саши Арбенина в отрывке из неоконченной повести:

«В продолженіе мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привыкал побеждать страданія тела, увлекаясь грѣзами души. Он воображал себя волжским разбойником, среди синих и студѣных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наѣздах при звуке песен, под свистом волжской бури».

Поездки
на Кавказ.

Чтобы поправить здоровье мальчика, бабушка не раз возила своего внука на Кавказ. Величественная красота суровой кавказской природы поразила Лермонтова, и с той поры он на всю жизнь полюбил Кавказ.

Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ, —

писал впоследствии поэт.

Он увидел здесь горные громады, услышал южные могучие грозы, ознакомился с жизнью других людей, не похожих на тех, которые окружали его в Тарханах. Через всю жизнь пронёс Лермонтов любовь к Кавказу, который вдохновил его на создание целого ряда произведений.

Бабушка хотела дать внуку самое лучшее образование и не жалела на это средств. Маленький Миша был окружён иностранцами-воспитателями и учителями. Его обучали французскому, английскому, немецкому, латинскому и греческому языкам и всем общеобразовательным предметам. Чтобы создать для внука товарищескую среду, бабушка пригласила учиться вместе с ним нескольких мальчиков, детей родственников и соседних помещиков.

Годы учения.

В 1827 г. бабушка переехала для дальнейшего его образования в Москву.

Отлично подготовленный дома, Лермонтов поступил здесь в IV класс благородного пансиона при Московском университете. Учился он прекрасно. Особенно любил литературу. В это время он читал уже не только Пушкина и всё лучшее в русской литературе, но и Шекспира, Шиллера, Гёте, Байрона, а также и других классиков мировой литературы, с которыми он чаще всего знакомился в подлиннике.

В пансионе существовал литературный кружок, которым руководил известный тогда поэт Раич; Лермонтов принимал самое активное¹ участие в работе кружка. К этому времени относятся первые дошедшие до нас стихи поэта — четырнадцатилетнего мальчика.

В области литературного творчества Лермонтов обнаружил необыкновенную трудоспособность и глубину мысли. Он чутко

¹ Активное — деятельное.

Портрет М. Ю. Лермонтова.
(1814—1841)

откликáлся на политические настроéния общества. Чтобы понять их, надо вспомнить, что Лермонтов жил в страшное царствовáние Николая I, вступлéние которого на престóл было отмéчено жестóкой распрáвой над декабристами.

Писáтель А. И. Герцен говорил, что «гром пушек на Сенáтской площади разбудíл целое поколéние». К нему принадлежал и Лермонтов. Его ранние стихи полны тоскí, протéста и стремлéния к свободе.

Пятнадцатилéтним мальчиком он пишет о своей стране:

... Там стонет человек от рабства и цепéй ...

В стихотворéнии «Предсказáние» его мысль уно́сится в будущее, и он выража́ет веру в то, что

Настáнет год, России чёрный год,
Когда царéй корóна упадёт.

За годы пребывáния в пансионе он написáл около 60 стихотворéний и несколько поэм (среди них — «Черкэсы», «Кавкáзский пленник» и др.). В это же время была́ начата знаменíтая поэма «Демон», над которой Лермонтов впоследствии работал много лет.

В эти первые годы своего творчества Лермонтов многому учится у Пушкина, во многом подражает ему.

В 1830 г. Лермонтов поступил в Московский университет и учился на словесном отделении. Однако лекции профессоров мало удовлетворяли его, так как в большинстве это были отсталые и бездарные люди, не двигавшие науку вперёд.

Зато Лермонтов много работал самостоятельно, пользуясь книгами из собственной библиотеки, снабжённой всем современным. На экзаменах в конце года он обнаружил в своих ответах знания, которые были больше прочитанного курса, и это вызвало столкновение с профессорами.

13 июня 1830 г. во Франции происходит революция. Эти события захватывают студента Лермонтова.

Стремление к политической свободе, идея равенства всех людей, жгучая ненависть к крепостному праву и самодержавию — вот идеи, которыми живёт Лермонтов. Его томит жажда борьбы за свободу и угнетает «политическое безмолвие» окружающего общества. Он пишет:

Так жизнь скучна, когда боренья нет...
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал,
Как тень великого героя...

Он увлекается стихами декабриста Рылеева, погибшего на виселице, вольнолюбивыми стихами Пушкина и творчеством английского поэта Байрона, отдавшего жизнь в борьбе за свободу Греции.

Устанавливая черты сходства между собой и английским поэтом, Лермонтов подчёркивает различие:

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё невёдомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Это русское, национальное, любовь к родине, к народу были очень сильны в Лермонтове.

О политических настроениях Лермонтова в эти годы можно судить по его активному участию в единственной студенческой демонстрации, которая произошла в те годы в Московском университете. Это была так называемая «Маловская история» (она

относится к 1831 г.). Студенты выгнали из аудитории бездарного профессора — юриста Малова, которого ненавидели за его реакционность. В демонстрации участвовали студенты разных факультетов: студент физико-математического отделения философского факультета Герцен, множество юристов, студенты словесного отделения, в том числе и Лермонтов. Из-за «Маловской истории» и вследствие неблагоприятно сложившейся обстановки Лермонтову пришлось оставить в 1832 г. Московский университет. Хотя тогда он и не жалел об этом, но впоследствии вспоминал о своём пребывании в стенах «храма науки» в искренних и волнующих выражениях:

Святое место! Помню я, как сон,
твой кафедры, залы, коридоры,
твоих сынов заносчивые споры.

(Поэма «Сашка».)

Во время пребывания в университете Лермонтов написал много стихотворений, несколько драм и начал историческую повесть «Вадим», в которой едва ли не впервые в нашей литературе разработал тему Пугачёвского восстания как народного движения, как народной мести.

Жизнь в Петербурге.

Особой, сыновней любовью любил Лермонтов Москву, древнюю столицу нашей родины, город русской славы. Здесь он родился, здесь же началась и его творческая жизнь. Москве он посвятил замечательные строки в поэме «Сашка»:

Москва, Москва, люблю тебя, как сын,
Как русский — сильно, пламенно и нежно.
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный...

Как ни тяжело было ему расставаться с Москвой, но в 1832 г. он решил перевестись в Петербургский университет, хотя жизнь в тогдашнем Петербурге несколько пугала его:

Там жизнь грозная, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива...

писал он.

В школе
гвардейских
подпрапорщиков.

Перевестись в Петербургский университет Лермонтову не удалось, и в том же году он вместе с несколькими товарищами поступил в школу гвардейских подпрапорщиков.

Положение его в военной школе было крайне тяжёлым. В шумной толпе юнкеров он оставался одиноким. Образованный и начитанный юноша, Лермонтов рвался к свободе и чувствовал свою полную непригодность к такой жизни, в которой каждый день был наполнен строгой муштровкой, а вечера — кутежами да карточными играми. Внешне он не хотел выделяться ничем среди своих товарищей-юнкеров: часто принимал участие в их развлечениях, шалостях, но души своей перед ними не раскрывал, зная, что его не поймут.

Работать приходилось украдкой от товарищей. Ночами, когда все укладывались спать, Лермонтов, несмотря на то, что это могло повлечь наказание, пробирался в какой-нибудь пустой класс и там всю ночь обдумывал планы своих произведений, писал стихи или проводил время за книгами, чтение которых днём было запрещено. Не трудно представить, как удивились бы многие из юнкеров, узнав о его ночных занятиях.

В 1834 г. Лермонтов окончил школу и был произведён в корнеты лейб-гвардии гусарского полка, расположенного в Царском Селе (теперь город Пушкин).

После
окончания школы.

Прошли два «страшных года» в школе. В первое время после выхода из неё Лермонтов увлекался светскими развлечениями, но скоро почувствовал ничтожество и пустоту жизни «среди ледяного, среди беспощадного света», и светская жизнь стала тяготить его. Эти переживания Лермонтов отразил в романе «Княгиня Лиговская» и в драме «Маскарад».

В драме под маскарадом подразумевается светское общество, в котором нет искренности, естественности, нет подлинных человеческих чувств и глубоких мыслей, здесь одни только маски, за которыми скрываются тупые лица, мелкие страсти, пустые стремления. Цензура увидела в этом произведении насмешку над высшим обществом и не разрешила напечатать драму.

Однако в это же время всё-таки появилось в печати его первое произведение. Известно, что в 1835 г. один из товарищей Лермонтова отнёс потихоньку от него в журнал «Библиотека для чтения» поэму «Хаджи Абрёк», которая и была напечатана.

без разрешения автора. Поэт был недоволен, потому что он смотрел на большинство своих произведений, как на черновики для будущего большого творчества, к которому он себя готовил.

1837 год.

Наступил 1837 год. Пушкин убит на дуэли.

Как удар грома, эта скорбная весть поразила русское общество. Лермонтов был потрясён смертью любимого великого поэта и написал полное скорби и негодования стихотворение «На смерть поэта», которое стало документом огромного политического значения и явилось причиной внезапного перелома в судьбе Лермонтова.

В этих стихах он смело обвинял в гибели Пушкина людей, «жадной толпой стоящих у трона», — придворную знать.

Стихи произвели огромное впечатление, их переписывали в десятках тысяч экземпляров и заучивали наизусть (стихотворение «На смерть поэта» было впервые напечатано в 1856 г. в «Полярной звезде» Герцена).

Никогда ни одно стихотворение русского поэта не рождало такого отклика, как стихи Лермонтова на смерть Пушкина. От Герцена и Белинского до студента-разночинца, до выходца из крепостного крестьянства — все поняли, что Лермонтов — преемник Пушкина, что он укрепляет идейную близость Пушкина с декабристами и передаёт их заветы новым поколениям.

Николай I прочёл эти стихи, присланные ему с пометкой «призыв к революции», и ему показалось, что это один из декабристов возобновил свои речи с новой силой, с поэтической мощью, напоминавшей царю только что смолкшего Пушкина. Возникло «дело о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым». Поэт был арестован, и с тех пор Николай I никогда уже не выпускал поэта из-под своего жандармского «наблюдения».

Последние четыре года.

Первая ссылка
на Кавказ.

В апреле 1837 г. Лермонтов был сослан на Кавказ. Поэт вновь увидел Кавказские горы, которые ещё с детства поразили его. Вот что он писал, обращаясь к ним:

«Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство моё: вы носили меня на своих одичалых хребтах, облака-

ми меня одева́ли, вы к небу меня приучи́ли, и я с той поры всё мечта́ю о вас...»

Кавка́з стал его поэти́ческой роди́ной и исто́чником вдохнове́ния. Он говори́л:

Мой гений сплёл себе венók
В ущелинах Кавказских скал,

Кавказ и кавказские предания подсказали ему целый ряд сюжетов для его бессмертных творений. Древний монастырь под Мцхетом и связанные с этим монастырём предания дали Лермонтову сюжет для поэмы «Мцыри». Кавказские горы подсказали поэту обстановку для его бессмертной поэмы «Демон», действие многих поэм и романа «Герой нашего времени» развёртывается на Кавказе. Пребывание Лермонтова здесь на этот раз продолжалось недолго. В боях ему участвовать не пришлось; по его словам, он «слышал только два-три выстрела». Зато поэт много путешествовал по Кавказу как по делам службы, так и по собственному желанию.

В письме своему другу Раевскому он писал:

«Для меня горный воздух — бальзам², хандра³ к чорту, сердце бьётся, грудь высоко дышит».

С самого детства Лермонтов обнаруживал большие способности к рисованию. Странствуя по Кавказу, поэт зарисовал, как он сам говорил, «виды всех примечательных мест», так что у него накопилась целая коллекция рисунков. Здесь, вдали от отвлекавшего и раздражавшего его Петербурга, Лермонтов отдался поэтическому творчеству.

1837 год был двадцатипятилетием войны с Наполеоном, и Лермонтов пишет своё прекрасное, проникнутое глубоким патриотизмом и народностью стихотворение «Бородино».

Затем, перенесясь в XVI век, в эпоху Ивана Грозного, он создаёт чудесную «Песню про купца Калашникова».

Через несколько месяцев, благодаря энергичным хлопотам бабушки, Лермонтов получил новое назначение — в Гродненский полк, и вскоре ему было разрешено вернуться в столицу.

К месту нового назначения он не торопился и на обратном пути в Петербург задержался в Ставрополе, где познакомился

² Бальзам — целительное средство; утешение.

³ Хандра — мрачное настроение.

со ссыльными декабристами. Особенно близко сошёлся и подружился он с поэтом А. И. Одоёвским, о котором впоследствии вспоминал:

Мы странствовали с ним в горах востока...
и тоску изгнания делили дружно.

Интересно отметить, что Лермонтов, когда-то учившийся ненависти к самодержавному строю на стихах декабриста Рылёева, при встрече со ссыльными декабристами оказался гораздо более революционно настроенным, чем они.

Многие из декабристов, измученные и усталые, готовы были примириться с николаевской действительностью и признать разумными и достаточными намечавшиеся либеральные мероприятия правительства. Но мятежный дух Лермонтова не мог удовлетвориться только некоторыми либеральными мерами: он жаждал действия и в своих требованиях политической свободы шёл значительно дальше.

Опять
в Петербурге.

Приехав в Петербург, Лермонтов хотел выйти в отставку и всецело отдаться литературе, но осуществить эти замыслы ему не удалось.

Слава его росла, и он становился известным поэтом. В литературных кругах приняли Лермонтова хорошо, но начальство по-прежнему продолжало относиться к нему подозрительно. Он постоянно чувствовал себя как бы в плену.

К этому времени относится связь поэта с «кружком 16-ти». Один из участников этой группы через много лет рассказал в своих воспоминаниях об этом кружке молодёжи, главным образом военной. Группа организовалась в 1839 г. и называлась «кружок 16-ти» по числу своих членов. В него входила молодёжь, интересовавшаяся вопросами политики, литературы, искусства.

«Кружок» не был тайным революционным обществом в строгом смысле слова, но всё же его членов объединяло чувство протеста⁴ против николаевского режима⁵. Несомненно, для тех лет «кружок 16-ти» был передовой прогрессивной группой. Известно, что великий князь Михайл Павлович, брат царя, говорил, что «разорит это разбойничье гнездо».

Творчество Лермонтова этих лет характеризуется зрелостью

⁴ Протест — резкое выступление против чьих-либо действий.

⁵ Режим — здесь государственный строй.

мысли и формы. Со всею силой революционного подъёма, со жгучей ненавистью и злой насмешкой обрушивается он на современную ему действительность и обнажает пустоту и ложь представителей господствующих классов:

О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!

Чем глубже всматривался Лермонтов в современное ему общество, тем больше убеждался в том, что всё в этом обществе «замерло и жило трепетной жизнью, чуждой надежд и смелых порывов». Человеческая личность была всецело подавлена, всё было «занумеровано и затянута в мундиры». Поэт, исполненный «благородного негодования», не мог примириться с этим, и он бунтовал, возмущался своим поколением, неспособным к борьбе, клеймил светское общество.

Неравная борьба. Тучи над Лермонтовым сгущались. Высшее общество и царская семья были возмущены его стихами и поведением.

Так же как и в пушкинском деле, была пущена в ход интрига⁶. Сын французского посланника де Баранта получал письма, в которых сообщалось, будто бы Лермонтов оскорбляет его. Этот светский щеголь и искатель приключений вызвал поэта на дуэль, которая кончилась ничем, так как Барант промахнулся, а Лермонтов выстрелил в воздух. Несмотря на такой исход дуэли, поэт всё же был арестован и посажен на гауптвахту⁷.

Когда поэт сидел под арестом на гауптвахте, его посетил Белинский — великий русский критик. Они проговорили четыре часа. Белинский был в восхищении от беседы с Лермонтовым.

«Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство... О, это будет русский поэт с Ивана Великого!»⁸ Так писал великий критик своему другу, не подозревая, как мало осталось жить и творить великому и могучему поэту.

⁶ Интриги — тайные и злобные наговоры, происки с целью оклеветать и очернить человека.

⁷ Гауптвахта — караульное помещение с комнатами для заключения арестованных.

⁸ Иван Великий — самая высокая колокольня в Москве.

Вторая ссылка
на Кавказ.

В результате рассмотрения дела с Барантом Николай I распорядился перевести поэта в Тенгинский полк, стоявший на Кавказе; это была новая ссылка в действующую армию.

Накануне отъезда на Кавказ Лермонтов был у Карамзиных. Здесь, стоя у окна и глядя на тучи, несущиеся по небу, он написал стихотворение «Тучи».

В этом стихотворении развивается тема одиночества и грусти: поэт завидует тучам, которым чужды страсти и страдания и которые поэтому не испытывают горечи расставания:

Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Сам же поэт остро переживал разлuku с родиной, расставание с близкими друзьями. Перед самым отъездом он прочитал это стихотворение. На глазах его были слезы. Вспомнилась жизнь, полная преследований. Он чувствовал себя одиноким, гонимым, и «зависть тайная» и «злоба открытая», и «друзей клеветя ядовитая» — всё соединилось против поэта, вынужденного вновь покинуть родные места.

Уезжая на Кавказ, он написал также одно из самых сильных своих политических стихотворений, проникнутое глубокой ненавистью к царю и его жандармам: «Прощай, немая Россия».

Во время второй ссылки Лермонтову пришлось воевать по-настоящему. Кавказская война была в полном разгаре. Участвуя в военных действиях, он часто находился в самых опасных местах, под градом пуль, выказывая неизменную храбрость. Одно из таких сражений, при Валерике, описано им в стихотворении «Я вам пишу». В этом стихотворении, как и во многих других, поэт высказывает своё сочувствие горским народам:

Кавказ! Далёкая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!

Такое направление его поэзии раздражало придворные круги и отразилось на судьбе поэта. Известно, что военное начальство дважды представляло Лермонтова к наградам за мужество и

храбрость, но его имя вычёркивалось из списка представленных к наградам самим Николаем I, потому что он не хотёл дать возможность поэту заслужить отставку и прощение.

В 1841 г. Лермонтов выхлопотал кратковременный отпуск и приехал в Петербург. Это был его последний приезд. В это время появились в печати его роман «Герой нашего времени» и сборник лирических стихотворений. Все любящие литературу высоко оценили поэта, считали его преемником Пушкина, но великосветское общество попрежнему враждебно относилось к нему.

Поэт хотёл выйти в отставку, мечтал об издании литературного журнала, но ему дали понять, что он наказан службой на Кавказе и должен нести наказание до конца.

Хлопоты об отставке кончились ничем, а сам Лермонтов вскоре был выслан в сорок восемь часов обратно к месту службы за то, что осмелился появиться на балу, где находилась царская семья.

С чувством оскорбления и негодования покидает Лермонтов столицу и в третий раз отправляется на Кавказ. Николай I, желая избавиться от поэта, приказал, чтобы «поручик Лермонтов непременно состоял налицо на фронте».

Дорогой, всматриваясь в огни редких деревень, Лермонтов написал одно из лучших своих стихотворений — «Родина». В нём он с удивительной простотой и силой показал свою любовь к родине, свою связь с народом:

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

По пути к своему полку Лермонтов сделал остановку в Пятигорске, из которого ему уже не суждено было выехать.

Дуэль и смерть. Здесь, в Пятигорске, поэт встретился с многими представителями петербургского света и со своим бывшим товарищем по школе гвардейских подпрапорщиков — Мартыновым, обидчивость и хвастливость которого вызывали иногда насмешки со стороны Лермонтова. Нашлись люди, которые передавали эти замечания Мартынову с добавлениями; тем самым его наталкивали на ссору. Самолюбивый Мартынов счёл себя оскорблённым и вызвал поэта на дуэль.

Многочисленные враги Лермонтова приняли горячее участие в организации этой дуэли. Условия дуэли свидетельствовали о том, что это был не столько поединок, сколько сознательно подготовленное убийство. Известно, что Лермонтов держал дуло пистолета вверх, желая выстрелить, как и в дуэли с Барантом, в воздух; Мартынов же подошёл к самому барьеру и, долго целясь, выстрелил прямо в грудь поэта. Лермонтов был сражён насмерть.

Это было 15 июля 1841 года.

Так, вслед за Пушкиным, был убит второй гениальный русский писатель — Лермонтов. Могучие слова его поэзии, поэзии гнева и призыва к борьбе, «воспламеняли для битвы» многие поколения борцов с самодержавием. Его голос больше чем через столетие доходит и до нас, строителей новой жизни, как голос народного поэта, гражданина и борца.

Творчество поэта.

Общая оценка творчества.

Лермонтов — необычайное явление в русской литературе. Подобно Пушкину, он проявил себя во всех жанрах литературного творчества — в лирике, эпосе, драме.

Как поэт он не повторял никого ни в чём и одновременно был тонко ощутимой связью связан с выдающимися писателями как прошлого, так и своего времени. Он учился у Рыльева. Пушкин дал ему образцы поэзии вначале для ученических опытов, потом для самостоятельной глубокой разработки тем. Заслугой Лермонтова является то, что, обладая огромным и самобытным поэтическим даром, он сумел использовать литературное наследие, взять из него всё идейно передовое, художественно совершенное. Но он не был подражателем. Его взрастила русская жизнь, а не иноземные влияния.

Это был действительно русский поэт, поэт «с русской душой», для которого исторические судьбы родины и благо народа были превыше всего.

Жизнь Лермонтова как гражданина и поэта напоминает его «Парус» в море. Мятёжность и искание бури — вот характерные особенности короткой, но яркой жизни поэта. Этими настроениями пронизано и его творчество от начала до конца.

Ещё шестнадцатилетним юношей он высказал сочувствие июльской революции 1830 года во Франции и провозгласил, что «есть суд земной и для царей»:

— О! чем заплатишь ты, тиран⁹,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан?

Тогда же поэт призывал к мужеству и своих соотечественников:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? — погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали.

В драме «Странный человек», написанной также в юношеские годы, он глубоко возмущался рабским положением народа.

Главному герою драмы, Владимиру Арбенину, и его другу крестьянин рассказывает о жестокостях своей госпожи, пытающей крепостных. Владимир даёт другу деньги для покупки этой деревни у страшной помещицы и в отчаянии восклицает:

— О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство... Всё куплено кровавыми слезами...

Замечательно, что уже в повести «Вадим», остановившись на пугачёвском восстании, он обнаружил глубокое понимание неизбежности народного восстания, народной мести.

«На смерть поэта». Наиболее ярким проявлением мятежного духа поэта были его стихи «На смерть поэта», в которых он выразил мысли, думы, чувства и переживания всех русских людей, кому дорогá была русская культура, слава и величие родины. Пушкин — великий гений, его смерть — всенародное горе, его убийцы — враги всего русского народа, русской культуры, — вот основной мотив стихотворения.

Первая часть стихотворения построена на противопоставлении светлого гения Пушкина тёмным и злым силам великосветского общества. Пушкин — «невольник чести», «оклеветанный молвой», один восстал против лживых «мнений света» и... убит:

Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венók.

⁹ Тирáн — правитель, действующий насильем.

«Его свободный, смелый дар», его «звуки чудных песен» были нашей гордостью и славой.

Вдохновенному образу Пушкина противопоставлен «свет завистливый и душный». Представители этого «света» — «ничтожные клеветники», «наперсники разврата» — всю жизнь преследовали поэта. Они его убийцы, и тот, кто «хладнокровно навёл удар», кто, смеясь,

. дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы,

был исполнителем их воли.

Лермонтов в этих стихах, которые впоследствии знал почти каждый грамотный человек в России, первый сказал, что дуэль Пушкина была убийством великого поэта, не угодного царю и знати.

Для уяснения идейного значения стихотворения большой интерес представляет процесс работы поэта над ним. Известно, например, что, дойдя до описания дуэли, Лермонтов написал:

Его противник хладнокровно
Наметил выстрел . . .

Строка осталась неоконченной. Поэт стал работать над ней. Зачеркнул «наметил выстрел» и написал сильнее: «навёл удар», а в конце строки — «надежды нет». Далее, зачеркнув слова «его противник», он написал: «его убийца». Вместо «надежды нет» вставил более мрачное и неизбежное — «спасенья нет».

Закончив стихотворение, больной, расстроенный, поэт лежал дома. Бабушка послала даже за лейб-медиком¹⁰ Арендтом, у которого лечился весь великосветский Петербург. Он рассказал Михайлу Юрьевичу о трагической гибели Пушкина и о его страданиях в течение двух с половиной суток — с 7 по 9 января. Погруженный в свои думы лежал поэт, когда в комнату вошёл его родственник, камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин. Он служил тогда в министерстве иностранных дел под начальством Нессельроде и принадлежал к высшему петербургскому кругу. Таким образом, его слова выражали мнение придворных салонов. Он рассказал поэту, что там говорят.

Столыпин, как и все, расхваливал стихи Лермонтова, но находил в них существенные недостатки. Он считал, что

¹⁰ Лейб-медик — придворный врач.

Мишель¹¹ напрáсно восхваляет Пушкина и слишком нападает на невольного убийцу, который, как и всякий благородный человек, после всего того, что было между ними, не мог не стреляться.

Лермонтов отвечал на это, что чисто русский человек, неофранцуженный, неиспорченный, съел бы со стороны Пушкина всякую обиду; съел бы её во имя любви к славе России, не мог бы поднять руки своей на него. Спор стал горячее...

Запальчивость поэта вызвала смех со стороны Столыпина, который тут же заметил, что «у Мишеля слишком раздражены нервы». Но поэт был уже в полной ярости; он не слушал своего светского собеседника и, схватив лист бумаги да сердито поглядывая на Столыпина, что-то быстро писал, ломая карандаши, по обыкновению, один за другим. Увидев это, Столыпин сделал насмешливое замечание. Раздраженный поэт назвал его врагом Пушкина и, осыпав упреками, потребовал, чтобы он сию же минуту убирался, иначе он за себя не отвечает. Столыпин вышел.

Четверть часа спустя Лермонтов прочёл заключительные шестнадцать строк своего стихотворения, дышащие силой и энергией негодования. Такие строки могли родиться только в душе народного поэта, понимавшего, как велика утрата Пушкина для России.

Народность Лермонтова ярко проявилась в целом ряде других его произведений этого периода и прежде всего в знаменитом стихотворении «Бородино», написанном во время первой ссылки на Кавказ¹². Походная обстановка вдохновила поэта на создание этого высокопоэтического стихотворения, в котором описано сражение между русскими и французскими войсками около села Бородино (под Москвой) в 1812 году.

В нём Лермонтов указал, что настоящим героем этого сражения является народ, отстоявший свою национальную независимость. Поэт восхищается мужеством защитников родины и сравнивает их с трусливыми людьми николаевского времени:

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя;
Богатыри — не вы!

¹¹ Мишель (франц.) — так звали Лермонтова в семье.

¹² Стихотворение написано к двадцатипятилетию Бородинского сражения.

Великий народный подвиг, каким является в истории Бородинское сражение, поэт сумел так вместить в простой и задушевный рассказ одного из безвестных участников его, что и личность этого участника стоит перед нами, как живая, и всё величие борьбы народа выступает во всей своей силе и правде. Это произведение есть торжество народности и реализма¹³ в русской поэзии. Стихотворение проникнуто безаветной любовью к родине.

Патриотическое настроение поэта, его гражданское воодушевление в этом стихотворении вполне созвучны нашему времени.

Глубоко народным произведением является и «Песня про купца Калашникова», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Центральным замыслом поэта было показать в «Песне» людей больших страстей и сильных характеров. Для изображения таких людей он обратился к прошлому, к старине, так как в современной ему действительности он видел только людей мелких, пошлых, о которых песни не сложишь.

Эпоха Ивана Грозного и образ самого царя Ивана Васильевича раскрыты согласно с научным пониманием 30—40-х годов. Поэт подчёркивает разгул произвола, ненужные жестокости эпохи Грозного; это напоминает ему его время и позволяет в скрытом виде отозваться на современные события.

В образе Кирибеевича, верного опричника Грозного, показан человек большой силы чувства. Его любовь к Алёне Дмитриевне, жене купца Калашникова, раскрыта как большая страсть, поглотившая его целиком. В своём глубоком и искреннем чувстве к ней он не хочет считаться ни с её желанием, ни с какими-либо условностями. Эта страсть и приводит к тем обидам и оскорблениям, которые он наносит Алёне Дмитриевне и купцу Калашникову.

Главным героем «Песни» является купец Степан Парамонович Калашников. Для него чувство чести превыше всего; это — негибемый борец за правду.

Калашников, по словам Белинского, «один из тех упругих и тяжёлых характеров, которые тихи и кротки только до тех пор, пока обстоятельства не расколыхают их, одна из тех железных натур, которые и обиды не стерпят и сдачи дадут».

¹³ Реализм — правдивое изображение действительности.

говорит он. И, действительно, за нанесѣнные ему обиды, за оскорблѣнную честь, за правду он идёт на смерть.

Не шутку шутить, не людей смѣшить
К тебѣ вышел я теперь, басурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на послѣдний бой, —

говорит Калашников и убивает Кирибѣевича, любимого царского опричника, хотя и знает, что ему придётся принять на себя страшную силу царского гнева.

В концѣ «Песни» поэт показывает сочувственное отношеніе народа к Калашникову, подвиг котораго не забудется:

И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою;
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар-человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — спуют песенку.

С юных лет поэт чувствовал и выражал в своих стихах глубокое негодованіе против людей, попирающих права и честь других.

Эти свои мысли и настроенія Лермонтов и выразил в «Песне», перенеся действие в XVI век. Московская Русь этого времени показана здесь правдиво.

Поэт всегда интересовался прошлым своего народа и его творчеством. Он хорошо знал русские песни, был знаком со всем тем, что было уже сделано к тому времени в области изучения фольклора. Вліяніе народнаго творчества на «Песню» несомненно. Всё это произведение написано в народном стилѣ, народным языком; очень характерен в этом отношеніи зачин («запѣвка») и концовка («слава»). Белинский сказал о «Песне», что в этом произведении Лермонтов показал кровное родство своего духа с духом народности своего отечества.

Поэма «Мцыри». «Всегда кипит и зреет что-нибудь в моём умѣ», — писал о себѣ Лермонтов. И действительно, в его сознании постоянно роились новые мысли, темы, идеи, складывались новые образы и характеры. Чаще других

его творческому воображению представлялись образы сильных и мужественных людей, образы борцов, которые знают

... одной лишь думы власть —
Одну — но пламенную страсть...

Лучший из этих образов — мцыри¹⁴.

Поэма «Мцыри» — глубоко выстраданное произведение. Это своеобразная исповедь¹⁵ мятежной души самого поэта. Идея этой поэмы — прославление жизни, неугасимое стремление к свободе.

Основная часть поэмы представляет собой предсмертную исповедь мцыри, повесть горьких мук его, в которой он с полной откровенностью рассказывает старику-монаху, единственному своему слушателю, о том, что видел он на воле и какие стремления, переживания и мысли волновали его:

Я мало жил и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть —
Одну — но пламенную страсть...

Этой неукротимой страстью¹⁶, вскормленной слезами и тоской в чуждой ему обители, была любовь к родине, жажда свободы и стремление не к монашескому подвигу, а к реальной жизни с её тревогами и борьбой. Он дал себе клятву вырваться на свободу и узнать — «для воли иль тюрьмы на этот свет родимся мы». Три дня провёл мцыри вне душных стен обители. «Жизнь моя, — говорит он старику-монаху, — без этих трёх блаженных дней была бы печальней и мрачней бессильной старости твоей».

Здесь, на свободе, среди роскошной, чарующей природы, он встретился с грузинкой, чей «голос молодой, так безыскусствен-

¹⁴ Мцыри — послушник в грузинских монастырях, который готовится стать монахом.

¹⁵ Исповедь — искреннее, откровенное и полное признание в чём-нибудь.

¹⁶ Неукротимая страсть — сильное, не знающее предела желание.

но живо́й, так сладко вольный», наполнил душу его смятением. Это появлéние грузинки с очáми, полными тайны, представляет собóй как бы поэти́ческий образ желáнной, но ещё невéдомой любви.

Центра́льным эпизо́дом рассказá мцыри является то место, где он говорит о встрече с барсом, о битве с ним. Мцыри томíла жажда борьбы́, схватки с сильным противником, и эта жажда нашлá себе здесь полное удовлетворéние. В борьбé с хищником он проявил мужество, отва́гу, силу и ловкость. Это дало ему право сказа́ть о себе, что он «быть мог в краёу отцо́в не из послéдних удалцо́в».

Но тщетно мцыри спорил с судьбо́й. Его усíлия и страда́ния были напрáсны. Позна́в блаже́нство вольности, он опя́ть ока́злся у стен монастыря́ и только теперь понял, что ему

... на родину следá
Не проложíть уж никогдá,

что его желáния и тоскá не что инóе, как

Жар бессíльный и пусто́й,
Игрá мечты́, болéзнь умá...

Мцыри умира́ет с глубоко́й, невырази́мой тоско́й по родине, по свободе. И если — как тому́ учат религио́зные верования — ему угото́ваны за его страда́ния рай и вечность, он отка́зывается от них:

... за несколько мину́т
Между круты́х и тёмных скал,
Где я в ребя́честве играл,
Я б рай и вечность променял ...

Родине отданы и послéдние думы мцыри. Он просит стари́к-мона́ха:

Ты перене́шь меня вель
В наш сад, в то место, где цвели
Ака́ций белых два куста ...
.
.
.
Отту́да виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высóт
Привет проща́льный мне пришлёт,
Пришлёт с прохлáдным ветерком.

Такъв внутренний мир мцыри; поэт вложил в этот мир много своих мыслей и чувств. Подобно своему герою, Лермонтов, «гонимый миром странник», тосковал по родине, по любви, по свободе, по великим подвигам и так же, как мцыри, стремился вырваться из окружающей его прошлой действительности в чудесный мир «тревог и битв».

Печально я гляжу на наше поколенье:
Его грядущее иль пусто, иль темно, —

писал Лермонтов в 1838 г. в своём стихотворении «Дума». Он произнёс в нём суровый, беспощадный приговор над своими современниками, поколением, которое пришло на смену благородным борцам за свободу — декабристам. Он обвинял их в равнодушии к добру и злу, в неспособности к «великим жертвам на благо человечества».

«Герой
нашего времени».

Те же мысли, но не сжатые в краткие строки стихов, а пространно развёрнутые на страницах большого романа, Лермонтов выразил в «Герое нашего времени» образом Печорина.

«Герой нашего времени» — одно из самых значительных произведений русской прозы. Белинский, посвятив первому изданию романа большую статью, писал, что Лермонтов «и в прозе является равным себе, как и в стихах». Гоголь очень высоко ценил прозу Лермонтова и говорил, что «никто ещё не писал у нас такую правильную, прекрасную и благоуханную прозою». Такую же оценку давал и Толстой, а Чехов считал, что «Тамань» является образцом рассказа. «Я не знаю, — говорил он, — языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разбираю бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать...»

В «Герое нашего времени» Лермонтов нарисовал образ Печорина, в котором, по его словам, он дал портрет, составленный «из пороков всего... поколения».

«Герой нашего времени»... — писал Лермонтов в предисловии, — точно, портрет, но не одного человека; это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Это тип, составленный из множества черт, характерных для определённой части дворянства 30-х годов. Это «болёзнь времени».

Печорин изображён в романе прежде всего аристократом. Весь его внешний вид говорит об его аристократизме. У него «маленькая аристократическая рука», «бледный благородный лоб», «светлые волосы и чёрные брови и усы», — признак породы. «Ослепительно чистое бельё» странствующего офицера и «его бархатный сюртучок» ещё больше подчёркивают его принадлежность к аристократии. Об этом же говорит его происхождение и его пребывание в высшем кругу общества.

По запросам своего ума Печорин головой выше окружающих его людей. Он презирает их, томится в их среде, но сам определённой цели не знает и поэтому часто свои «силы необъятные» тратит на пустые дела, по существу не зная, куда эти силы приложить.

Особенно ярко подчёркивается в романе раздвоенность Печорина, его противоречивость. Вся жизнь его представляет собою цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. О себе он сам говорит: «Во мне два человека: один живёт, в полном смысле этого слова, другой — мыслит и судит его».

Печорин живёт в эпоху, когда была невозможна общественная жизнь, он живёт только собой и, по собственному признанию, стал равнодушен ко всему окружающему. Он растрчивает свои силы на мелкие интриги и жестокие забавы. Он — внутренне опустошённый человек. В этом широком показе Печорина как героя того времени, когда жил и творил Лермонтов, — историческое значение этого замечательного романа.

Рождённый в «годы глухие», Лермонтов, подобно Пушкину, негодовал и задыхался в удручающей атмосфере¹⁷ николаевского самодержавия. Его жизнь и судьба во многом напоминают нам жизнь и судьбу его гениального учителя.

Преёмник декабристов, продолжатель лучших традиций освободительной борьбы, Лермонтов создал за свою недолгую, насильственно оборванную жизнь большое количество замечательных произведений, исполненных огня и страсти, пронизанных передовыми стремлениями своего времени.

Решительно борясь против «царства мглы, произвола, молчаливого замиранья, гибели без вести, мучений с платком во

¹⁷ Удручающая атмосфера — здесь: тяжёлая, удушливая, гнетущая обстановка жизни.

рту» (А. И. Герцен), Лермонтов бросил резкий вызов современному ему обществу — этой «толпé угрюмой», которая прошлá над миром

... без шума и следá,
Не бросивши векáм ни мысли плодóвítóй,
Ни гением начáтого труда.

Поэт мечтáл о другóх поколénиях — о тех, которые напóблнят мир благородной борóбóй и творчеством, бросят векáм плодóвítóю мысль и передадут начатый гением труд. Лермонтов верил, что придут эти счастливые поколénия... Лермонтов, строгий судья и гражданин своего времени, становóвится близким, понятным, родственным нашему времени. Народы нашей родины любят Лермонтова — гениáльного мастера слова, поэта с мятёжным духом и громáдной жаждой свободы.

Вопросы.

1. Какие факты жизни Лермонтова повлияли на формировáние его характера?
2. Какое образовáние получил он?
3. Как влияло на творчество Лермонтова его пребывáние в университéте и воéнном учéлище?
4. За что Лермонтов был сослан на Кавказ?
5. Какой харáктер имéли его первая и вторая ссылки?
6. Как отразилось на творчестве Лермонтова его пребывáние на Кавказе?
7. Какие поэмьы написáл Лермонтов?
8. Какие темы затрáгивал Лермонтов в своих лирических стихáх?
9. Где причýны гибели Лермонтова?

НЕТ, Я НЕ БАЙРОН . . .

(1831)

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё невéдомый¹⁸ избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

¹⁸ Невéдомый — незнаемый, неизвестный.

Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твой изведать тайны? Кто
Толпе мой расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

ПАРУС.

(1832)

Белѣет парус одинокий
В тумане моря голубом. —
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в край родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнѣтся и скрипит;
Увы! — Он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Вопросы.

1. Что спрашивает автор, глядя на парус?
2. Какой даёт ответ?
3. На фоне каких трёх картин природы нарисован парус?
4. Которая из них ближе парусу?
5. Чем образ паруса родственен Лермонтову?

Задания.

I. Найдите созвучные окончания строк — рифмы, выпишите их пары, поставьте ударения.

Рифмы с ударением на последнем слоге — мужские, на предпоследнем — женские.

Как они расположены?

Такое расположение называется чередованием.

II. Найдите в стихотворении «Парус» метафоры. Объясните их смысл.

III. Сделайте небольшое описание на одну из следующих тем:

1. Дерево, стоящее над водою.
2. Небо, по которому плывут облака.
3. Весенний ручей, бегущий с горы.

Введите в ваше описание метафоры, соответствующие выбранной вами теме.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА.

(1837)

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. К чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправдания? —
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... Он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок,
Его убийца хладнокровно
Навёл удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дрогнул пистолёт.
И что за диво?... из далёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов¹⁹
Заброшен к нам по воле рока²⁰;
Смейсь, он дерзко презирал

¹⁹ Дантес, убивший Пушкина, приехал из Франции «на ловлю счастья и чинов».

²⁰ Рок — судьба.

Земли чужой язык и нравы;
 Не мог щадить он нашей славы;
 Не мог понять в сей миг кровавый,
 На что он руку поднимал! . . .
 И он убит — и взят могилой,
 Как тот певец, невѣдомый, но милый,
 Добыча ревности глухой,
 Воспѣтый им с такою чудной силой,
 Сражѣнный, как и он, безжалостной рукой ²¹
 Зачем от мирных нег ²² и дружбы простодушной
 Вступил он в этот свет завистливый и душный
 Для сердца вольного и пламенных страстей?
 Зачем он руку дал клеветникам ²³ ничтожным,
 Зачем повѣрил он словам и ласкам ложным,
 Он, с юных лет постигнувший людей? . . .
 И прежний сняв венók — они венѣц терновы́й ²⁴,
 Увѣтый лаврами ²⁵, надели на него:
 Но иглы тайные сурóво
 Язvíли славное челó;
 Отравлены его последние мгновенья
 Ковáрным шопотом насмѣшливых невежд ²⁶,
 И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
 С досáдой тайною обману́тых надежд.
 Замóлки звуки чудных песен,
 Не раздаваться им опять:
 Прию́т певца́ угрю́м и тесен,
 И на устах его печать.

²¹ Существует предположение, что Лермонтов подразумевает здесь Ленского (из романа Пушкина «Евгений Онегин») или французского поэта Анрэ Шеньё, которому посвящено стихотворение Пушкина «Андрей Шеньё» (1825).

²² От мирных нег — от мирных радостей и удовольствий.

²³ Клеветник — от слова *клеветá* (ложь).

²⁴ Венѣц терновы́й, увѣтый лаврами — венók страданий, мучений, хотя бы он и венчал поэта славой; *терновы́й* — колючий, причиняющий мучения, из терна. Дальше в стихотворении сказано: *Но иглы тайные сурóво язvíли славное челó . . .* — язвить — причинять боль, страдание.

²⁵ Лавры — листья лаврового дерева, знак победы, славы.

²⁶ Насмѣшливые невежды — здесь: та придворная знать, которая «ковáрным шопотом» распространяла вокруг Пушкина злостную клевету; кова́рный — скрытый и злобный, лукавый и злорадный.

А вы, надмѣнные²⁷ потѣмки
 Извѣстной подлостью прослѣвленных отцов,
 Пятю рабскою поправши²⁸ обломки
 Игрою счастья обиженных родов!
 Вы, жадною толпой стоящие у трона,
 Свободы, Гения и Славы палачи!
 Таитесь²⁹ вы под сению закона³⁰,
 Пред вами суд и правда — всё молчи! . .
 Но есть, есть божий суд, наперсники разврата³¹!
 Есть грозный судия: он ждёт;
 Он недоступен звону злата
 И мысли и дела он знает наперёд.
 Тогда напрасно вы прибѣгнете к злословью³²:
 Оно вам не поможет вновь,
 И вы не смѣете всей вашей чёрной кровью
 Поэта праведную кровь!

Задания.

I. Выпишите художественные определения — эпитеты, относящиеся к Пушкину.

Как названы его голова, дар, сердце, гений, челѣ, песни, кровь?

Какими эпитетами характеризует Лермонтов светское общество? (свет, слова и ласки, клеветники, невѣжды, шопот, потѣмки, толпа, пята, кровь).

II. Выучите наизусть два отрывка из этого стихотворения: первый от начала, кончая словами: «На что он руку поднимал . . .», второй — от слов: «А вы, надмѣнные потѣмки . . .», кончая словами: «Пред вами суд и правда — всё молчи . . .»

Вопросы.

1. Как относится Лермонтов к светскому обществу и к Пушкину?
2. Как характеризует он убийцу поэта?
3. Как относилось к Пушкину придворное общество?
4. Какую карой грозит ему Лермонтов?

²⁷ Надмѣнный — высокомерный, гордый, спесивый, до крайности напыщенный и кичливый (самоуверенный).

²⁸ Поправшие — унижившие.

²⁹ Таитесь — прячетесь, скрываетесь.

³⁰ Под сению закона — под защитой закона, под прикрытием его.

³¹ Наперсники разврата — любители разврата, друзья разгульной жизни.

³² Злословье — клевета.

БОРОДИНО.

(1837)

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородинá!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут³³.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью³⁴:

³³ Редут — земляное укрепление для войск с валом и рвом.

³⁴ Мусью (искажённое французское слово) — господин.

Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Порá добраться до картэчи³⁵!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафёта³⁶,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер³⁷ чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворчá сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слугá царю, отец солдатам . . .
Да жаль его: сражён булатом,
Он спит в землѣ сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрѣте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

³⁵ Картэчь — артиллерийский снаряд, наполненный пулями крупнее дроби.

³⁶ Лафёт — станок под артиллерийское орудие.

³⁷ Кивер — военный головной убор из твёрдой кожи.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны³⁸ с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений! ..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат³⁹, картечь визжала,
Рука бойцов колотъ устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Извѣдал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой! ..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой ...

Вот смерклось. Были все готовы
Заўтра бой затѣять новый
И до конца стоять ...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы⁴⁰.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать ...
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы!

³⁸ Уланы, драгуны — особые кавалерийские войска в старое время.

³⁹ Булат — здесь: стальной клинок, меч.

⁴⁰ Бусурманы (басурманы) — недоброжелательное название иноземцев, в данном случае французов.

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля,
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы.

Задание.

1. Составьте план стихотворения.
- II. Выберите строки, показывающие, что солдаты понимали необходимость битвы и стремились сразиться с врагом.
- III. Опишите Бородинское сражение.

Вопросы.

1. Каково настроение солдат после боя?
2. Как описывает рассказчик участников Бородинского сражения?

ПОЭТ.

(1838)

Отделкой золотой блистает мой кинжал⁴¹:

Клинок надёжный, без порока;

Булát его хранит таинственный закал —

Наслédье бранного Востока.

Наéзднику в горах служил он много лет,

Не зная платы за услугу;

Не по одной груди провёл он страшный след

И не одну порвал кольчугу⁴².

Забáвы он делил послушнее раба,

Звенёл в ответ речáм обидным;

В те дни была б ему богатая резьба

Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Терекóм отважным казакóм

На хладном трупе господина,

И долго он лежал заброшенный потом

В похóдной лавке армянина.

⁴¹ Кинжал состоит из рукоятки и стального клинка. Отточенная часть его называется лезвием. Булát — сталь лучшей закалки. Хранится кинжал в ножнах из кожи, иногда отделанных серебром, золотом и драгоценными камнями. Украшения могут быть и на рукоятке.

⁴² Кольчуга — рубашка из стальных колец, защищающая тело от стрел и ударов холодным оружием.

Теперь родных ножо́н, изб́итых на войне,
Лише́н героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привы́чную, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает.
И надписи его, моля́сь перед зарёй,
Никто с усер́дьем не читает.

*

В наш век изне́женный не так ли ты, поэт,
Своё утра́тил назначенье,
На злато променя́в ту власть, которой свет
Внимал в нёмо́м благоговéнье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламеня́л бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиа́м в часы моли́твы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая красá, наш ветхий мир привык
Морщи́ны прятать под румя́ны.

Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножо́н не вырвешь свой клинок,
Покры́тый ржавчиной презренья?..

Задание.

Расскажите историю кинжа́ла.

Вопросы.

1. Для чего служил кинжал раньше и чем является теперь?
2. Роль поэта в современном обществе.
3. Какое значение имел поэт раньше?
4. Что общего в судьбе поэта и кинжала?
5. К чему призывает этим стихотворением Лермонтов?

УТЁС ⁴³.

(1841)

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Вопросы.

1. Какой человеческий образ придал Лермонтов тучке?
2. Чьи переживания приданы утёсу?

Такой приём изображения природы, как живой, очеловеченной, называется олицетворением.

ТУЧИ.

(1840)

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

⁴³ Утёс — скала.

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Вопросы.

1. Каким настроением проникнуто стихотворение «Тучи»?
2. Почему автор называет себя изгнанником? Что общего между «тучками небесными» и судьбой Лермонтова?
3. Какими эпитетами пользуется автор, характеризуя родину и тучки?

Задание.

Выучите стихотворение наизусть.

ДУБОВЫЙ ЛИСТОК.

(1841)

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные ветви лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижился у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношусь давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и жёлт, и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цветú для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе;
И корни мои умывает холодное море».

Вопросы.

1. Какова судьба дубового листка? Что говорит о себе сам листок?
2. С какой просьбой обратился дубовый листок к чинаре? Что ответила ему чинара?

Задание.

Сопоставьте это стихотворение со стихотворением «Тучи». Чем «тучки небесные, вечные странники» были близки поэту, созвучны его настроению?

РОДИНА.

(1841)

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью⁴⁴,
Ни полный гордого доверия покой, *
Ни тёмной старины заветные преданья⁴⁵
Не шевелят во мне отрадного мечтанья⁴⁶.
Но я люблю — за что? — не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...
Просёлочным путём⁴⁷ люблю скакать в телёге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой⁴⁸ жнивы,
В степи кочующий обоз,

⁴⁴ Слава, купленная кровью — слава, добытая путем захватнических войн.

⁴⁵ Заветные преданья — любимые, дорогие, свято хранимые рассказы о старине, передаваемые устно.

* Покой — спокойствие.

⁴⁶ Отрадные мечтанья — здесь: радостные мечтанья (мечты).

⁴⁷ Kūlavahetee.

⁴⁸ Спалённой — сожжённой.

И на холмѣ средь жёлтой нивы
Чегу⁴⁹ белѣющихъ берѣз.
С отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую солóмой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечеромъ росистымъ,
Смотреть до полночи готовъ
На пляску с топаньемъ и свистомъ
Под говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Вопросы.

1. Какъ отнóсится Лермонтовъ къ завоевательнымъ войнамъ царскаго правительства и показнóму благополúчию николаевской поры?
2. Что же пробуждаетъ в нёмъ чувство любви къ родинѣ?
3. Почему своё патриотическое чувство онъ называетъ страннымъ?

О выразительномъ чтении стихотворений М. Ю. Лермонтова.

При чтении нужно выделять, прежде всего, те слова, которые по смыслу являются главными. Такое выделение словъ по смыслу называется лóгическимъ ударениемъ. Напримеръ:

Да, *были* люди в наше время,
Не то, что *нынешнее* племя:
 Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немного вернулись с поля . . .
Не будь на то *господня* воля,
 Не *отдали* б Москвы.

На выделенныхъ в этомъ отрывкѣ словахъ делается лóгическое ударение. Нужно обратить внимáние и на выделение голосомъ всякаго рода перечисленийъ. Напримеръ:

Уланы с пѣстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули передъ нами,
Все побывали тутъ.

⁴⁹ Чегу — пару.

Логическим ударением подчёркивается обычно при чтении и анти-теза (противопоставление). Например:

1. Я раньше *начал*, *кончу* ране . . .
2. Что *ищет* он в стране *далёкой*?
Что *кинул* он в краю *родном*?
3. С милого *севера* в сторону *южную* . . .

Задание.

Размётьте в стихотворении «Тучи» логические ударения и подготовьтесь к выразительному чтению этого стихотворения.

Образец:

Кто же вас гонит: *судьбы* ли *решенне*?
Зависть ли *тайная*? *злоба* ль *открытая*?

БЕГЛЕЦ.

Горская легенда.

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани⁵⁰,
Где кровь черкёсская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата⁵¹
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течёт и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шапку — и бежит! —

И скрылся день; клубясь туманы
Одели тёмные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой! . .

⁵⁰ С поля брани — с поля битвы, сражения.

⁵¹ У супостата — здесь: у врага.

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнаёт;
Подкрался он никём не зримый⁵²...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришёл домой;
И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой⁵³ как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе⁵⁴ мучимый недугом⁵⁵
Один, — он, молча, — умирал...
«Велик аллах! от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!» —
«Что нового?» — спросил Селим,
Подняв слабёющие вежды⁵⁶,
И взор блеснул огнём надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине⁵⁷;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне.
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шёл безвестными тропами⁵⁸
По следу вепрей и волков;
Черкёсы гибнут — враг повсюду.

⁵² Никём не зримый — никём не видимый, не замеченный.

⁵³ Скрепясь душой — собрав душевные силы.

⁵⁴ На ложе — на постели.

⁵⁵ Недуг — болезнь.

⁵⁶ Вежды — старинная форма слова веки; здесь в значении — очи, глаза.

⁵⁷ Теснина — ущелье в горах.

⁵⁸ Безвестными тропами — неизвестными дорогами, путями.

Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду! ..»
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презренья,
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет! ..»

Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрёк,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И саклю новую минюя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело.
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним,
И он подумал: я любим,
Она лишь мной живёт и дышит...
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины...
— И стал Гарун бледней луны:
Месяц плывёт
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идёт.
Ружьё заряжает джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Верьйся ты року⁵⁹,
Молись востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший

⁵⁹ Верьйся ты року — доверься своей судьбе.

Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют.
Месяц плывёт
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идёт.
Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжѣет путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...
Но вот от бури наклонённый
Пред ним родной белѣет дом;
Надеждой снова ободрённый,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, тёплые молитвы
Восходят к небу за него,
Старуха мать ждёт сына с битвы,
Но ждёт его не одного!..
«Мать — отвори! я странник бедный,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришёл к тебе!» — Один? — «Один!..
— А где отец и братья? — «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».
— Ты отомстил? — «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твой утѣшить взоры
И утереть слезу твою...»
— Молчи, молчи! гяур⁶⁰ лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу⁶¹ я стары годы,

⁶⁰ Гяур — неверный, изменник заветам родины, заветам отцов.

⁶¹ Не омрачу — здесь в значении — не опозорю.

Ты раб и трус — и мне не сын! . .
Умóлкло слово отвержéнья ⁶²,
И всё кругóм объято сном.
Прокля́тья, стоны и моле́нья
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжа́ла
Пресе́к несчастного позóр . . .
И мать по́утру увидала . . .
И хладно отверну́ла взор.
И труп, от праведных изгна́нный,
Никто к кладби́щу не отнёс,
И кровь с его глубокой раны
Лиза́л рыча́ домашний пёс;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преда́ньях вольности остались
Позóр и гибель беглеца. —
Душа его от глаз проро́ка
Со страхом удали́лась прочь;
И тень его в горах востока
Поны́не бродит в те́мну ночь,
И под окном по́утру рано
Он в сакли прóсится стуча́,
Но внемля громкий стíх Корáна,
Бежит опять под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

Вопросы.

1. Какой простúпок совершил Гару́н?
2. Как встретил Гаруна его друг Сели́м?
3. О чём свидетельствует «песня старины», которую поёт девушка?
4. Как отнесла́сь мать к своему́ сыну?
5. Каков конец Гаруна?
6. Как проявляется в поэме сочу́вствие Лермонтова борьбе́ горцев за свободу?

Задание.

- I. Сформулируйте основную идею произведения.
- II. Сравните «Беглеца» М. Лермонтова с «Балладой об отречении» А. Твардовского. Что общего и различного в этих произведениях?

⁶² Слово отверженья — слово отреченья.

ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,
МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА
КАЛАШНИКОВА.

(1837)

Ох ты гой еси⁶³, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твоё⁶⁴ любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили её на старинный лад,
Мы певали её под гуслирный звон⁶⁵
И причитывали, да присказывали,
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес мёду пенного,
А боярыня его белолица
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дня, три ночи,
И всё слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой⁶⁶ сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стóльники⁶⁷
Супротив его⁶⁸ всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники⁶⁹;

⁶³ Ох ты гой еси — обыкновенное в русских народных исторических песнях начало, запевка. Непереводаемо. Еси — ныне неупотребительное второе лицо ед. числа настоящего времени от глагола есмь.

⁶⁴ Народное, вместо «твоего».

⁶⁵ Гусли — струнный музыкальный инструмент; певали её (песню) под гуслирный звон — пели её под игру на гуслих.

⁶⁶ Трапеза — стол с пищею; за трапезой сидит — за столом сидит, обедает, ужинает.

⁶⁷ Стóльник — придворный чин в давние времена, распорядитель за царским столом.

⁶⁸ Супротив его — напротив него.

⁶⁹ Опричники — особое войско и телохранители при царе Иване Грозном.

И пирует царь во славу божию,
В удовольствие своё и веселие.
Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золочёный ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усоб;
Опустил он в землю очи тёмные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.
Вот нахмурил царь брови чёрные
И навёл на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником, —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую⁷⁰?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звёзды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться⁷¹;

⁷⁰ Думу затаил нечестивую — задумал что-то нехорошее, противозаконное, преступное.

⁷¹ Гнушаться (гнушаться) — презирать, брезговать.

А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной! . . .»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:
«Госудáрь ты наш, Иван Васильевич!
Не корí ты рабá недостóйного:
Сердца жаркого не залíть винóм,
Думу чёрную — не запóтчевать!
А прогнёвал я тебя — воля царская:
Прикажí казнítь, рубить голову;
Тяготíт она плечи богатёрские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да о чём бы тебе, молодцу, кручíниться?
Не истёрся ли твой парчевóй ⁷² кафтáн?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казнá ли у тебя поистрáтилась?
Иль зазубрилась сабля закалённая?
Или конь захромáл худо кóванный?
Или с ног тебя сбил на кулáчном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачáв головою кудрявою:

«Не родíлась та рука заколдóванная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак ⁷³ мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на прáздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.
Как я сяду, поеду на лихóм конé
За Москву-реку покатáтися,
Кушачкóм подтяну́ся шёлковым,
Заломлю на бочóк шапку бархатную,

⁷² Парчевóй — из парчи; парчá — ткань, сработанная из шёлка и золотых или серебряных нитей.

⁷³ Аргамáк — порода быстрых, легко бегающих лошадей.

Чёрным соболем оторóченную⁷⁴, —
У ворот стоят у тесóвых
Красны девушки да молóдушки,
И любятя, глядя, перешёптываясь;
Лишь одна не глядит, не любитя,
Полосáтой фатóй⁷⁵ закрывається . . .
На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красáвицы:
Ходит плавно — будто лебёдушка,
Смóтрит сладко — как голубушка,
Молвит слово — соловей поёт,
Горят щёки её румяные,
Как заря на небе божим;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетённые,
По плечам бегут, извивáются,
С грудью белою целúются.
Во семье родíлась она купéческой,
Прозывáется Алёной Дмитревной.

Как увижу её, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачáются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, правослáвный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли⁷⁶ мне кони лёгкие,
Опостыли наряды парчёвые,
И не надо мне золотой казнý:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство своё?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи Привóлжские,
На житьё на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную голóвушку

⁷⁴ Оторóченная — обш́тая.

⁷⁵ Фатá — белое кисейное или кружевное женское покрывáло.

⁷⁶ Опостыли — опостытели (от слова *опостылеть*), то-есть надоели, стали противны.

И сложу на копье басурманское ⁷⁷;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую,
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемичный прах
На четыре стороны развеется! . . .»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенек ты мой яхонтовый ⁷⁸,
Да возьми ожерелье ⁷⁹ жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитревне:
Как полюбишься — праздной свадебку.
Не полюбишься — не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому . . .

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

⁷⁷ Копье басурманское — копье басурманина (употреблено в неприязненном значении); басурманин — неверный — нехристианин (здесь: татарин).

⁷⁸ Перстенек яхонтовый — кольцо с вправленным в него дорогим камнем.

⁷⁹ Ожерелье — женское украшение, чаще всего из драгоценных камней (надевается на шею).

За прила́вкою сидит молодой купец,
 Статный молодец Степа́н Парамо́нович,
 По прозв́анию Кала́шников;
 Шелко́вые това́ры раскла́дывает,
 Речью ла́сковой госте́й он замáнивает,
 Злато, серебро пересчи́тывает.
 Да не добрый день задался ему:
 Ходят мимо баре богатые,
 В его лавочку не загля́дывают.

Отзвони́ли вече́рню во святы́х церкв́ах;
 За Кремлём горит за́ря туманная:
 Набега́ют тучки на небо,
 Го́нит их мете́лица распева́ючи;
 Опусте́л широкий гости́нный двор⁸⁰.
 Запира́ет Степан Парамо́нович
 Свою лавочку дверью дубо́вою
 Да замко́м немецким со пружи́ною;
 Злого пса-ворчуна́ зубáстого
 На железную цепь привя́зывает.
 И поше́л он домой, призадума́вшись,
 К молодой хозяйке за Москву-реку.
 И приходит он в свой высо́кий дом,
 И диви́тся Степан Парамо́нович:
 Не встречает его молодá жена,
 Не накры́т дубовый стол белой скатертью,
 А свеча перед о́бразом еле теплится.
 И кличет он старую работницу:
 «Ты скажи, скажи, Еремеевна,
 А куда девáлась, зата́илась
 В такой поздний час Алёна Дмитриевна?
 А что детки мои любезные —
 Чай, забегались, заигра́лись,
 Спозара́нку⁸¹ спать уложи́лись?»

⁸⁰ Гости́нный двор — торго́вые ряды́, лавки. (*Гости́нный* — прилагательное от старого русского слова *гость* в значении *иноста́нный купе́ц*.)

⁸¹ Спозара́нку — очень рано.

«Господи́н ты мой Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво-дивное:
Что к вечерне пошла Алёна Дмитревна;
Вот уж поп прошёл домой с молодой попадьёй,
Засвети́ли свечу, сели ужинать, —
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из прихо́дской церкви не верну́лася,
А что детки твои малые
Почива́ть не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смути́лся тогда ду́мой крепкою
Молодой купец Калашников,
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнёхонька;
Ва́лит белый снег, расстила́ется,
Замета́ет след человеческий.
Вот он слышит в сенях дверью хлопнули,
Пото́м слышит шаги торопливые;
Оберну́лся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена́,
Сама бледная, простоволо́бая,
Косы русые расплетённые
Снегом-инеем пересы́паны;
Смотрят очи мутные, как безу́мные;
Уста́ шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шата́лася?
На каком подво́рье, на площади,
Что растрёпаны твои волосы,
Что оде́жа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировáла ты,
Чай, с сынкáми всё боярскими! . . .
Не на то пред святы́ми ико́нами
Мы с тобой, жена, обруча́лися,
Золотыми ко́льцами менялися . . .
Как запру́ я тебя за железный замо́к,
За дубовую дверь окóванную,
Чтоб свету божьего ты не видела,
Моё имя честное не порóчила . . .»

И услышав то, Алёна Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож:
От них сердце разрывáется.
Не боюсь смерти лютой,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости...
От вечерни домой шла я нониче
Вдоль по улице одинёшенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
А он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шопотом:
— Что пужáешься, красная красáвица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозывáюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная голóвушка.
И он стал меня целовать-ласкать
И, целуя, всё приговáривал:
— Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь ярких камней, аль цветной парчи?
Как царицу, я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!

И ласка́л он меня, целовал меня;
На щека́х моих и тепе́рь горят,
Живы́м пламенем разлива́ются
Поцелу́и его ока́янные...
А смотре́ли в калитку сосе́душки,
Смею́чись, на нас пальцем показывали...
Как из рук его я рвану́лася
И домо́й стре́мгла́в бежа́ть бро́силась;
И оста́лись в руках у разбо́йника
Мой узо́рный платок, твой пода́рочек,
И фата́ моя буха́рская.
Опозо́рил он, осра́мил меня,
Меня — честную, непоро́чную —
И что скажут злые сосе́душки?
И кому на глаза покажу́сь тепе́рь?

Ты не дай меня, свою́ верную́ жену,
Злым оху́льникам⁸² в поруга́ние.
На кого, кроме тебя, мне наде́яться?
У кого просить стану́ помощи?
На белом свете я сироти́нушка;
Родо́й батюшка уж в сыро́й земле,
Рядом с ним лежит моя́ матушка;
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужо́й сторо́нушке пропа́л без вести,
А меньшо́й мой брат — дитя́ малое,
Дитя́ малое, неразу́мное...»
Говори́ла так А́лёна Дми́тревна,
Горю́чьми слеза́ми залива́лася.

Посыла́ет Степа́н Парамо́нович
За двумя́ меньши́ми братья́ми;
И пришли́ его́ два брата, поклонили́ся,
И такое́ слово́ ему́ молвили:
«Ты пове́дай нам, старшо́й наш брат,
Что с тобою́ случи́лось, приключи́лось,
Что посла́л ты за нами во те́мную́ ночь,
Во те́мную́ ночь моро́зную?»

⁸² О ху́льник — здесь: злой обидчик, оскорбитель (от слова *хули́ть* — осужда́ть.)

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха́ бедá⁸³ со мной приключилася:
Опозóрил семью нашу честную
Злой опри́чник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душé
Да не вынести сердцу молодёцкому;
Уж как завтра будет кула́чный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьёт он меня — выходите вы
За святу́ю правду-ма́тушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы мо́ложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопи́лось,
Так авось⁸⁴ госпóдь вас помилует!»
И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебёсье,
Туда мчатся и тучки послу́шные;
Когда сизый орёл зовёт голосом
На крова́вую доли́ну побóища,
Зовёт пир пировать, мертвецо́в убирать,
К нему малые орлята слетáются.
Ты наш старший брат, наш второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родно́го, не вы́дадим . . .»

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой вели́кой златогла́вою,
Над стеной кремлёвской белока́менной
Из-за дальних лесо́в, из-за синих гор,

⁸³ Лиха́ бедá — большое горе.

⁸⁴ Авось — здесь: может быть.

По тесóвым крóвелькам⁸⁵ играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымáется;
Разметáла кудри золотистые,
Умывáется снегáми рассýпчатыми;
Как красáвица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбáется.
Уж зачем ты, алая заря, просыпáлася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходи́лися, собира́лися
Удалы́е бойцы московские
На Москву-реку, на кула́чный бой,
Разгуля́ться для праздника, потéшиться.
И приéхал царь со дружи́ною,
Со боя́рами и опри́чниками,
И велéл растянúть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спáянную.
Оцепи́ли место в двадцать пять сажень,
Для охóтницкого бою, одино́чного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте⁸⁶ царя нашего батюшку,
Выходи́те-ка во широкий круг;
Кто побьёт кого, того царь наградит;
А кто будет побит, того бог простит!»
И выходи́т удало́й Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скида́ет с могу́чих плеч шубу бархатную;
Подперши́ся в бок рукою правою,
Поправля́ет другой шапку алую,
Ожидáет он себе протíвника . . .
Трижды громкий клич прокли́кали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга потáлкивают.

⁸⁵ Крóвельки (от слова *кровля*) — крыша.

⁸⁶ Потéшьте — повеселите, позабáвьте.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмевает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает,
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтоб знать, по ком панихиду⁸⁷ служить,
Чтобы было чем и похвастаться».
Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым.
А родился я от честного отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не тайлся от света небесного...
И промолвил ты правду истинную:
Об одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи;

⁸⁷ П а н и х и д а — церковная служба по умершим.

Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, басурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И услы́шав то, Кирибеевич
Побледнёл в лицé, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскры́тых уста́х слово замерло...

Вот молча оба расхóдятся, —
Богатырский бой начинается.
Размахну́лся тогда Кирибеевич
И ударил вперво́й купца Калашникова,
И ударил его посере́дь груди́ —
Затрещáла грудь молодецкая,
Пошатну́лся Степан Парамонович;
На груди́ его широкой висёл медный крест
Со святы́ми мощáми из Киева, —
И погну́лся крест, и вдави́лся в грудь;
Как росá, из-под него кровь закапáла...
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено́, то и сбúдется;
Постою́ за правду до послéднева!»
Изловчи́лся он, пригото́вился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненави́стника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонáл слегкá,
Закачáлся, упал зáмертво;
Повали́лся он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром борú
Под смоли́стый под ко́рень подрúбленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогне́вался гневом, топнул о землю
И нахму́рил брови чёрные;
Повелéл он схватить удалóва купца
И привéсть его пред лицó своё.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нѣхотя
Ты убил на смерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе.
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей милостью . . . »

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казни моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно⁸⁸,
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью . . . »

Как на площади народ собирается,
Занувный гудит, воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному,
Во рубаше красной с яркой запонкой,

⁸⁸ Торговать безданно, беспошлинно — торговать и не платить ни налогов, ни пошлин.

Со большим топором, наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:
«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцелуетесь да обниметесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головошка бесталанная⁸⁹
Во крови на плаху покати́лася,
Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трёх дорог,
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою;
И проходят мимо люди добрые, —
Пройдёт стар человек — перекрестится,
Пройдёт молодец — приосанится,
Пройдёт девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!

⁸⁹ Головушка бесталанная — несчастная, неудачливая
головашка.

Красно начинали — красно и кончайте⁹⁰,
Каждому правдою и честью воздайте.
Таровáтому боярину⁹¹ слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христиáнскому слава!

Вопросы.

I. Какие черты жизни Московской Руси XVI века находим мы в «Песне»?

1. Как показана власть московского царя, его отношение к опричникам, его развлечения?
2. Как зарисован купец в своей лавке и домашнем быту?
3. Как показано положение женщины в древней Руси?

II. Анализ образов.

1. Кирибеевич. Его внешний вид, молодечество, сила его чувства, его отношение к царю. Для чего участвует он в кулачных боях?
2. Калашников.
 - а) Почему Калашников вышел на «смертный бой»?
 - б) Как подействовало на Кирибеевича его появление?
 - в) Почему Калашников скрыл от царя причину убийства?
 - г) Как отнёсся грозный царь к Калашникову, убившему его любимого опричника?
 - д) Из чего видно сочувствие народа Калашникову?
3. Иван Грозный. Внешний образ Грозного, его отношение к опричнине, к купечеству, суровость, государственный разум.

III. Построение «Песни».

1. В чьи уста вложил свою «Песню» Лермонтов? Когда и где она поётся? Чего ожидают скоморохи от слушателей?
2. Придумайте заголовки к трём частям «Песни». Запишите план, разместив в нём запев, припевы и концовку.

Задания.

IV. Использование фольклора в «Песне».

1. В «Песне про царя Ивана Васильевича...» Лермонтов широко использует синонимы русской речи. Ниже приведены отдельные

⁹⁰ Красно начинали — красно и кончайте — здесь: хорошо начинали песню — хорошо и кончайте её.

⁹¹ Таровáтый боярин — щедрый, не скупой боярин.

места из «Песни», в которых пропущен один из синонимов к выделенным словам. Спишите эти примеры, добавляя недостающие синонимы.

1. И причítывали да...
2. И пируёт царь во славу божию,
В удовóльствие своё и...
3. Сердца жаркого не залить вином,
Думу чёрную — не...
4. Прикажи..., рубить голову.
5. Скучно,... мне, правослáвный царь.
6. ... тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной.
7. А что детки мои любéзные —
Чай..., заигрались?...
8. Задрожáла вся, моя голубушка,
..., как листóчек осíновый.
9. Опозóрил он, ... меня,
Меня — честную,...
10. Что с тобой случилось, ...
Что послал ты за нами во тёмную ночь?
11. А такой обиды не стерпéть душе,
Да не ... сердцу молодéцкому.
12. Делай сам, как знаешь, как...
13. Как сходи́лся, ...
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуля́ться для праздника,...
14. Торговать бездáнно, ...
15. Я топор велию наточить — ...
Палачá велю одéть — ...

II. Найдите в тексте тавтологические выражения (с повторяющимся корнем, например: я убил его вольной волею).

III. В «Песне про царя Ивана Васильевича...» Лермонтов широко использует характерный для языка былин приём синтаксического параллелизма.

Выпишите из третьей части «Песни» несколько примеров сходного расположения членов предложения.

Образцы примеров.

1. Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.
2. И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.

IV. Выпишите художественные сравнения из описания красоты Алёны Дмитриевны (I ч.) и смерти Кирибеевича (III ч.).

V. Перепишите приведённый ниже текст. При списывании вставляйте пропущенные в тексте эпитеты.

Лишь один из них, из опричников.
... боец, ... молодец,
В ... ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи...,
Опустил головушку на... грудь —
А в груди его была дума...
Вот нахмурил царь брови...
И навёл на него очи..., —
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На ... голубя..., —
Да не поднял глаз... боец.

VI. Спишите отдельно эпитеты, заимствованные из фольклора и созданные Лермонтовым. Эпитет выписывайте вместе с определяемым словом.

Отпусти меня в степи Приволжские,
На житьё на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую,
И седельце браное черкасское.
Мои очи слёзные коршун выклюет,
Мои кости сирые дождик вымоет,
И без похорон горемичный прах
На четыре стороны развёется!..

МЦЫРИ ¹

(1840)

I.

Не много лет тому назад
Там, где сливаясь шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры ²,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход

Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится ³ уж под ним
Кадильниц ⁴ благовонный дым,
Не слышно пенья в поздний час
Молящих иноков ⁵ за нас.

¹ Мцыри — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника».

² Арагва и Кура — реки на Кавказе.

³ Курится — выделяет лёгкий дымок.

⁴ Кадило, кадильница — сосуд для благовонных курений, для курения ладаном.

⁵ Инок — монах.

Теперь один старик седой,
Развѣалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных
плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как удручѣн⁶ своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручѣл России свой народ.

*

И божья благодѣть сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков.

2.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребѣнка пленного он вѣз.
Тот занемог. Не перенѣс
Трудов далѣкого путѣ.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг⁷
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился — даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,

Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел⁸, и в стенах
Хранительных остался он
Искусством дружеским спасен.
Но чужд ребяческих утех
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом,
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обѣт⁹.
Как вдруг однажды он исчез
Осѣнной ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель¹⁰ принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий
труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал,
И с каждым днем приметно
вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришѣл к нему чернец¹¹

⁶ Удручѣн — крайне расстроен.

⁷ Недуг — болѣзнь.

⁸ Призрел — приютил, оказал помощь, содѣйствие.

⁹ Изречь монашеский обѣт — дать обещание быть монахом.

¹⁰ Обитель — здесь: монастырь.

¹¹ Чернец — монах.

Домой бегущих табун²⁰
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск опр^авленных но^жб^о
Кинжалов длинных... и как
сон

Всё это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец! Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный
взор —

И молодых моих сестёр:
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток,
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они, перед дождём,
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный
дом

И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышной.

8.

«Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил, и жизнь моя

²⁰ Табу́н — стадо лошадей.

²¹ Лицом к земле.

Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда столпясь, при алтаре,
Вы ниц²¹ лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад.
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил.
Скажи мне, что среди этих

стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но жи-
вой
Меж бурным сердцем и гро-
зой?

9.

«Бежал я долго, где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вздохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов, —
И только! Много я часов
Бежал, и, наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет

Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и землёй,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвжим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал²²
Кричал и плакал, как дитя.
И, гладкой чешуёй²³ блестя,
Змея скользила меж камней,
Но страх не сжал души моей,
Я сам, как зверь, был чужд
людей
И полз и прятался как змей.

10.

«Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудю камней;
То вдруг стихал он, то силь-
ней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья:
Дохнули сонные цветы²⁴,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...

Я осмотрелся; не таю,
Мне стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый
вал;
Туда вели ступени скал,
Но лишь злой дух по ним
шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11.

«Кругом меня цвёл божий
сад.
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь, меж дерёв
Прозрачной зеленью листьев;
И грозды²⁵ полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый
рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голо-
сам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли.
И все природы голоса
Сливались тут. Не раздался

²² Шакал — хищное животное; по ночам выходит на добычу и оглашает окрестность пронзительным лаем.

²³ Чешуя — внешний покров у рыб, змей, состоящий из мелких пластинок, щитков.

²⁴ Дохнули сонные цветы — здесь: повяло запахом цветов.

²⁵ Грозды — гроздь, то-есть кисти ягод или мелких плодов.

В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы, им уж нет следа,
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,
опять.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилѣжный взор следить бы
мог;

Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полднёвный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12.

«Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись камень иногда
Катился вниз — за ним
бразда²⁶

Дымилась, прах²⁷ вился
столбом;

Гудя и прыгая потом
Он поглощаем был волной²⁸,
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не
страшна!

Лишь только я с крутых высот

Спустился, свежесть горных
вод
Повѣяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос — лёгкий шум
шагов...

Мгновенно скрывшись меж
кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13.

«Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,

²⁶ Бразда́ (борозда́) — здесь: след, оставляемый сорвавшимся камнем.

²⁷ Прах — здесь: пыль.

²⁸ Поглощаем был волной — покрыт был волной.

Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. — Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но

лёгко,

Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой²⁹;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько

дверь...

И затворилась опять!...
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль,
И если б мог, — мне было б

жаль!

Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14.

«Трудами ночи изнурён
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно
мне...

И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь³⁰.
Я долго силился³¹ вздохнуть
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла — и одна
Лишь тучка кралась за ней,
Как за добычею своей,
Объявляя жадные раскрыв.
Мир тёмный был и молчалив,
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле³² огонёк
То трепетал, то снова гас...
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель

одну,

Пройти в родимую страну,
Имел в душе — и превозмог
Страданье голода как мог;
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой,
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15.

«Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой

²⁹ Чета — пара, сочетание двух лиц или предметов.

³⁰ Заныла грудь — здесь: затосковала грудь, стало очень грустно, тяжело.

³¹ Силился — старался.

³² Сакля — домик горца.

Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как
 стон,
Раздался вдруг... и начал
 он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом при-
 лёт,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью
 грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор,
Надёжный сук мой, как
 топор
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. — Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой широкою волной,
Бой закипел — смертельный
 бой!

18.

«Ко мне он кинулся на грудь,
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё ору́жье... он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетаясь как пара
 змей,
Обнявшись крепче двух дру-
 зей,
Упали разом — и во мгле
Бой продолжался на земле.

И я был страшен в этот миг.
Как барс пустынный, зол и
 дик,
Я пламенёл, визжал как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волко́в,
Под свежим пологом лесов³⁷.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемо-
 гать³⁸,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний
 раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицо
 к лицу
Как в битве следует бойцу!

19.

«Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей:
Ещё они не заросли
И не закрылись — но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И вновь, собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...

³⁷ Под по́логом лесо́в — под покрóвом лесо́в.

³⁸ Стал изнемога́ть — стал теря́ть силы.

Но тщетно спорил я с судьбой:

Она смеялась надо мной!

20.

«Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напútственных исчез³⁹
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Кури́ться начал. Смутный

гул

В долине с ветром пробежал...

Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.

И кинул взоры я кругом:
Тот край ка́зался мне знаком.
И страшно было мне — по-
нять

Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. чтоб в цвете

лет,

Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав⁴⁰

Блаженство вольности по-
знав,

Унёсть в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Наде́жд обману́тых укор,
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён

Я думал, это страшный сон,
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине...
И тут всё ясно стало мне.
О! я узнал его тотчас!

Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и род-
ных,

Про волю дикую степей,
Про лёгких бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-ни-
будь

Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21.

«Да, заслужил я жребий⁴¹
мой.

Могучий конь в степи чуждой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий
путь...

Что я пред ним? — напрасно
грудь

Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и дустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила — таков цветок

³⁹ Хоровод светил исчез — погасли, исчезли звёзды.

⁴⁰ Дубрава — лиственный лес, дубовая роща.

⁴¹ Жребий — здесь: участь, доля, судьба.

Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цветка,
И был он в сад перенесён
В соседство роз. Со всех
сторон
Дышала сладость бытия⁴².
Но что ж? — Едва взошла
заря,
Палящий луч её обжёт
В тюрьме воспитанный цве-
ток...

22.

«И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом⁴³
Свивался — и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая, быстро в вышине
Кружились искры — с белых
скал
Струился пар. Мир божий
спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель,

Иль стрекозы живая трель⁴⁴
Послышалась! Или ручья
Ребячий лепет!.. — Лишь
змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок⁴⁵,
Скользила бережно — потом,
Играя, нежася на нём,
Тройным свивалася кольцом;
То будто вдруг обожжена
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась
кустах...

23.

«И было всё на небесах
Светло и тихо — сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.
Внизу Ара́гва и Курá,
Обвив каймой⁴⁶ из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко...
Хотел я встать: передо мной
Всё закружилось с быстро-
той!
Хотел кричать: язык сухой
Беззвучен и недвижим был.

⁴² Сладость бытия — здесь: радость жизни.

⁴³ Чело — лоб.

⁴⁴ Трель — переливчатый, дрожащий звук.

⁴⁵ Браздя песок — оставляя на песке борозды, следы.

⁴⁶ Кайма — полоса по краю какого-нибудь предмета.

«Прощай, отец... дай руку
 мне:
 Ты чувствуешь, моя в огне...
 Знай, этот пламень с юных
 дней
 Тайся⁴⁹ жил в груди моей;
 Но ныне пищи нет ему,
 И он прожёт свою тюрьму
 И возвратился вновь к тому,
 Кто всем законной чередой
 Даёт страданье и покой...
 Но что мне в том? — пускай
 в раю,
 В святом, заоблачном краю
 Мой дух найдёт себе
 приют...
 Увы! — за несколько минут
 Между крутых и тёмных скал,
 Где я в ребячестве играл⁵⁰,
 Я б рай и вечность проме-
 нял...

«Когда я стану умирать, —
 И, верь, тебе не долго
 ждать, —

Ты перенести меня вели
 В наш сад, в то место, где
 цвели
 Акаций белых два куста...
 Трава меж ними так густа!
 И свежий воздух так душист,
 И так прозрачно золотист
 Играющий на солнце лист!
 Там положить вели меня.
 Сиянем голубого дня
 Упьюся я в последний раз.
 Оттуда виден и Кавказ!
 Быть может, он с своих высот
 Привет прощальный мне
 пришлёт,
 Пришлёт с прохладным
 ветерком...
 И близ меня перед концом
 Родной опять раздастся звук!
 И стану думать я, что друг
 Иль брат, склонившись надо
 мной,
 Отёр⁵¹ внимательной рукой
 С лица кончины хладный
 пот,
 И что вполголоса поёт
 Он мне про милую страну...
 И с этой мыслью я засну,
 И никого не прокляну!»

Вопросы.

1. Как описан в начале поэмы заброшенный монастырь? (Передайте это описание словами, близкими к тексту.)
2. При каких обстоятельствах попал мцыри в монастырь?
3. Что чувствовал мцыри? Какую «неясною тоской» томим он был в монастыре? Как вёл себя до побёга?

⁴⁹ Тайся — скрываясь, прячась.

⁵⁰ В ребячестве играл — в детстве играл.

⁵¹ Отёр — вытер.

4. Как описывает автор мцыри после того, как «его в степи без чувств нашли и вновь в обитель принесли»?

5. Как оценивает мцыри свою жизнь в монастыре и на воле? Каковы его стремления? (Подтвердите ваши ответы цитатами из текста).

6. Какое место занимают в поэме картины природы? Как изображён пейзаж в разных местах поэмы? В чём смысл этих ярких, пышных, чарующих пейзажных картин?

7. Как изображена грузинка в поэме? Каково значение этого образа для понимания внутреннего мира мцыри?

8. В чём значение сцены боя с барсом? Какие черты характера мцыри выявились с наибольшей силой в этом бое с диким зверем пустыни?

9. Какими словами и выражениями описывает автор в конце поэмы безумный бред мцыри?

10. В чём значение последней предсмертной просьбы мцыри, обращённой к старику-монаху?

Задания.

I. Центральная часть поэмы представляет собой исповедь мцыри. Проследите ход рассказа мцыри и составьте план к этому рассказу.

II. Напишите характеристику мцыри. Раскройте в этой характеристике тоску мцыри по родине, его жажду любви и свободы, его стремление к великим подвигам, к чудесному миру «тревог и битв». Отметьте черты антирелигиозной направленности в этом образе. Подтвердите всё цитатами из текста.

III. Подготовьте доклад на одну из данных ниже тем.

Темы для доклада.

1. История жизни мцыри.

2. Мцыри и родина.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(1839—1841)

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападков, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так ещё молодá и простодушна, что не понимает басни, если в конце её не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии¹; она просто

¹ Ирония — насмешка.

дурно воспитана. Она ещё не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое, и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала², который, подслушав разговор двух дипломатов³, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает своё правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе ещё недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению⁴ слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избежит упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека; это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нём больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтобы автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто

² Провинциал — так называли человека, жившего в провинции, далеко от центра, от столицы.

³ Дипломат — должностное лицо, уполномоченное для сношений с иностранными государствами.

⁴ Буквальное значение — дословное, точное значение.

было весело рисовать современнаго человека, какъ имъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастью, слишкомъ часто встречалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ её излечить — это ужъ богъ знаетъ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. БЭЛА.

Я ехалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моея телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузин. Большая часть изъ нихъ, къ счастью для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастью для меня, остался целъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снеговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетин-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во всё горло распевалъ песни. Славное место эта долина! Со всехъ сторонъ горы неприступныя, красноватые скалы, обвѣшанные зеленымъ плющомъ и увѣнчанные купами чинара⁶, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрома снеговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другою безымянной речкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полного мглой ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змея своею чешуею.

Подѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возле духана⁷. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ; по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололѣдница, а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длинны.

Нечего делать, я нанялъ шесть быковъ и несколько осетин. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За мою телѣжку четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шёлъ её хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обделанной въ

⁶ Чинара — дерево; купа — группа деревьевъ, отсюда: купа чинар.

⁷ Духанъ — гостиница на Кавказѣ.

серебрó. На нём был офицёрский сюртук без эполёт и черкёсская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твёрдой походке и бодрому виду. Я подошёл к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики⁸, кажется?

Он, молча, опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казёнными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжёлую тележку четыре быка тащат шутя, а мою пустую шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня:

— Вы верно недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты. Вы думаете, они помогают, что кричат? А чорт их разберёт, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки всё ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмёшь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников! Увидите, они ещё с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

— А вы давно здесь служите?

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче⁹, — отвечал он, приосанившись. — Когда он приехал на Линию¹⁰, я был подпоручиком¹¹, — прибавил он, — и при нём получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему.

⁸ Попутчики — идущие (или едущие) по одному пути.

⁹ Ермóлов — царский генерал, участвовавший в завоевании Кавказа.

¹⁰ Линия — здесь: граница.

¹¹ Подпоручик — небольшой офицёрский чин.

Разговѳр этимъ кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершинѳе горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днѳемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на юге; но, благодаря отливу снеговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не такъ круто. Я велѳлъ положить чемоданъ свой в тележку, заменить быковъ лошадыми и в последний разъ оглянулся вниз на долину, — но густой туманъ, нахлынувший волнами изъ ущелий, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбежались.

— Ведь этакой народъ! — сказалъ онъ. — И хлеба по-русски называть не умеетъ, а выучилъ: «Офицеръ, дай на водку!» Ужъ татары по мне лучше: те хоть непьющие . . .

До станции оставалось еще с версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанью комара можно было следить за его полѳетомъ. Налѳево чернѳло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ тѳмносиние вершины горъ, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледномъ небосклоне, еще сохранившемъ последний отблескъ зари. На тѳмномъ небе начинали мелькать звѳзды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чемъ у насъ на севере. По обѳимъ сторонамъ дороги торчали голые черные камни; кой-где из-подъ снега выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мѳртваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика.

— Завтра будетъ славная погода! — сказалъ я.

Штабс-капитанъ не отвечалъ ни слова и указалъ мне пальцемъ на высокую гору, поднимающуюся прямо противъ насъ.

— Что жъ это? — спросилъ я.

— Гуд-Гора.

— Ну такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И в самомъ деле, Гуд-Гора курилась; по бокамъ ее ползали легкие струйки облаковъ, а на вершинѳе лежала черная туча, такая черная, что на тѳмномъ небе она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцию, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали прѳветные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный ветер, ущелье загудѳло, и пошелъ мел-

кий дождь. Едва успёл я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговеньем посмотрёл на штабс-капитана...

— Нам придётся здесь ночевать, — сказал он с досадою. — В такую метель через горы не переёдешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик. — А висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции нам отвели ночлёг в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к её двери. Ощупью вошёл я и наткнулся на корову... Я не знал куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопчённые столба, была полна народа. Посередине трещал огонёк, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

— Жалкие люди! — сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то остоленении.

— Преглупый народ! — отвечал он.

— А вы долго были в Чечне?

— Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода, — знаете?

— Слыхал.

— Вот, батюшка, надоели нам эти головорезы; нынче, слава богу, смирнее, а бывало, на сто шагов отойдёшь за вал, уж где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазевался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..

— А, чай, много с вами бывало приключений? — сказал я, подстрекаемый любопытством.

— Как не бывать! бывало...

Тут он начал щипать левый ус, повесил голову и призадумался. Мне страх хотѣлось вытянуть из него какую-нибудь исторію, — желаніе, свойственное всем путешествующим и записывающим людям. Между тем чай поспѣл; я вытащил из чемодана два походные стаканчика, налил и поставил один перед ним. Он отхлебнул и сказал как будто про себя:

— Да, бывало!

Это восклицаніе подало мне большіе надежды. Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удаётся: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет *здравствуйте* (потому что фельдфебель говорит *здравия желаю*). А поболтать было бы о чём: кругом народ дикий, любопытный; каждый день опасность; случаи бывають чудные, и тут поневоле пожалѣешь о том, что у нас так мало записывают.

— Не хотіте ли подбавить рому? — сказал я моему собеседнику. — У меня есть белый из Тифліса: тепѣрь холодно.

— Нет-с, благодарствуйте, не пью.

— Что так?

— Да так. Я дал себѣ заклятье¹². Когда я был ещё подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фронт навеселѣ да уж и досталось нам, как Алексѣй Петрович узнал: не дай господи, как он рассердился! чуть-чуть не отдал под суд. Оно и точно, другой раз целый год живѣшь, никого не видишь, да как тут ещё водка — пропавший человек!

Услышав это, я почти потерял надежду.

— Да вот хоть черкёсы, — продолжал он: — как напьются бузы¹³ на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка. Я раз насилу ноги унёс, а ещё у мирного князя был в гостях.

— Как же это случилось?

— Вот (он набил трубку, затянулся и начал рассказывать), — вот изволите видеть, я тогда стоял в крепости за Теремом с ротой — этому скоро пять лет. Раз, осенью, пришёл транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой то-

¹² Заклятье — здесь: клятва.

¹³ Буза — опьяняющий напиток, пиво из проса.

ненький, беленький, на нём мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно.

— Вы, верно, — спросил я его, — переведены сюда из России?

— Точно так, господин штабс-капитан, — отвечал он.

Я взял его за руку и сказал:

— Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно... ну, да мы с вами будем жить по-приятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч и, пожалуйста — к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке.

Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости.

— А как его звали? — спросил я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьем Александровичем Печориным. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странный. Ведь, например, в дождик, в холод, целый день на охоте; все иззябнут, устанут, — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет: а при мне ходил на кабаня один на один; бывало, по целым часам слова не добьёшься, зато уж иногда как начнёт рассказывать, так животики надорвёшь со смеха... Да-с, с большими странностями, и должно быть богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей!..

— А долго он с вами жил? — спросил я опять.

— Да с год. Ну да уж зато памятен мне этот год; надёлал он мне хлопот, не тем будь помянут! Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!

— Необыкновенные? — воскликнул я с видом любопытства, подливая ему чая.

— А вот я вам расскажу. Вёрст шесть от крепости жил один мирной князь. Сыншко его, мальчик лет пятнадцати, повёдился к нам ездить: всякий день, бывало, то за тем, то за другим. И уж точно избаловали мы его с Григорьем Александровичем. А уж какой был головорез, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всём скаку, из ружья ли стрелять. Одно было в нём не хорошо: ужасно падок был на деньги. Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему дать червонец, коли он ему украдёт лучшего козла из отцовского стада; и что же вы думаете? на другую же ночь притащил его за рога. А, бывало,

мы его вздумаем дразнить, так глазá кровью нальются, и сейчас за кинжал.

— Эй, Азамат, не сносить тебе головы, — говорил я ему: — яман¹⁴ будет твой башка!

Раз приезжает сам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки¹⁵: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин. Отправились. В ауле множество собак встретило нас громким лаем. Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы.

— Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках, — сказал мне Григорий Александрович.

— Погодите! — отвечал я, усмехаясь.

У меня было своё на уме.

У князя в сакле собралось уже множество народа. У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли со всеми почестями и повели в куняцкую. Я, однакож, не забыл подметить, где поставили наших лошадей, знаете, для непредвидимого случая.

— Как же у них празднуют свадьбу? — спросил я штабс-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитает им что-то из Корана¹⁶; потом дарят молодых и всех их родственников; едят, пьют бузу; потом начинается джигитовка, и всегда один какой-нибудь оборвыш, засаленный, на скверной, хромой лошаденке, ломается, паясничает, смешит честную компанию: потом, когда смеркнется, в куняцкой начинается, по-нашему сказать, бал, Бедный старичишка бренчит на трёхструнной... забыл, как пишнему... ну, да в роде нашей балалайки. Девки и молодые ребята становятся в две шеренги, одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором. Мы с Печориным сидели на почётном месте, и вот к нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати, и пропела ему... как бы сказать?.. вроде комплимента¹⁷.

¹⁴ Яман — плохо, худо.

¹⁵ Куняк — приятель.

¹⁶ Коран — книга, излагающая учение Магомета.

¹⁷ Комплимент — похвала, любезность.

— А что ж такое она пропела, не помните ли?

— Да, кажется, вот так: «Стройны́, дескать, наши молодёе джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодёе русский офицёр стройнее их, и галуны¹⁸ на нём золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду». Печорин встал, поклонился ей, приложил руку ко лбу и сердцу и просил меня отвечать ей; я хорошо знаю по-ихнему, и перевёл его ответ.

Когда она от нас отошла, тогда я шепнул Григорию Александровичу:

— Ну что, какова?

— Прелесть! — отвечал он. — А как её зовут?

— Её зовут Белою, — отвечал я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза чёрные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу. Печорин в задумчивости не сводил с неё глаз, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не один Печорин любовался хорошенькой княжной: из угла комнаты на неё смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные. Я стал вглядываться и узнал моего старого знакомца Казбича. Он, знаете, был не то, чтоб мирной, не то, чтоб не мирной. Подозрений на него было много, хоть он ни в какой шалости не был замечен. Бывало, он приводил к нам в крепость баранов и продавал дешево, только никогда не торговался: что запросит, давай, — хоть зарежь, не уступит. Говорили про него, что он любит таскаться за Кубань с абреками¹⁹, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес! Бешмет²⁰ всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде²¹, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не пытались её украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная, как смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чем у Белы; а какая сила! скачи хоть 50 вёрст; а уж выезжена — как собака бегаёт за хозяином, голос даже его знала!

¹⁸ Галуны — обшивка из тесьмы золотого или серебряного цвета.

¹⁹ Абрек — у кавказских горцев: удалец; в другом смысле: разбойник.

²⁰ Бешмет — полукафтан с рукавами.

²¹ Кабарда — область на Северном Кавказе; теперь входит в состав Кабардинской АССР.

Бывало он её никогда и не привязывает. Уж такая разбойничья лошадь! . . .

В этот вечер Казбич был угрюмее, чем когда-нибудь, и я заметил, что у него под бешметом надета кольчуга. «Недаром на нём эта кольчуга, — подумал я: — уж он верно что-нибудь замышляет».

Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться. Ночь уж ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям.

Мне вздумалось завернуть под навес, где стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у них корм, и притом осторожность никогда не мешает: у меня же была лошадь славная, и уж не один кабардинец на неё умилно поглядывал, приговаривая: «Якши тхе, чек якши!»

Пробираюсь вдоль забора и вдруг слышу голоса; один голос я тотчас узнал: это был повеса Азамат, сын нашего хозяина; другой говорил реже и тише. «О чём они тут толкуют? — подумал я: — уж не о моей ли лошадке?» Вот присел я у забора и стал прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шум песен и говор голосов, вылетая из сакли, заглушали любопытный для меня разговор.

— Славная у тебя лошадь! — говорил Азамат. — Если б я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!

«А, Казбич!» — подумал я и вспомнил кольчугу.

— Да, — отвечал Казбич после некоторого молчания. — В целой Кабарде не найдёшь такой. Раз, — это было за Тереком, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не повезло, и мы рассыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крики гяуров²², и предомною был густой лес. Прилёг я на седло, поручил себя аллаху²³ и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица, нырнул он между ветвями; острые колёчки рвали мою одежду, сухие сучья карагача²⁴ били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью. Лучше было бы мне его бросить у опушки и скрыться в лесу пешком, да жаль было

²² Гяур — турецкое слово, близкое по своему значению к русскому слову *собака*; так магометане называли иноверцев, главным образом христиан.

²³ Аллах (арабское слово) — бог.

²⁴ Карагач — лиственное дерево (особая порода вяза).

с ним расстаться, — и пророк вознаградил меня. Несколько пуль провизжало над моей головою; я уже слышал, как спешившиеся казаки бежали по следам... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался и прыгнул. Задние его копыта оборвались с противного берега, и он повис на передних ногах. Я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня: он выскочил. Казаки всё это видели, только ни один не спустился меня искать: они верно думали, что я убится до смерти, и я слышал, как они бросились ловить моего коня. Сердце моё облилось кровью; пополз я по густой траве вдоль по оврагу, — смотрю: лес кончился, несколько казаков выезжают из него на поляну, и вот высккивает прямо к ним мой Карагёз²⁵; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раза два чуть-чуть не накинул ему на шею аркана; я задрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их — и вижу: мой Карагёз летит, развевая хвост, вольный, как ветер, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях. Валлах! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидел в своём овраге. Вдруг, что же ты думаешь, Азамат? во мраке слышу, бегаёт по берегу оврага конь, фыркает, ржёт и бьёт копытами о землю; я узнал голос моего Карагёза: это был он, мой товарищ!.. С тех пор мы не разлучались.

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названья.

— Если б у меня был табун в тысячу кобыл, — сказал Азамат, — то отдал бы тебе его весь за твоего Карагёза.

— Йок, не хочу, — отвечал равнодушно Казбич.

— Послушай, Казбич, — говорил, ласкаясь к нему, Азамат. — Ты добрый человек, ты храбрый джигит, а мой отец бойся русских и не пускает меня в горы; отдай мне свою лошадь, и я сделаю всё, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда²⁶: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьётся; а кольчуга — такая, как твоя, нипочём.

Казбич молчал.

— В первый раз, как я увидел твоего коня, — продолжал Азамат, — когда он под тобой крутился и прыгал, раздвывая

²⁵ Карагёз — черноглазый.

²⁶ Гурда — старинная шашка, высоко ценившаяся на Кавказе.

ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его, в моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор всё мне опостыблело: на лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением, стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной; и, тоскуя, просиживал я на утесе целые дни и ежеминутно мыслям моим являлся вороной скакун твой с своей стройной поступью, с своим гладким, прямым, как стрелы, хребтом; он смотрел мне в глаза своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить. Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! — сказал Азамат дрожащим голосом.

Мне послышалось, что он заплакал: а надо вам сказать, что Азамат был преупрямый мальчишка, и ничем, бывало, у него слёз не выбьешь, даже когда он был и помоложе.

В ответ на его слёзы послышалось что-то вроде смеха.

— Послушай! — сказал твёрдым голосом Азамат. — Видишь, я на всё решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! как поёт! а вышивает золотом — чудо! Не бывало такой жены и у турецкого падишаха²⁷... Хочешь? дождись меня завтра ночью там, в ущелье, где бежит поток; я пойду с нею мимо в соседний аул, — и она твоя. Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?

Долго, долго молчал Казбич; наконец, вместо ответа, он затянул старинную песню вполголоса²⁸:

Много красавиц в аулах у нас,
Звёзды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их, завидная доля,
Но веселей молодёцкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.

Напрасно упрáшивал его Азамат согласиться и плакал, и лстил ему, и клялся; наконец Казбич нетерпеливо прервал его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моём коне? На первых трёх шагах он тебя сбросит, и ты разобьёшь себе затылок об камни.

²⁷ Падишах — титул турецкого султана и некоторых других азиатских властителей.

²⁸ Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой; но привычка — вторая натура. (Примечание Лермонтова.)

— Меня! — крикнул Азамат в бешенстве, и железо детско-го кинжала зазвенело об кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и он ударился об плетень так, что плетень зашатался.

«Будет потеха!» — подумал я, кинулся в конюшню, взнуздal лошадей наших и вывел их на задний двор.

Через две минуты уж в сакле был ужасный гвалт. Вот что случилось: Азамат вбежал туда в разорванном бешмете, говоря, что Казбич хотел его зарезать. Все выскочили, схватились за ружья — и пошла потеха! Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шашкой.

— Плохое дело в чужом пире похмелье, — сказал я Григорию Александровичу, поймав его за руку. — Не лучше ли нам поскорей убраться?

— Да погодите, чем кончится.

— Да уж верно кончится худо; у этих азиатов всё так: натянулись бузы²⁹, и пошла резня!

Мы сели верхом и ускакали домой.

— А что Казбич? — спросил я нетерпеливо у штабс-капитана.

— Да что этому народу делается! — отвечал он, допивая стакан чая: — ведь ускользнул!

— И не ранен? — спросил я.

— А бог его знает! Живущи, разбойники! Видал я-с иных в деле, например: ведь весь исколот, как решето, штыками, а всё махает шашкой.

Штабс-капитан после некоторого молчания продолжал, топнув ногою о землю:

— Никогда себе не прощу одного: чорт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорию Александровичу всё, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, — такой хитрый! — а сам задумал кое-что.

— А что такое? Расскажите, пожалуйста.

— Ну уж нечего делать! начал рассказывать, так надо продолжать. Дня через четыре приезжает Азамат в крепость. По обыкновению, он зашел к Григорию Александровичу, который его всегда кормил лакомствами. Я был тут. Зашел разговор о лошадях, и Печорин начал расхваливать лошадь Казбича: уж

²⁹ Натянулись бузы — напились пьяными.

такáя-то она резвая, красíвая, словно серна, — ну, просто, по его слова́м, этако́й и в целом мире нет.

Засверка́ли глазёнки у татарчо́нка, а Печорин будто не замеча́ет; я заговорю́ о друго́м, а он, смотришь, тотчас со́бьёт разгово́р на лоша́дь Казбича. Эта история продо́лжалась всякий раз, как приезжа́л Азамат. Неде́ли три спустя́, стал я замеча́ть, что Азамат бледне́ет и сохнет, как быва́ет от любви́ в рома́нах-с. Что за диво?..

Вот видите, я уж после узна́л всю эту штуку: Григорий Александрович до того его задразни́л, что хоть в воду. Раз он ему и скажи:

— Вижу, Азамат, что тебе больно по́нравилась эта лоша́дь: а не вида́ть тебе её, как своего заты́лка! Ну, скажи́, что бы ты дал тому, кто тебе её подарил бы?..

— Все́, что он захочет, — отвеча́л Азамат.

— В тако́м случае я тебе её доста́ну, только с усло́бием... Покляни́сь, что ты его́ испо́лнишь...

— Клянúсь... Клянúсь и ты!

— Хорошо! Клянúсь, ты будешь владе́ть конё́м; только за него ты должен отда́ть мне сестру́ Бэлу: Карагёз будет её калы́мом³⁰. Наде́юсь, что торг для тебя выгоден.

Азамат молча́л.

— Не хочешь? Ну, как хочешь! Я думал, что ты мужчи́на, а ты ещё ребёнок: рано тебе ездить верхо́м...

Азамат вспыхнул.

— А мой отец? — сказал он.

— Разве он никогда́ не уезжа́ет?

— Правда...

— Согла́сен?..

— Согла́сен, — прошепта́л Азамат, бледный как смерть. —

Когда́ же?

— В первый раз, как Казбич прие́дет сюда́; он обеща́лся пригна́ть деся́ток бара́нов; остальное́ — моё дело. Смотри же, Азамат!

Вот они и сладили это дело... по правде сказа́ть, нехоро́шее дело! Я после и говори́л это Печорину, да только он мне отвеча́л, что дикая черке́шенка должна́ быть сча́стлива, имёя тако́го милого мужа, как он, потому́ что по-ихнему он все́-таки

³⁰ Калы́м — выкуп, который у восточных народов плати́л жени́х за невесту. (Теперь в СССР калым запрещён зако́ном.)

её муж, а что Казбич — разбойник, которого надо было наказывать. Сами посудите, что ж я мог отвечать против этого?.. Но в то время я ничего не знал об их заговоре. Вот раз приехал Казбич и спрашивает, не нужно ли баранов и мёда; я велел ему привести на другой день.

— Азамат! — сказал Григорий Александрович: — завтра Карагёз в моих руках; если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видеть тебе коня...

— Хорошо! — сказал Азамат и поскакал в аул.

Вечером Григорий Александрович вооружился и выехал из крепости: как они сладили это дело, не знаю, — только ночью они оба возвратились, и часовой видел, что поперёк седла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? — спросил я у штабс-капитана.

— Сейчас, сейчас. На другой день утром рано приехал Казбич и пригнал десяток баранов на продажу. Привязав лошадь у забора, он вышел ко мне; я попотчевал его чаем, потому что хотя разбойник он, а всё-таки был моим кунаком.

Стали мы болтать о том, о сём... Вдруг смотрю, Казбич вздрогнул, переменялся в лице — и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье.

— Что с тобой? — спросил я.

— Моя лошадь!.. лошадь! — сказал он, весь дрожа.

Точно, — я услышал топот копыт.

— Это верно какой-нибудь казак приехал...

— Нет! Урус яман, яман! — заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс.

В два прыжка он был уже на дворе; у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьём; он перескочил через ружьё и кинулся бежать по дороге... Вдали вилась пыль — Азамат скакал на лихом Карагёзе; на бегу Казбич выхватил из чехла ружьё и выстрелил. С минуты он остался неподвижен, пока не убедился, что дал промах; потом завизжал, ударил ружьё о камень, разбил его вдребезги, повалился на землю и зарыдал, как ребёнок... Вот кругом него собрался народ из крепости — он никого не замечал; постояли, потолковали и пошли назад; я велел возле него положить деньги за баранов — он их не тронул, лежал себе ничком, как мёртвый. Поверите ли, он так пролежал до поздней ночи и целую ночь?.. Только на другом утро

пришёл в крепость и стал просить, чтобы ему назвали похитителя. Часовой, который видел, как Азамат отвязал коня и ускакал на нём, не пошёл за нужное скрывать. При этом имени, глаза Казбича засверкали, и он отправился в аул, где жил отец Азамата.

— Что ж отец?

— Да в том-то штука, что его Казбич не нашёл: он куда-то уезжал дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

А когда отец возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрец: ведь смекнул, что не сносить ему головы, если б он попался. Так с тех пор и пропал: верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйную голову за Терекон, или за Кубанью: туда и дорога!..

Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Как я только проведал, что черкешенка у Григорья Александровича, то надёл эполёты, шпагу и пошёл к нему.

Он лежал в первой комнате на постели, подложив одну руку под затылок, а в другой держал погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замок, и ключа в замке не было. Я всё это тотчас заметил. Я начал кашлять и постукивать каблукáми о порог, — только он притворялся, будто не слышит.

— Господин прапорщик! — сказал я как можно строже. — Разве вы не видите, что я к вам пришёл?

— Ах, здравствуйте, Максим Максимыч! Не хотите ли трубку? — отвечал он, не приподнимаясь.

— Извините! Я не Максим Максимыч: я штабс-капитан.

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если б вы знали, какая мучит меня забота!

— Я всё знаю, — отвечал я, подошед к кровати.

— Тем лучше: я не в духе рассказывать.

— Господин прапорщик, вы сделали проступок, за который и я могу отвечать...

— И полноте! что ж за беда? Ведь у нас давно всё пополам.

— Что за шутки? Пожалуйста вашу шпагу!

— Митька, шпагу!..

Митька принёс шпагу.

Исполнив долг свой, сел я к нему на кровать и сказал:

— Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо.

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увёз Бэлу... Уж эта мне бестия Азамат!.. Ну, признайся, — сказа́л я ему.

— Да когда́ она мне нравится?..

Ну, что прика́жете отвечать на это?.. Я стал втупи́к. Одна́кож, после некоторого молча́ния, я ему сказа́л, что если отец станет её требовать, то надо будет отда́ть.

— Вовсе не надо!

— Да он узнаёт, что она здесь.

— А как он узнаёт?

Я опять стал втупи́к.

— Послу́шайте, Максим Максимыч, — сказал Печорин, приподнявшись: — ведь вы добрый челове́к, а если отда́м дочь этому дикарю́, он её заре́жет или прода́ст. Дело сделано, не надо только охото́ю портить; оста́вьте её у меня́, а у себя́ мою́ шпагу...

— Да покажи́те мне её, — сказа́л я.

— Она за этой дверью; только я сам нынче напрасно хотел её видеть; сиди́т в углу, заку́тавшись в покрыва́ло, не говори́т и не смотре́т: пугли́ва, как дикая серна. Я нанял нашу духа́нщицу³¹: она знает по-татáрски, будет ходи́ть за нею и приучи́т её к мысли, что она моя́, потому́ что она никому́ не будет принадлежа́ть, кроме меня, — прибáвил он, ударив кулако́м по столу.

Я и в этом согласи́лся... Что прика́жете делать? Есть люди, с кото́рыми непременно должно соглаша́ться.

— А что? — спроси́л я у Максима Максимыча: — в самом ли деле он приучи́л её к себе́, или она зача́хла в нево́ле, с тоски по родине?

— Поми́луйте, отчего́ же с тоски́ по родине? Из крепости видны́ были те же горы, что из ау́ла, — а этим дикаря́м больше ниче́го не надобно. Да прито́м Григорий Александрович каждый день дари́л ей что-нибудь: первые дни она молча, гордо отта́лкивала подáрки, кото́рые тогда́ доставáлись духа́нщице и возбужда́ли её красноречи́е. Ах, подáрки! че́го не сделает женщина за цветну́ю тряпи́чку!.. Ну, да это в сторону... Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учи́лся по-татáрски, и она

³¹ Духа́н — в Закавказье так назывáется харчевня, постоя́лый дом; духа́нщица — содержи́тельница харчевни.

начина́ла понима́ть по-нашему. Мало-помалу она приучи́лась на него смотре́ть, снача́ла исподло́бья, искоса, и всё грусти́ла, напева́ла свои́ песни впло́госа, так что, быва́ло, и мне стано́вилось грустно, когда слушал её из сосе́дней комна́ты. Никогда́ не забу́ду одно́й сцены: шёл я мимо и загляну́л в окно; Бэла сидела на лежа́нке, повеси́в голову на грудь, а Григорий Алекса́ндрович сто́ял перед нею. — Послу́шай, моя пе́ри³², — говори́л он: — ведь ты знаешь, что рано или поздно ты должна́ быть моёю — отчего́ же только мучишь меня́? Разве ты любишь ка́кого-нибудь чече́нца? Если так, я тебя сейча́с отпу́щу́ домо́й.

Она вздрогнула едва́ примётно и покача́ла голово́й.

— Или, — продолжа́л он: — я тебе совершенно́ ненави́стен?

Она вздохну́ла.

— Или твоя́ вера запреща́ет полюби́ть меня́?

Она побледне́ла и молча́ла.

— Повере́ь мне, алла́х для всех племе́н один и тот же, и если он мне позволя́ет люби́ть тебя, отчего́ же запре́тит тебе́ плати́ть мне взаи́мностью?

Она посмотре́ла ему пристально́ в лицо́, как будто пораже́нная это́й новой мы́слью; в глаза́х её вырази́лись недовере́чивость и жела́ние убе́диться. Что за глаза́! они так и сверка́ли, будто два угля.

— Послу́шай, милая, добрая Бэла! — продолжа́л Печорин. — Ты видишь, как я тебя́ люблю; я всё гото́в отда́ть, чтобы́ тебя́ развесели́ть: я хочу́, чтоб ты была́ счастлива; а если ты снова́ будешь грусти́ть, то я умру́. Скажи́, ты будешь веселей?

Она призаду́малась, не спуска́я с него́ чёрных глаз свои́х, пото́м улыбну́лась ласково́ и кивну́ла голово́й в знак согла́сия. Он взял её руку́ и стал её уговари́вать, чтоб она его́ поцелова́ла; она слабо́ защища́лась и только́ повторя́ла:

— Поджа́луста, поджа́луста, не нада, не нада.

Он стал настаива́ть, она задрожала́, запла́кала.

— Я твоя́ пленница, — говори́ла она, — твоя́ раба́; коне́чно ты можешь меня́ принуди́ть, — и о́пять слёзы.

Григорий Алекса́ндрович уда́рил себя́ в лоб кулако́м и вы́скочил в друго́ю комна́ту. Я зашёл к нему; он сложа́ руки́ проха́живался угрюмо́й взад и вперед.

— Что, батюшка? — сказа́л я ему́.

³² Пе́ри — (перси́д.) духи, ангелы.

— Дьявол, а не женщина! — отвечал он: — только я вам даю моё честное слово, что она будет моя...

Я покачал головою.

— Хотите пари? — сказал он: — через неделю!

— Извольте!

Мы ударили по рукам и разошлись.

На другой день он тотчас же отправил нарочного в Кизляр за разными покупками; привезено было множество разных персидских материй, всех не перечёсть.

— Как вы думаете, Максим Максимыч! — сказал он мне, показывая подарки: — устоит ли азиатская красавица против такой батарей?

— Вы черкёшенки не знаете, — отвечал я: — это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, — совсем не то. У них свои правила, они иначе воспитаны.

Григорий Александрович улыбнулся и стал насвистывать марш.

А ведь вышло, что я был прав; подарки подействовали только вполонину; она стала ласковее, доверчивее — да и только; так что он решился на последнее средство. Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкёски, вооружился и вошёл к ней.

— Бэла! — сказал он: — Ты знаешь, как я тебя люблю. Я решился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: — прощай! оставайся полною хозяйкой всего, что я имею; если хочешь, вернись к отцу, — ты свободна. Я виноват перед тобой и должен наказать себя, прощай, я еду — куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки: тогда вспомни обо мне и прости меня.

Он отвернулся и протянул ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я мог в щель рассмотреть её лицо: и мне стало жаль — такая смертельная бледность покрыла это милое личико. Не слыша ответа, Печорин сделал несколько шагов к двери; он дрожал — и сказать ли вам? я думаю, он в состоянии был исполнить в самом деле то, о чём говорил шутя. Таков уж был человек, бог его знает. Только едва он коснулся двери, как она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. — Поверите ли? я, стоя за дверью, также заплакал, то-есть, знаете, не то чтоб заплакал, а так — глупость!..

Штабс-капитан замолчал.

— Да, признаюсь, — сказа́л он пото́м, теребя́ усы: — мне стало́ доса́дно, что́ никогда́ ни одна́ женщина́ меня́ так не люби́ла.

— И продо́лжительно́ было́ их счастье? — спроси́л я.

— Да, она́ нам призна́лась, что́ с того́ дня, как уви́дела Печо́рина, он часто́ ей грези́лся во сне, и что́ ни о́дин мужчи́на никогда́ не производи́л на неё тако́го впечатле́ния. Да, они́ были́ счастливы!

— Как это́ скучно! — воскли́кнул я нево́льно.

В самом́ деле, я ожида́л траги́ческой развя́зки, и вдруѓ так неожиданно́ обману́ть мои́ наде́жды! . .

— Да неужели́, — продо́лжа́л я, — отец́ не догада́лся, что́ она́ у вас в крепо́сти.

— То-есть, кажется́, он подозрева́л. Спу́стя несколько́ дней узна́ли мы, что́ стариќ уби́т. Вот как это́ случи́лось . . .

Внима́ние моё́ пробуди́лось снова́.

— Надо́ вам сказа́ть, что́ Казбич́ вообрази́л, будто́ Азамат́ с согла́сия отца́ укра́л у него́ лоша́дь, по край́ней мере, я так полага́ю. Вот он раз и дожида́лся у доро́ги, версты́ три за а́улом; стариќ возвра́щался из напра́сных поиско́в за доче́рью; узде́ни³³ его́ отста́ли, — это́ было́ в су́мерки, — он еха́л задумчи́во шагом, как вдруѓ Казбич́, будто́ кошка́, нырну́л из-за ку́ста, прыѓ сзади́ его́ на лоша́дь, ударо́м кинжа́ла сва́лил его́ назе́мь, схвати́л поводья́ — и был́ тако́в: некоторы́е узде́ни всё́ это́ видели́ с приго́рка; они́ броси́лись догоня́ть, только́ не догна́ли.

— Он вознагра́дил се́бя за поте́рю ко́ня и отомсти́л, — сказа́л я, чтоб́ вызва́ть мнение́ моего́ собесе́дника.

— Конечно́, по ихнему́, — сказа́л штабс-капита́н, — он был́ соверше́нно прав.

Меня́ нево́льно порази́ла спосо́бность русско́го челове́ка применя́ться к обы́чаям тех наро́дов, среди́ кото́рых ему́ случает́ся жить; не знаю́, досто́йно порица́ния или похва́лы это́ свойство́ ума́, только́ оно́ доказы́вает неимо́верную его́ гибкость́ и прису́тствие этого́ ясно́го здоро́вого смысла́, кото́рый проща́ет зло́ вездé, где видит́ его́ необходи́мость или невозмо́жность его́ уничто́жения.

Между́ тем ча́й был выпит; да́вно запряже́нные ко́ни продро́гли на снегу́; месяц́ бледне́л на запа́де и гото́в уж́ был погру́-

³³ Узде́ни — высши́й класс́ у черке́ских пле́мен, соотве́тствовавший русско́му дворя́нству.

зяться в чёрные свои тучи, висящие на дальних вершинах, как клочки разорванного занавеса. Мы вышли из сакли. Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звёзд чудными узорами сплетались на далёком небосклоне и одна за другою гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темнолиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было всё на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем. Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге на Гуд-Гору; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колёса, когда лошади выбивались из сил; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она всё поднималась и, наконец, пропадала в облаке, которое ещё с вечера отдыхало на вершине Гуд-Горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно прилиwała в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром: — чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: всё приобретённое отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда и верно будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным и долго-долго всматриваться в их причудливые образы и жадно глотать животворящий воздух, разлитой в их ущельях, тот, конечно, поймёт моё желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины. Вот, наконец, мы взобрались на Гуд-Гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; но на востоке всё было так ясно и золотисто, что мы, то-есть я и штабс-капитан, совершенно о нём забыли... Да, и штабс-капитан: в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге.

— Вы, я думаю, привыкли к этим великолéпным картинам? — сказа́л я ему.

— Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то-есть привыкнуть скрывать нево́льное биение сердца.

— Я слышал, напро́тив, что для ины́х старых воинов эта музыка даже приятна.

— Разуме́ется, если хотите, оно и приятно; только всё же потому́, что сердце бьётся сильнее. Посмотрите, — прибавил он, указывая на восток, — что за край!

И точно, такую панора́му вряд ли где ещё уда́тся мне видеть: под нами лежала Койшау́рская долина, пересека́емая Ара́гвой и друго́й речкой, как двумя серебряными нитями; голубова́тый туман скользил по ней, уба́гая в сосе́дние тесни́ны от тёплых луче́й утра; напра́во и нале́во гребни гор, оди́н выше друго́го пересека́лись, тяну́лись, покры́тые сне́гами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы похожие одна на друго́ю, — и все эти снега горели румя́ным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и оста́ться жить наве́ки: солнце чуть пока́залось из-за те́мноси́ней горы, кото́рую только привы́чный глаз мог бы различить от грозовой́ тучи; но над солнцем была крова́вая полоса, на кото́рую мой това́рищ обрати́л о́собенное внима́ние.

— Я говори́л вам, — воскликнул он, — что нынче будет погóда; надо торопиться, а то, пожа́луй, она заста́нет нас на Крестовой. Трогайтесь, — закрича́л он ямщика́м.

Подложи́ли цепи под коле́са вместо тормозов, чтоб они не раската́вались, взяли лошаде́й под уздцы́ и начали спуска́ться; напра́во был утёс, нале́во пропасть така́я, что целая дере́вущка осетин, живущих на дне её, казала́сь гнездо́м ласточки; я содрогну́лся, подума́в, что часто здесь, в глухую́ ночь, по это́й доро́ге, где две повозки не могут разе́хаться, како́й-нибудь курьер раз десять в год проезжа́ет, не вылезая́ из своего́ тряского экипа́жа. Один из наших изво́зчиков был русский яросла́вский мужи́к, друго́й осетин; осетин вёл коренную́ под уздцы́ со всеми возмо́жными предосторо́жностями, отпря́гши за́ранее уно́сных, — а наш беспё́чный руса́к даже не слез с облучка́! Когда́ я ему замéтил, что он мог бы побеспоко́иться в пользу́ хотя́ моего́ чемодана, за кото́рым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвеча́л мне: «И, барин! Бог даст, не хуже́ их дое́дем: ведь нам не впервы́е», — и он был прав: мы точно могли бы не дое́хать, однакож всё-таки

доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться...

Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? — Во-первых, я пишу не повесть, а путевые записки; следовательно, не могу заставить штабс-капитана рассказывать прежде, нежели он начал рассказывать в самом деле. Итак, погодите, или, если хотите, переверните несколько страниц, только я вам этого не советую, потому что переезд через Крестовую гору (или, как называет её ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства. Итак, мы спускались с Гуд-Горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утёсами, — не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова *черта*, а не *чорт*, ибо здесь когда-то была граница Грузии. Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие м и л ы е места нашего отечества.

— Вот и Крестовая! — сказал мне штабс-капитан, когда мы съехали в Чертову долину, указывая на холм, покрытый пеленою снега; на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом: наши извозчики объявили, что обвалов ещё не было, и, сберегая лошадей, повезли нас кругом. При повороте встретили мы человек пять осетин; они предложили нам свои услуги и, уцепясь за колёса, с криком принялись тащить и поддерживать нашу тележку. И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра обрваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лёд от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались: лошади падали; налево зияла глубокая расселина, где катился поток, то скрываясь под ледяной корою, то с пеною прыгая по чёрным камням.

В два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору, две версты в два часа! Между тем тучи спустились, повалил град, снег; ветер, врываясь в ущелье, ревел, свистал как Соловей-Разбойник, и скоро каменный крест скрылся в тумане, которого волны, одна другой гуще и теснее, набежали с востока... Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил император Пётр I, проезжая через

Кавказ; но, во-первых, Пётр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте было написано крупными буквами, что он поставлен по приказанию генерала Ермолова, а именно в 1824 году. Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось, что, право, не знаешь, чему верить, тем более, что мы не привыкли верить надписям.

Нам должно было спускаться ещё вёрст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только её дикие напевы были печальнее, заунывнее. «И ты, изгнанница, — думал я, — плачешь о своих широких, раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьётся о решётку железной своей клетки».

— Плохо! — говорил штабс-капитан: — посмотрите, кругом ничего не видно, только туман да снег; того и гляди, что свалимся в пропасть или засядем в трущобу, а там, пониже, чай, Байдара так разыгралась, что и не переёдешь. Уж эта мне Азия! что люди, что речки. — никак нельзя положиться!

Извозчики с криком и бранью колотили лошадей, которые фыркали, упирались и не хотели ни за что в свете тронуться с места, несмотря на красноречие кнутов.

— Ваше благородие, — сказал, наконец, один: — ведь мы нынче до Коби не доедем; не прикажете ли, покамест можно, своротить налево? Вон, там что-то на косогоре чернеется, — верно, сакли: там всегда-с приезжающие останавливаются в погоду; они говорят, что проведут, если дадите на водку, — прибавил он, указывая на осетина.

— Знаю, братец, знаю без тебя! — сказал штабс-капитан: — уж эти бестии! рады придраться, чтоб сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, — сказал я, — что без них нам было бы хуже.

— Всё так, всё так, — пробормотал он: — уж эти мне проводники! чутьём слышат, где можно попользоваться, будто без них и нельзя найти дороги.

Вот мы свернули налево и кое-как, после многих хлопот, добрались до скудного приюта, состоявшего из двух саклей, сложенных из плит и булыжника и обведённых такою же стеною. Оборванные хозяева приняли нас радушно. Я после узнал,

что правительство им платит и кормит их с условием, чтоб они принимали путешественников, застигнутых бурей.

— Всё к лучшему! — сказал я, присев у огня: — теперь вы мне доскажете вашу историю про Бэлу; я уверен, что этим не кончилось.

— А почему ж вы так уверены? — отвечал мне штабс-капитан, примигивая с хитрой улыбкой.

— Оттого, что это не в порядке вещей: что началось необыкновенным образом, то должно так же кончиться.

— Ведь вы угадали...

— Очень рад.

— Хорошо вам радоваться, а мне так право грустно, как вспомню. Славная была девочка, эта Бэла! Я к ней, наконец, так привык, как к дочери, и она меня любила. Надо вам сказать, что у меня нет семейства: об отце и матери я лет 12 уж не имею известия, а заpastись женой не догадался раньше, — так теперь уж, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашёл кого баловать. Она, бывало, нам поёт песни, иль пляшет лезгинку... А уж как плясала! Видал я наших губернских барышень, а раз был-с и в Москве в благородном собрании, лет 20 тому назад, — только куда им! совсем не то!.. Григорий Александрович наряжал её, как куколку, холил и лелеял, и она у нас так похорошела, что чудо; с лица и с рук сошёл загар, румянец разыгрался на щеках... Уж какая, бывало, веселая, и всё надо мной, проказница, подшучивала... Бог ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго от неё это скрывали, пока она не привыкла к своему положению; а когда сказали, так она дня два поплакала, а потом забыла.

Месяца четыре всё шло как нельзя лучше. Григорий Александрович, я уж кажется говорил, страстно любил охоту: бывало, так его в лес и подмывает за кабанами или козами, — а тут хоть бы вышел за крепостной вал. Вот, однакож, смотрю, он стал снова задумываться, ходит по комнате, загнув руки назад; потом раз, не сказав никому, отправился стрелять, — целое утро пропадал; раз и другой, всё чаще и чаще... Нехорошо, — подумал я: — верно между ними чёрная кошка проскочила.

Одно утро захожу к ним — как теперь перед глазами:

Бэла сидела на кровати в чёрном шёлковом бешмете, бледненькая, такая печальная, что я испугался.

— А где Печорин? — спросил я.

— На охоте.

— Сегодня ушёл?

Она молчала, как будто ей трудно было выговорить.

— Нет, ещё вчера, — наконец сказала она, тяжело вздохнув.

— Уж не случилось ли с ним чего?

— Я вчера целый день думала, думала, — отвечала она сквозь слёзы: — придумывала разные несчастья: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать.

Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отёрла слёзы и продолжала:

— Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, — я княжеская дочь!..

Я стал её уговаривать.

— Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь, как пришитому к твоей юбке: он человек молодой, любит погоняться за дичью, — походит да и придёт; а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь.

— Правда, правда! — отвечала она: — я буду веселá.

И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было с нею мне делать? Я, знаете, никогда с женщинами не обращался; думал, думал, чем её утешить, и ничего не придумал; несколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положение-с!

Наконец, я ей сказал:

— Хочешь, пойдём прогуляться на вал? погода славная!

Это было в сентябре. И точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке.

Мы пошли, походили по крепостному валу взад и вперёд, молча; наконец она села на дёрн, и я сел возле неё. Ну, право, вспомнить смешно: я бегал за нею, точно какáя-нибудь нянька.

Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками³⁴, оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны; с другой бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть всё. Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади, всё ближе и ближе, и наконец остановился по ту сторону речки, саженьх во ста от нас, и начал кружить лошадь свою, как бешеный. Что за притча!..

— Посмотри-ка, Бэла, — сказал я: — у тебя глаза молодые, что это за джигит: кого это он приехал тешить?..

Она взглянула и вскрикнула:

— Это Казбич!..

— Ах он разбойник! смеяться что ли приехал над нами?

Всматриваюсь, точно Казбич: его смуглая рожа, оборванный, грязный, как всегда.

— Это лошадь отца моего, — сказала Бэла, схватив меня за руку.

Она дрожала как лист, и глаза её сверкали. Ага! подумал я: и в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь!

— Подойди-ка сюда, — сказал я часовому: — осмотри ружье, да ссади мне этого молодца, — получишь рубль серебром.

— Слушаю, ваше высокоблагородие; только он не стоит на месте...

— Прикажи! — сказал я смеясь...

— Эй, любезный! — закричал часовой, махая ему рукой: — подожди маленько, что ты крутишься как волчок?

Казбич остановился в самом деле и стал вслушиваться: верно думал, что с ним заводят переговоры, — как не так!.. Мой гренадёр³⁵ приложился... бац... мимо; только что порох на полке вспыхнул; Казбич толкнул лошадь, и она дала ска-

³⁴ Балки — овраги.

³⁵ Гренадёр — солдат из отборной части войск с особенно рослым составом.

чок в сторону. Он привстал на стременах, крикнул что-то своему, погрозил нагайкой — и был таков.

— Как тебе не стыдно! — сказал я часовому.

— Ваше высокоблагородие! умирать отправился, — отвечал он: — такой проклятый народ, сразу не уберёшь.

Четверть часа спустя Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствие... Даже я уж на него рассердился.

— Помилуйте, — говорил я: — ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич, и мы по нём стреляли: ну, долго ли вам на него наткнуться? Эти горцы народ мстительный: вы думаете, что он не догадывается, что вы частью помогли Азамату? А я бьюсь об заклад, что нынче он узнал Бэлу. Я знаю, что, год тому назад, она ему больно нравилась — он мне сам говорил, — и если б надеялся собрать порядочный калым, то верно бы посватался...

Тут Печорин задумался:

— Да, — отвечал он, — надо быть осторожнее... Бэла, с нынешнего дня ты не должна более ходить на крепостной вал.

Вечером я имел с ним длинное объяснение: мне было досадно, что он переменялся к этой бедной девочке; кроме того, что он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он её редко, и она заметно начинала сохнуть, личико её вытянулось, большие глаза потускнели. Бывало, спросишь:

— О чём ты вздохнула, Бэла? ты печальна?

— Нет.

— Тебе чего-нибудь хочется?

— Нет.

— Ты тоскуешь по родным?

— У меня нет родных.

Случалось, по целым дням, кроме «да» да «нет», от неё ничего больше не добьёшься.

Вот об этом-то я и стал ему говорить.

— Послушайте, Максим Максимыч, — отвечал он, — у меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только, что если я причиной несчастия других, то и сам не менее несчастлив. Разумеется, это им плохое утешение — только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из

опёки³⁶ родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц, и был любим, — но их любовь только раздражала моё воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и чтоб добиться её, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живёт под чеченскими пулями — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал большие внимания на комаров — и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своём доме, когда в первый раз, держа её на коленях, целовал её чёрные локоны³⁷, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбой... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой. Если вы хотите, я её ещё люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за неё отдам жизнь, только мне с нею скучно... Глупец я, или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне всё мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день от дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь, — только не в Европу, избави боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию, — авось где-нибудь умру на дороге! По крайней мере, я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог.

Так он говорил долго, и его слова врезались у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от 25-летнего человека, и, бог даст, в последний... Что за диво!

³⁶ Опёка — наблюдение, надзор, попечение.

³⁷ Локоны — кудри.

Скажите-ка, пожалуйста, — продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне, — вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужто тамошняя молодёжь вся такова?

Я отвечал, что много есть людей, говорящих то же самое; что есть, вероятно, и такие, которые говорят правду; что, впрочем, разочарование, как все моды, начав с высших слоёв общества, спустилось к низшим, которые его донашивают, и что нынче те, которые больше всех и в самом деле скучают, стараются скрыть это несчастье, как порок.

Штабс-капитан не понял этих тонкостей, покачал головою и улыбнулся лукаво:

— А всё, чай, французы ввели моду скучать?

— Нет, англичане.

— Ага, вот что!.. — отвечал он, — да ведь они всегда были отъявленные пьяницы!..

Я невольно вспомнил об одной московской барыне, которая утверждала, что Байрон был больше ничего, как пьяница. Впрочем, замечание штабс-капитана было извинительнее: чтоб воздерживаться от вина, он конечно старался уверять себя, что все в мире несчастья происходят от пьянства.

Между тем он продолжал свой рассказ таким образом:

— Казбич не являлся снова. Только не знаю почему, я не мог выбить из головы мысль, что он недаром приезжал и затевает что-нибудь худое.

Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабан; я долго отнекивался: ну, что мне был за диковинка кабан! Однакож утащил-таки он меня с собою. Мы взяли человек пять солдат и уехали рано утром. До десяти часов шныряли по камышам и по лесу, — нет зверя.

— Эй, не воротиться ли? — говорил я: — к чему упрямиться? Уж видно такой задался несчастный день!

Только Григорий Александрович, несмотря на зной и усталость, не хотел воротиться без добычи... Таков уж был человек: что задумает, подавай: видно в детстве был маменькой избалован... Наконец в полдень отыскали проклятого кабан: — паф! паф!.. не тут-то было: ушёл в камыши... такой уж был несчастный день!.. Вот мы, отдохнув маленко, отправились домой.

Мы ехали рядом, молча, распустив поводья, и были уж почти у самой крепости; только кустарник закрывал её от нас.

Вдруг выстрел... Мы взглянули друг на друга: нас поразило одинаковое подозрение... Опрометью поскакали мы на выстрел, — смотрим: на валу солдаты собрались в кучку и укаывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле.

Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружьё из чехла — и туда; я за ним.

К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались из-под седла, и с каждым мгновением мы были всё ближе и ближе... И наконец я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему:

— Это Казбич!..

Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью.

Вот, наконец, мы были уж от него на ружейный выстрел; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже наших, только, несмотря на все его старания, она не больно подавалась вперёд. Я думаю, в эту минуту он вспомнил своего Карагёза...

Смотрю: Печорин на скаку приложился из ружья...

— Не стреляйте! — кричу я ему: — берегите заряд; мы и так его догоним.

Уж эта молодёжь! вечно нехстати горячится... Но выстрел раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади; она сгоряча сделала ещё прыжков десять, споткнулась и упала на колёни. Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках своих женщину, окутанную чадрую...

Это была Бэла... бедная Бэла!

Он что-то нам закричал по-своему и занёс над нею кинжал... Медлить было нечего: я выстрелил, в свою очередь, наудачу; верно пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку...

Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь, и возле неё Бэла; а Казбич, бросив ружьё, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утёс; хотелось мне его снять оттуда — да не было заряда готового! Мы соскочили с лошадей и кинулись к Бэле. Бедняжка, она лежала неподвижно, кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей: хоть бы в сердце ударил — ну, так уж и быть, одним разом всё бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар!

Она была́ без памяти. Мы изорвали́ чадру́ и перевязали́ рану как можно ту́же; напрáсно Печорин целова́л её холо́дные губы — ничто не мо́гло привести́ её в себя́.

Печорин сел верхо́м; я поднял её с земли́ и кое-как посади́л к нему на седло́; он обхвати́л её руко́й, и мы поехали́ наза́д. После́ нескольких мину́т молча́ния Григорий Александрович сказа́л мне:

— Послу́шайте, Максим Максимыч, мы этак её не доведе́м живу́ю.

— Правда! — сказа́л я, — и мы пусти́ли лошаде́й во весь дух.

— Нас у воро́т крепости́ ожида́ла толпа́ народа; осторо́жно перенесли́ мы раненую к Печорину и посла́ли за лекарем. Он был хотя́ пьян, но пришёл; осмотре́л рану и объяви́л, что она больше́ дня жить не может; только он оши́бся...

— Выздоровела? — спроси́л я у штабс-капита́на, схвати́в его за руку и нево́льно обра́довавшись.

— Нет, — отвеча́л он: — а оши́бся лекарь тем, что она ещё́ два дня прожи́ла.

— Да объясни́те мне, каким образом её похити́л Казбич?

— А вот как: несмотря́ на запреще́ние Печорина, она вышла́ из крепости́ к речке. Было, знаете, очень жарко; она села́ на камень и опусти́ла ноги́ в воду. Вот Казбич подкра́лся, — цап-царап её, зажа́л рот и потащи́л в кусты́, а там вскочи́л на коня́, да и тягу! Она между́ тем успе́ла закрича́ть; часо́вые всполоши́лись, выстрели́ли, да мимо, а мы тут и подо́спели.

— Да заче́м Казбич её хоте́л увезти́?

— Помилуйте! да эти черке́сы изве́стный воровско́й народ; что плохо лежи́т, не могут не стянúть: друго́е и не нужно, а всё украде́т... уж в этом прошú их изви́нить! Да прито́м она ему́ давно-таки нрави́лась.

— И Бэла́ умерла́?

— Умерла́; только́ долго́ мучи́лась, и мы уж с не́ю изму́чили́сь порядко́м. Около́ десяти́ часо́в вечера́ она пришла́ в себя́; мы сидели́ у постели́; только́ что она откры́ла глаза́, начала́ звать Печорина.

— Я здесь, подле́ тебя, мо́я джанечка́ (то-есть, по нашему́, душенька́), — отвеча́л он, взяв её за руку.

— Я умру́! — сказа́ла она.

Мы начали её утешать, говорили, что лекарь обещал её вылечить непременно.

Она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать! . .

Ночью она начала бредить; голова её горела, по всему телу иногда пробегала дрожь лихорадки, она говорила несвязные речи об отце, брате; ей хотелось в горы, домой . . . Потом она также говорила о Печорине, давала ему разные нежные названия, или упрекала его в том, что он разлюбил свою джанечку . . .

Он слушал её молча, опустив голову на руки; но только я во всё время не заметил ни одной слезы на ресницах его: в самом ли деле он не мог плакать, или владел собою — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывал.

К утру бред прошёл: с час она лежала неподвижная, бледная, и в такой слабости, что едва можно было заметить, что она дышит; потом ей стало лучше, и она начала говорить, только, как вы думаете, о чём? . . Этакая мысль придёт ведь только умирающему! . . Начала печалиться о том, что она не христианка, и что на том свете душа её никогда не встретится с душою Григория Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить её перед смертью: я ей это предложил; она посмотрела на меня в нерешимости и долго не могла слово вымолвить; наконец, отвечала, что она умрёт в той вере, в какой родилась.

Так прошёл целый день. Как она переменялась в этот день! Бледные щёки впали, глаза сделались большие, большие, — губы горели. Она чувствовала внутренний жар, как будто в груди у неё лежало раскалённое железо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от её постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григория Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала её из своих.

Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбивала перевязку, и кровь потекла снова.

Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтоб он её поцеловал. Он стал на колени возле кровати, приподнял её голову с подушки и прижал свои губы к её холодёющим губам; она крепко обвила его шею дрожавшими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему

свою душу... Нет, она хорошо сделала, что умерла! Ну, что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович её покинул? А это бы случилось, рано или поздно...

Половину следующего дня она была тиха, молчалива и послушна, как ни мучил её наш лекарь припарками и микстурой³⁸.

— Помилуйте! — говорил я ему: — ведь вы сами сказали, что она умрёт непременно, так зачем тут все ваши препараты?

— Всё-таки лучше, Максим Максимыч, — отвечал он, — чтоб совесть была покойна.

— Хороша совесть!

После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я знал, что эта невыносимая жажда — признак приближения конца, и сказал это Печорину.

— Воды, воды!.. — говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

Он сделался бледен, как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. Я закрыл глаза руками и стал читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в госпиталях и на поле сражения, только это всё не то, совсем не то!.. Ещё, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а, кажется, я её любил, как отец... Ну, да бог её простит!.. И в правду молвить: что ж я такое, чтоб обо мне вспоминать перед смертью?..

Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам — гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперёд рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя.

Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия, хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся...

³⁸ Микстура — жидкое лекарство, состоящее из смеси нескольких веществ.

У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошёл заказывать гроб.

Признаться, я частью для развлечения занялся этим. У меня был кусок термаламы³⁹, я обил ею гроб и украсил его черкёскими серебряными галунками, которых Григорий Александрович накупил для неё же.

На другой день рано утром мы её похоронили, за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела; кругом её могилки теперь разрослись кусты белой акации и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловко: всё-таки она была не христианка...

— А что Печорин? — спросил я.

— Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка, только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что это ему будет неприятно, так зачём же?

Месяца три спустя его назначили в е...й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались... Да, помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было. Впрочем, до нашего брата вести поздно доходят.

Тут он пустился в длинную диссертацию о том, как неприятно узнавать новости годом позже — вероятно для того, чтоб заглушить печальные воспоминания.

Я не перебивал его и не слушал.

Через час явилась возможность ехать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завёл разговор о Бэле и о Печорине.

— А не слыхали ли вы, что сделалось с Казбичем? — спросил я.

— С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разезжает шажком под нашими выстрелами и превёжливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко; да вряд ли это тот самый!..

В Коби мы расстались с Максимом Максимичем; я поехал на почтовых, а он, по причине тяжёлой поклажи, не мог за мной следовать. Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая исто-

³⁹ Термалама — пёстрая восточная шелковая ткань.

рия... Сознайтесь, однакож, что Максим Максимыч человек, достойный уважения?.. Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ.

2. Максим Максимыч.

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспешил в Владикавказ. Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которых решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дня, ибо «оказия» из Екатеринограда еще не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. Но дурной каламбур⁴⁰ не утешение для русского человека, и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей: видите, как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это — прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которым ходят обозы через Кабарду из Владикавказа в Екатериноград.

Первый день я провел очень скучно; на другой, рано утром въезжает на двор повозка... А! Максим Максимыч!.. Мы встретились, как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!..

Максим Максимыч имел глубокие сведения в поваренном искусстве: он удивительно хорошо зажарил фазана, удачно полил его огуречным рассолом, и я должен признаться, что без

⁴⁰ К а л а м б у р — шутка, острота, основанная на игре слов, имеющих разное значение при одном и том же произношении.

него пришлось бы остаться на сухоядении. Бутылка кахетинского помогла нам забыть о скромном числе блюд, которых было всего одно, и, закулив трубки, мы уселись — я у окна, он у затопленной печи, потому что день был сырой и холодный. Мы молчали. О чём было нам говорить?.. Он уж рассказал мне о себе всё, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать. Я смотрел в окно. Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается шире и шире, мелькали из-за деревьев, а дальше синелись зубчатую стеною горы, и из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке. Я с ними мысленно прощался: мне стало их жалко...

Так сидели мы долго. Солнце пряталось за холодные вершины, и беловатый туман начинал расходиться в долинах, когда на улице раздался звон дорожного колокольчика и крик извозчиков. Несколько повозок с грязными армянами въехало на двор гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; её лёгкий ход, удобное устройство и щегольской вид имели какой-то заграничный отпечаток. За нею шёл человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея; в его звании нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, с которой он вытряхивал золу из трубки и покривал на ящика. Он явно был балованный слуга ленивого барина, — нечто вроде русского фигаро⁴¹.

— Скажи, любезный, — закричал я ему в окно, — что это — оказия пришла, что ли?

Он посмотрел довольно дерзко, поправил галстук и отвернулся; шедший возле него армянин, улыбаясь, отвечал за него, что точно пришла оказия и завтра утром отправится обратно.

— Слава богу! — сказал Максим Максимыч, подошедший к окну в это время. — Экая чудная коляска! — прибавил он: — верно какой-нибудь чиновник едет на следствие в Тифлис. Видно, не знает наших горок! Нет, шутишь, любезный: они не свой брат, растрясут хоть английскую!

— А кто бы это такое был — подойдите-ка узнать...

Мы вышли в коридор. В конце коридора была отворена

⁴¹ Фигаро — герой комедии Бомарше «Севильский цирюльник»; в нарицательном смысле: плутоватый слуга.

дверь в боковую комнату. Лакей с извозчиком перетаскивали в неё чемоданы.

— Послушай, братец, — спросил у него штабс-капитан: — чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!..

Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан. Максим Максимыч рассердился; он тронул неучтивца по плечу и сказал:

— Я тебе говорю, любезный...

— Чья коляска?.. моего господина...

— А кто твой господин?

— Печорин...

— Что ты? что ты? Печорин? Ах, боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. — воскликнул Максим Максимыч, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

— Служил, кажется — да я у них недавно.

— Ну, так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим баринком были приятели, — прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться...

— Позвольте, сударь: вы мне мешаете, — сказал тот, нахмурившись.

— Экой ты, братец!.. Да знаешь ли? мы с твоим баринком были друзья закадычные, жили вместе... Да где ж он сам остался?..

Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдёт ли он вечером сюда? — сказал Максим Максимыч: — или ты, любезный, не пойдёшь ли к нему за чем-нибудь?.. Коли пойдёшь, так скажи, что здесь Максим Максимыч; так и скажи... уж он знает... Я тебе дам восьмигривенный на водку.

Лакей сделал презрительную мину, слыша такое скромное обещание, однако уверил Максима Максимыча, что он исполнит его поручение.

— Ведь сейчас прибежит!.. — сказал мне Максим Максимыч с торжествующим видом: — пойду за ворота его дожидаться... Эх! жалко, что я незнаком с Н...

Максим Максимыч сел за воротами на скамейку, а я ушёл в свою комнату. Признаюсь, я также с некоторым нетерпением ждал появления этого Печорина; хотя, по рассказу штабс-капи-

тана, я составил себе о нём не очень выгодное понятие, однако некоторые черты в его характере показались мне замечательными. Через час инвалид принёс кипящий самовар и чайник.

— Максим Максимыч, не хотите ли чаю? — закричал я ему в окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй выпейте! Смотрите, ведь уж поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, как угодно!

Я стал пить чай один; минут через десять входит мой старик.

— А ведь вы правы: всё лучше выпить чайку, — да я всё ждал... Уж человек его давно к нему пошёл, да видно что-нибудь задержало.

Он наскоро выхлебнул чашку, отказался от второй и ушёл опять за ворота в каком-то беспокоестве: явно было, что старика огорчало небрежение Печорина, и тем более, что он мне недавно говорил о своей с ним дружбе, и ещё час тому назад был уверен, что он прибежит, как только услышит его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворил окно и стал звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; он что-то пробормотал сквозь зубы; я повторил приглашение, — он ничего не отвечал.

Я лёг на диван, завернувшись в шинель и оставив свечу на лежанке, скоро задремал и проспал бы спокойно, если б, уже очень поздно, Максим Максимыч, войдя в комнату, не разбудил меня. Он бросил трубку на стол, стал ходить по комнате, швырять в печь, наконец лёг, но долго кашлял, плевал, ворочался...

— Не клопы ли вас кусают? — спросил я.

— Да, клопы... — отвечал он, тяжело вздохнув.

На другой день утром я проснулся рано; но Максим Максимыч предупредил меня. Я нашёл его у ворот сидящего на скамейке.

— Мне надо сходить к коменданту, — сказал он, — так, пожалуйста, если Печорин придёт, пришлите за мной...

Я обещался. Он побежал, как будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свежее и прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом,

потому́ что было воскресенье; босые мальчишки-осетины, неся за плеча́ми котомки с сотовым ме́дом, верте́лись вокру́г меня; я их прогна́л: мне было не до них, я начина́л разделять беспокойство доброго штабс-капита́на.

Не прошло́ десяти́ мину́т, как на конце́ площади показале́ся тот, которо́го мы ожида́ли. Он шёл с полковником Н., которо́й, доведя́ его до гостини́цы, прости́лся с ним и поворо́тил в крепость. Я тотчас же посла́л инвали́да за Максимом Максимычем.

Навстрёчу Печорина вышел его лаке́й и доложи́л, что сейча́с станут закла́дывать; подал е́му ящик с сига́рами и, получи́в несколько приказа́ний, отпра́вился хлопота́ть. Его госпо́дин, закури́в сига́ру, зевну́л раза два и сел на скамы́ю по друго́ю сторону́ воро́т. Тепе́рь я должен нарисова́ть вам его портре́т.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широ́кие плечи докázывали крепкое сложе́ние, спосо́бное переноси́ть все трудности кочевóй жизни и перемены́ климатов, непобеждённое ни развратом столичной жизни, ни бурями душе́вными; пыльный бархатный сюртучо́к его, застёгну́тый только на две нижние пуговицы, позволя́л разглядёть ослепи́тельно-чистое бельё, изоблича́вшее привы́чки порядочно́го челове́ка; его запáчканные перча́тки казале́сь нарочно́ сшитыми по его небольшо́й аристократи́ческой руке́, и когда он снял одну́ перча́тку, то я был удивлён худо́бой его бледных пальцев. Его похóдка была небре́жна и ле́нлива, но я заме́тил, что он не разма́хивал рука́ми, — верный призна́к некоторо́й скры́тности ха́рактера. Впрочем это мо́и собственные замеча́ния, осно́ванные на мо́их же наблюда́ниях, и я вовсе не хочу́ вас заста́вить веровать в них слепо. Когда он опу́стился на скамы́ю, то прямо́й стан его согну́лся, как будто у него в спине́ не было ни одно́й косточки; положё́ние всего́ его тела́ изобрази́ло каку́ю-то нервическую слабость; он сидёл, как сиди́т бальза́кова 30-лётняя коке́тка⁴² на сво́их пуховых кресла́х после утоми́тельного бала. С первого взгля́да на лице́ его, я бы не дал ему более́ 23 лет, хотя после́ я гото́в был дать ему 30. В его улыбке́ было что-то детское. Его кожа́ имела каку́ю-то женскую нежность; белоку́рые волосы, вьющи́еся от

⁴² Бальза́кова 30-лётняя коке́тка — имеется в виду роман О. Бальза́ка «Женщина в 30 лет».

природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором только по долгом наблюдении можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и вероятно обозначававшихся гораздо явственнее в минуты гнева, или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были чёрные, — признак породы в человеке, так, как чёрная грива и чёрный хвост у белой лошади. Чтоб докончить портрет, я скажу, что у него был немного вздёрнутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать ещё несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! — Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак — или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного, или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжительный, но пронизательный и тяжёлый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса, и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно-спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвёл бы совершенно различное впечатление; но так как вы о нём не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурён и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам.

Лошади были уже заложены; колокольчик по временам звенел под дугою, и лакей уже два раза подходил к Печорину с докладом, что всё готово, а Максим Максимыч ещё не являлся. К счастью, Печорин был погружён в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился в дорогу. Я подошёл к нему:

— Если вы захотите ещё немного подождать, — сказал я, — то будете иметь удовольствие увидеться с старым приятелем...

— Ах, точно! — быстро отвечал он: — мне вчера говорили; но где же он?

Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи...

Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колени его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он ещё не мог говорить.

— Как я рад, дорогой Максим Максимыч! Ну, как выживаете? — сказал Печорин.

— А... ты?... а вы?... — пробормотал со слезами на глазах старик. — Сколько лет... сколько дней... да куда это?..

— Еду в Персию — и дальше...

— Неужто сейчас?... Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?... Столько времени не видались...

— Мне пора, Максим Максимыч, — был ответ.

— Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?... Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну, что? в отставке?... как?... что подёльывали?

— Скучал! — отвечал Печорин, улыбаясь.

— А помните наше житьё-бытьё в крепости?... Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

— Да, помню! — сказал он, почти тотчас принуждённо зевнув...

Максим Максимыч стал его упрощивать остаться с ним ещё часа два.

— Мы славно пообедаем, — говорил он: — у меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное... разумеется не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про своё житьё в Петербурге... А?..

— Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... — прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... Он был печален и сердит, хотя старался скрыть это.

— Забыть! — проворчал он: — я-то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...

— Ну полно, полно! — сказал Печорин, обняв его дру-

жески: — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли ещё встретиться — бог знает!..

Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

— Постой, постой! — закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски: — совсем было забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними делать?..

— Что хотите! — отвечал Печорин. — Прощайте!..

— Так вы в Персию?.. а когда вернётесь?.. — кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли да и незачем!..

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колёс по кремнистой дороге, а бедный старик ещё стоял на том же месте в глубокой задумчивости.

— Да, — сказал он наконец, стараясь принять равнодушный вид, хотя слеза досады по временам сверкала на его ресницах: — конечно, мы были приятели, — ну, да что приятели в нынешнем веке!.. Что ему во мне? Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пара... Вишь, каким он франтом сделался, как побывал опять в Петербурге... Что за коляска!.. сколько поклáжи!.. и лакей такой гордый!..

Эти слова были произнесены с иронической улыбкой.

— Скажите, — продолжал он, обратясь ко мне, — ну, что вы об этом думаете?.. ну, какой бес несёт его теперь в Персию?.. Смешно, ей-богу, смешно!.. Да я всегда знал, что он ветреный человек, на которого нельзя надеяться... А, право, жаль, что он дурно кончит... да и нельзя иначе!.. Уж я всегда говорил, что нет проку в том, кто старых друзей забывáет!..

Тут он отвернулся, чтоб скрыть своё волнение, и пошёл ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колёса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максим Максимыч, — сказал я, подошедши к нему, — а что это за бумаги вам оставил Печорин?

— А бог его знает, какие-то записки!..

— Что вы из них сделаете?

— Что? Я велю надѣлать патронов.

— Отдайте их лучше мне.

Он посмотрѣл на меня с удивленіем, проворчал что-то сквозь зубы и начал рыться в чемодане; вот он вынул одну тетрадку и бросил её с презрѣніем на землю; потом другая, третья и десятая имѣли ту же участь: в его досадѣ было что-то детское: мне стало смешно и жалко...

— Вот они все, — сказал он: — поздравляю вас с находкой.

— И я могу делать с ними всё, что хочѹ?

— Хоть в газѣтах печатайте. Какое мне дело!.. Что, я разве друг его какой, или родственник?.. Правда, мы жили долго под одной кровлей... Да мало ли с кем я не жил?

Я схватил бумаги и поскорѣе унёс их, боясь, чтоб штабс-капитан не раскаялся. Скоро пришли нам объявить, что через час тронется окаязья: я велел закладывать. Штабс-капитан вошёл в комнату в то время, когда я уже надевал шапку; он, казалось, не готовился к отъезду: у него был какой-то принуждённый, холодный вид.

— А вы, Максим Максимыч, разве не едете?

— Нет-с.

— А что так?

— Да я ещё коменданта не видал, а мне надо сдать кой-какие казённые вещи...

— Да ведь вы же были у него?

— Был, конечно, — сказал он, заминаясь, — ... да его дома не было... а я не дождался.

Я понял его: бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности, говоря языком бумажным, — и как же он был награждён!

— Очень жаль, — сказал я ему, — очень жаль, Максим Максимыч, что нам до срока надо расстаться.

— Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!.. Вы молодѣжь светская, гордая: ещё пока здесь под черкѣскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретитесь, так стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужил этих упрѣков, Максим Максимыч.

— Да я, знаете, так, к слову говорю, а впрочем желаю вам всякого счастья и весёлой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч

сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого, что Печорин в рассеянности, или от другой причины, протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею! Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда перед ним отдвигается розовый флёр, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие, хотя есть надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими... Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется...

Я уехал один.

Задания.

I. Передайте кратко и последовательно основные события рассказа «Бэла» по данному ниже плану.

П л а н д л я р а с с к а з ы в а н и я .

1. Встреча в дороге.
2. Ночлэг.
3. Рассказ Максима Максимыча.
 - а) На свадьбе.
 - б) Казбич, Азамат и Карагёз.
 - в) Сделка.
 - г) Похищение Бэлы и Карагёза.
 - д) Объяснение Максима Максимыча с Печоринным.
 - е) Бэла у Печорина.
 - ж) Печорин о самом себе.
 - з) Смерть Бэлы.

II. Передайте кратко и последовательно содержание рассказа «Максим Максимыч».

В. Г. Белинский о романе «Герой нашего времени»

... Роман начинается описанием переезда автора из Тифлиса через Койшаурскую долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомит он нас с местностью. Очерки его столько же кратки, сколько и резки, а главное — они набросаны как будто бы мимоходом. В то время, как его тележку тащили в гору шесть быков и несколько осетин, он заметил, что за его тележкой двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шёл её хозяин, куря из маленькой трубочки. Это был офицер,

лет пятидесяти, с смуглым лицом и преждевременно поседевшими усами, которые не соответствовали его твёрдой походке и бодрому виду. Автор подошёл к нему и поклонился; тот молча ответил на его поклон, пустив огромный клуб дыма.

«— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казёнными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тележку четыре быка ташат шутя, а мою пустую шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А чорт их знает, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки всё ни с места.. Ужасные плуты! А что ж с них возьмёшь?.. Любят деньги драть с проезжающих. Избаловали мошенников! увидите, они ещё с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут...»

Таким образом завязалось у автора знакомство с одним из интереснейших лиц его романа — с Максимом Максимычем, с этим типом старого кавказского служаки, закалённого в опасностях, трудах и битвах, которого лицо так же загорело и сурово, как манеры простоваты и грубы, но у которого чудесная душа, золотое сердце. Это тип чисто русский, который художественным достоинством создания напоминает оригинальнейшие из характеров в романах Вальтер Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто русскому духу, не походит ни на один из них. Искусство поэта должно состоять в том, чтобы развить на деле задачу, как данный природою характер должен образоваться при обстоятельствах, в которые поставит его судьба. Максим Максимыч получил от природы человеческую душу, человеческое сердце, но эта душа и это сердце отлились в особую форму, которая так и говорит вам о многих годах тяжёлой и трудной службы, о кровавых битвах, о затворнической и однообразной жизни в недоступных горных крепостях, где нет других человеческих лиц, кроме подчинённых солдат да заходящих для меня черкёсов. И всё это высказывается в нём не в грубых поговёрках, вроде «чорт

возьми», и не в военных восклицаниях, вроде «тысяча бомб», беспрестанно повторяемых, не в попойках и не в курении табака; а во взгляде на вещи, приобретённом навыком и родом жизни, и в этой манере поступков и выражения, которые должны быть необходимым результатом взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозор Максима Максимыча очень ограничен; но причина этой ограниченности не в его натуре, а в его развитии. Для него «жить» — значит «служить», и служить на Кавказе; «азиаты» — его природные враги: он знает по опыту, что все они большие плуты, и что самая их храбрость есть отчаянная удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; он не даётся им в обман, и ему смертельно досадно, если они обманут новичка и ещё выманят у него на водку. И это совсем не потому, чтобы он был скуп, — о, нет! он только беден, а не скуп, и сверх того, кажется, и не подозревает цены деньгам; но он не может видеть равнодушно, как плуты «азиаты» обманывают честных людей. Вот чуть ли не всё, что он видит в жизни, или по крайней мере, о чём чаще всего говорит. Но не спешите вашим заключением о его характере, познакомьтесь с ним получше, — и вы увидите, какое тёплое, благородное, даже нежное сердце бьётся в железной груди этого, повидимому, очерствевшего человека; вы увидите, как он каким-то инстинктом понимает всё человеческое и принимает в нём горячее участие; как, вопреки собственному сознанию, душа его жаждет любви и сочувствия, — и вы от души полюбите простого, доброго, грубого в своих манерах, лаконического⁴³ в словах Максима Максимыча.

Опытный штабс-капитан не ошибся: осетины обступили неопытного офицера и громко требовали на водку. Но Максим Максимыч грозно прикрикнул на них и заставил разбежаться. «Ведь этакой народ! — сказал он: — и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...»

Вот, наконец, путешественники наши добрались до станции и вошли в саклю, переднее отделение которой было наполнено коровами и овцами, а другое — людьми, сидевшими возле огня, разложенного на земле. По полу расстилался дым, обратно

⁴³ Лаконического — немногословного.

вталкиваемый ветром из отвёрстия в потолок. Наши путники закурили трубки, внимая привётливому шипению чайника.

«— А вы долго были в Чечне?»

— Да, я лет десять стоял там в крепости с рогою, у Каменного Брода, — знаете?

— Слыхал.

— Вот, батюшка, надоели нам эти головорезы; нынче, слава богу, смиреннее, а бывало, на сто шагов отойдёшь за вал, уж где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазевался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..

— А, чай, много с вами бывало приключений? — сказал я, подстрекаемый любопытством.

— Как не бывать! бывало...

Тут он начал щипать левый ус, повесил голову и призадумался.

И вот Максим Максимыч весь перед вами, с своим взглядом на вещи, с своим оригинальным способом выражения! Вы ещё так мало видели его, так мало познакомились с ним, а уже перед вами не призрак, волею или неволею принуждённый автором служить связью или вертеть колесо его рассказа, а типическое лицо, оригинальный характер, живой человек! Так осуществляют свои идеалы истинные художники: две, три черты — и перед вами, как живая, словно на-яву, стоит такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... «Тут он начал щипать левый ус, повесил голову и призадумался...» — как много сказано в этих немногих, простых словах, какую резкую черту проводят они по физиономии Максима Максимыча, как много обещают, как сильно разманивают любопытство читателя!..

Приняв поданный ему стакан чая, Максим Максимыч отхлебнул и сказал как будто про себя: «Да, бывало!» Но мы ещё должны несколько поговорить словами самого автора:

«— Не хотите ли подбавить рому, — сказал я своему собеседнику, — у меня есть белый из Тифлиса; теперь, холодно.

— Нет-с, благодарствуйте, не пью.

— Что так?

— Да так. Я дал себе заклятье. Когда был ещё подпоручиком раз, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фронт навеселё, да уж и досталось нам, когда Алексей Петро-

вич узнал: не дай господи, как он рассердился! Чуть-чуть не отдал под суд. Оно и точно: другой раз целый год живёшь, никого не видишь, да как тут ещё водка — пропавший человек!

Услышав это, я почти потерял надежду.

— Да вот хоть черкёсы, — продолжал он, — как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка. Я раз насылу ноги унёс, а ещё у мирного князя был в гостях.

— Как же это случилось?»

Вот начало поэтической истории «Бэлы». Максим Максимыч рассказывал её по-своему, своим языком; но от этого она не только ничего не потеряла, но бесконечно много выиграла. Добрый Максим Максимыч, сам того не зная, сделался поэтом, так что в каждом его слове, в каждом выражении заключается бесконечный мир поэзии. Не знаем, чему здесь более удивляться: тому ли, что поэт, заставив Максима Максимыча быть только свидетелем рассказываемого им события, так тесно слил его личность с этим событием, как будто бы сам Максим Максимыч был его героем; или тому, что он сумел так поэтически, так глубоко взглянуть на событие глазами Максима Максимыча и рассказать это событие языком простым, грубым, но всегда живописным, всегда трогательным и потрясающим даже в самом комизме своём?..

Когда Максим Максимыч стоял в крепости за Терекон, к нему вдруг явился офицер, прикомандированный к его крепости.

«— Его звали... Григорьем Александровичем Печориным, славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод, целый день на охоте; все иззябнут, устанут, а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате: ветер пахнет — уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет, а при мне ходил на кабаня один на один; бывало, по целым часам слова не добьёшься, зато уж иногда, как начнет рассказывать, так животики надорвёшь со смеха. Да-с, с большими странностями, и, должно быть, богатый человек; сколько у него было разных дорогих вещей!..

— А долго ли он с вами жил? — спросил я опять.

— Да, с год. Ну, да уж зато памятен мне этот год; наделал он много хлопот, не тем будь помянут! Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи.

— Необыкновенные! — воскликнул я с видом любопытства, подливая ему чая.

— А вот я вам расскажу.»

Недалеко от крепости жил мирной князь, сын которого, мальчик лет пятнадцати, повёдился ездить в крепость. Печорин и Максим Максимыч любили и баловали его. Это был прототип черкеса, без преувеличения и без искажения. Головорез, проворный на всё, по словам Максима Максимыча: он поднимал шапку на всём скаку, мастерски стрелял из ружья и был ужасно падок на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжал. «Эй, Азамат, — говорил ему Максим Максимыч, — не сносить тебе головы: яман будет твоя башка!»

Однажды старый князь приехал в крепость и позвал Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они приехали в аул, прятавшиеся от них женщины не показались красавицами Печорину. «Погодите, — сказал я усмехаясь (говорил Максим Максимыч). У меня было своё на уме».

Из этого места рассказа Максима Максимыча можно получить самое верное понятие о нравах и обычаях диких черкесов, хотя для их описания он и не делает отступлений. Как к почётному гостю, к Печорину подошла меньшая дочь хозяина, прекрасная девушка лет шестнадцати и пропела ему...

«... Как бы сказать?.. вроде комплимента.

— А что ж такое она пропела, не помните ли?

— Да, кажется, вот так: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их и галуны на нём золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду».

Печорин встал, приложил руку ко лбу и сердцу, а Максим Максимыч перевёл ей его ответ, ибо он хорошо знал по-ихнему. «Какова?» — шепнул он Печорину. — «Прелесть! А как её зовут?» — «Бэлою».

«И точно (говорил Максим Максимыч), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза чёрные, как у горной серны, так и заглядывали вам в душу». Печорин в задумчивости не сводил с неё глаз, но не один он смотрел на неё. В числе гостей был черкес Казбич. Он был и мирным, и немирным, смотря по обстоятельствам; подозрений было на него множество, хоть он не был замечен ни в какой шалости. Но мы почитаем необходимым вполне обрисовать это лицо, и именно словами Максима Максимыча.

«Говорили про него, что он любит таскаться за Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес! Бешмет всегда избранный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники, и не раз пытались её украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная, как смоль, ноги — струнки, глаза не хуже, чем у Бэлы, а какая сила! скачи хоть на 50 вёрст; а уж выезжана — как собака бегаёт за хозяином, голос даже его знала! Бывало, он её никогда и не привязывает. Уж такая разбойничья лошадь!»

В этот вечер Казбич был угрюмее обыкновенного, и Максим Максимыч, — заметив, что у него под бешметом надета кольчуга, тотчас подумал, что это недаром. Так как в сакле было душно, он вышел освежиться и вздумал кстати проведать лошадей. Тут за забором он подслушал разговор: Азамат похвалялся лошадью Казбича, на которую давно зарился; а Казбич, подстрекнутый этим, рассказывал о её достоинствах и услугах, которые она ему оказала, не раз спасая его от верной смерти. Это место повести вполне знакомит читателя с черкёсами; как с племенем, и в нём могучею художническою кистью обрисованы характеры Азамата и Казбича, этих двух резких типов черкёсской народности. «Если б у меня был табун в тысячу кобыл, то отдал бы весь за твоего Карагёза», — сказал Азамат. «Йок, не хочу», — равнодушно отвечал Казбич. Азамат льстит ему, обещает украсть у отца лучшую винтовку или шашку, которая, только приложит руку к лезвию, сама впивается в тело, кольчугу... В его словах так и дышит знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рождению, для которого нет ничего в мире дороже оружия или лошади, и для которого желание — медленная пытка на малом огне, а для удовлетворения жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата — ничто. Он говорил, что с тех пор, как в первый раз увидел Карагёза, когда он кружился и прыгал под Казбичем, раздувая ноздри, и кремни брызгами летели изпод копыт его, что с тех пор в его душе сделалось что-то непонятное, всё ему опустылело... Можно подумать, что он рассказывал о любви или ревности—чувствах, которых действие часто бывает так страшно и в людях образованных, а тем страшнее в дикарях. «На лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением (говорил Азамат), стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной; и, тоскуя, просиживал я на утесе целые

дни, и ежеминутно мыслям моим является вороной скакун твой с своей стройной поступью, с своим гладким, прямым, как стрелой, хребтом; он смотрел мне в глаза своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить. Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его!» Проговорив это дрожащим голосом, он заплакал. Так, по крайней мере, показалось Максиму Максимычу, который знал Азамата, как преупрямого мальчишку, у которого ничем нельзя было вышибить слез, когда он был и моложе. Но в ответ на слезы Азамата послышалось что-то вроде смеха. «Послушай! — сказал твердым голосом Азамат, — видишь, я на всё решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! Как поёт! а вышивает золотом — чудо: не бывало такой жены и у турецкого падишаха... Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?..»

Казбич долго молчал и, наконец, вместо ответа, затаил вполголоса старинную песню, в которой коротко и ясно выражена вся философия черкеса:

Много красавиц в аулах у нас,
Звёзды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их — завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены;
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.

Напрасно Азамат упрямился, плакал, льстил ему. «Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моём коне! На первых трёх шагах он тебя сбросит, и ты разобьёшь себе затылок о камни!» — «Меня!» — крикнул Азамат в бешенстве, и железно детского кинжала зазвенело о кольчугу. Казбич оттолкнул его так, что он упал и ударился головою о плетень. «Будет потеха!» — подумал Максим Максимыч, взнуздаль коней и вывел их на задний двор. Между тем Азамат вбежал в саклю в разорванном бешмете, говоря, что Казбич хотел его зарезать. Поднялся гвалт, раздались выстрелы, но Казбич уже вертелся на своём коне среди улицы и ускользнул.

«— Никогда себе не прощу одного: чорт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорию Александровичу всё, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся — такой хитрый! а сам задумал кое-что.

— А что такое? расскажите, пожалуйста.

— Ну, уж нечего делать, начал рассказывать, так надо продолжать».

Дня через четыре приехал в крепость Азамат. Печорин начал ему расхваливать лошадь Казбича. У татарчонка засверкали глаза, а Печорин будто не замечает; Максим Максимыч заговорит о другом, а Печорин сведёт разговор на лошадь. Это продолжалось недели три; Азамат видимо бледнел и чахнул. Короче: Печорин предложил ему чужого коня за его родную сестру; Азамат задумался: не жалость к сестре, а мысль о мщении отца потревожила его, но Печорин кольнул его самолюбие, назвав ребёнком (название, которым все дети очень оскорбляются!), а Карагёз — такая чудная лошадь. И вот однажды Казбич приехал в крепость и спрашивает, не надо ли баранов и мёда? Максим Максимыч велел привести на другой день. «Азамат! — сказал Печорин, — завтра Карагёз в моих руках; если нынче ночью Бэла не будет здесь, не видать тебе коня». «Хорошо!» — сказал Азамат, поскакал в аул, и в тот же вечер Печорин возвратился в крепость вместе с Азаматом, у которого поперёк седла (как видел часово́й) лежала женщина, с связанными ногами и руками, с головою, опутанною чадрой. На другой день Казбич явился в крепость с своим товаром; Максим Максимыч поотчевал его чаем, потому что (говорил он), хотя разбойник он, «а всё-таки был моим кунаком». Вдруг Казбич посмотрел в окно, вздрогнул, побледнел и с криком: «моя лошадь! лошадь!» — выбежал вон, перескочил через ружьё, которым часово́й хотел загородить ему дорогу. Вдали скакал Азамат; Казбич выхватил из чехла ружьё, выстрелил и, уверившись, что дал промах, завизжал, вдребезги разбил ружьё о камень; повалился на землю и зарыдал, как ребёнок. Так пролежал он до поздней ночи и целую ночь, не дотрагиваясь до денег, которые велел положить подле него Максим Максимыч за баранов. На другой день, узнавши от часового, что похититель был Азамат, он засверкал глазами и отправился отыскивать его. Отца Бэлы в то время не было дома, а возвратившись, он не нашёл ни дочери, ни сына...⁴⁴

Холодно смотрела Бэла на подарки, которые каждый день приносил ей Печорин, и гордо отталкивала их. Долго безуспешно ухаживал он за нею. Между тем он учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски. Она стала изредка и посмат-

⁴⁴ Бэла оказалась у Печорина, который хотел своими подарками вызвать расположение пленницы.

ривать на него, но всё исподлѡбья, искоса, и всё грусти́ла, напева́ла свои́ песни вполгѡлоса, «так что (говори́л Максим Макси́мич), быва́ло, и мне становилось грустно, когда́ слушал её из сосѣдней комнаты». Уговаривая её полюби́ть себя́, Печорин спроси́л её, не любит ли она како́го-нибудь чечѣнца, и прибави́л, что в такомъ случае он сейча́с отпу́стит её домо́й. Она вздрогнула едва́ примѣтно и покача́ла голово́й... «Или я тебе соверше́нно ненави́стен?» Она вздохну́ла. «Или тво́я вера запрещает полюби́ть меня́?» Она побледне́ла и молча́ла. Потѡм он ей сказа́л, что алла́х один для всех племе́н и что если он ему позво́лил полюби́ть её, то почему́ же запре́тит ей полюби́ть его. Этот довод, каза́лось, порази́л её, и в её глаза́х вырази́лось жела́ние убедитьс́я. «Если ты будешь грусти́ть, — говори́л он ей, — я умру́. Скажи́! ты будешь веселе́й?» Она призаду́малась, не спуска́я с него́ чѣрных глаз свои́х, потѡм улыбну́лась и кивну́ла голово́й в знак согла́сия. Он взял её руку и стал её уговаривать, чтобы́ она его поцелова́ла; она слабо защища́лась и только повто́ряла: «Поджа́луста, поджа́луста, не нада, не нада!» Кака́я грациѡзная и, в то же время, кака́я верная натура́ черта́ характера! Приро́да нигде́ не противорѣчит себе́, и глубѡкость чувства, досто́инство и грациѡзность непосредственности так же ино́гда поража́ют и в дико́й черкѣшенке, как и в образо́ванной женщине высшего тона. Есть манѣры столь грациѡзные, есть слова́ столь благоуха́ющие, что одно́го или одно́й из них доста́точно, чтобы́ обрисова́ть всего́ челове́ка, выказать нару́жу всё, что кроется внут́ри его. Не правда ли: слыша́ это милое, простоду́шное «поджа́луста, поджа́луста, не нада, не нада!», вы видите перед собо́ю эту очарова́тельную черно́кую Бѣлу, полуди́кую дочь вольных ущѣлий, и вас так обая́тельно поража́ет в ней эта гармо́ния, эта спосо́бность женственности, кото́рая составляет всю прелесть, всё очарова́ние женщины?..

Он стал наста́ивать, она задрожала́ и запла́кала. «Я тво́я пленница, тво́я раба́, — говори́ла она. — Конечно́, ты можешь меня́ принудить» — и о́пять слѣзы. «Дьявол, а не женщина! — сказа́л он Максиму Макси́мичу. — Только я даю́ вам честное слово, что она́ будет моя́».

Одна́жды он воше́л к ней одѣтый по-черкѣски и воору́женный и сказа́л ей, что он виноват́ перед нею, что он оставляет её хозяйко́й всего́, что имѣет, даѣт ей волю, и сам и́дет, куда́ глаза́ глядя́т, может быть, под пулю...

«Он отвернулся и протянул ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я мог в щель рассмотреть её лицо; и мне стало жаль, такая смертельная бледность покрывала это милое личико! Не слыша ответа, Печорин сделал несколько шагов к двери, он дрожал, и сказать ли вам? я думаю, он в состоянии был исполнить в самом деле то, о чём говорил шутя. Таков уж был человек. Бог его знает! Только он едва коснулся двери, как она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повéрите ли? я, стоя за дверью тоже заплакал, то-есть, знаете, не то, чтобы заплакал, а так, глупость!..

Штабс-капитан замолчал.

— Да, признаюсь, — сказал он потом, теребя усы, — мне стало досадно, что никогда ни одна женщина меня так не любила».

Скоро узнал счастливый Печорин, что Бэла полюбила его с первого взгляда. Да, это была одна из тех глубоких женских натур, которые полюбят мужчину тотчас, как увидят его, но признаются ему в любви не тотчас, отдадутся не скоро, а отдавшись, уже не могут больше принадлежать ни другому, ни самой себе... Поэт не говорит об этом ни слова, но потому-то он и поэт, что, не говоря иного, даёт знать всё...

Они были счастливы, но не завидуйте им, читатель: кто смел надеяться на прочное счастье в этой жизни?.. Минута ваша, ловите же её, не надеясь на будущее... Не долго продолжалось и твоё блаженство, бедная, милая Бэла!..

Вскоре Печорин и Максим Максимыч узнали, что отец Бэлы был убит Казбичем, подозревавшим его в участии в похищении Карагёза. От Бэлы долго скрывали это, пока она не привыкла к своему положению; когда же ей сказали, она два дня плакала, а потом забыла.

Четыре месяца всё шло хорошо. Печорин так любил Бэлу, что забыл для неё охоту и не выходил за крепостной вал. Но вдруг стал он задумываться, ходить по комнате, заложив руки на спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропал целое утро, потом опять, и всё чаще и чаще. «Нехорошо (подумал Максим Максимыч), верно между ними пробежала чёрная кошка!» В одно утро он зашёл к ним и увидел Бэлу такую бледненькою, такою печальною, что испугался. Он стал её утешать. Сообщая ему свои страхи и опасения, она сказала ему:

«— А нынче мне уже кажется, что он меня не любит.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отёрла слёзы и продолжала:

— Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, а княжеская дочь!..»

Утешая её, Максим Максимыч заметил ей, что если она будет грустить, то скорее наскучит Печорину.

«— Правда, правда, — отвечала она: — я буду веселá!

И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было мне с нею делать? Я, знаете, никогда с женщинами не обращался; думал, чем её утешить, и ничего не придумал; несколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положение-с».

Вышедши с нею прогуляться за крепость, Максим Максимыч увидел черкеса, который вдруг выехал из леса и, саженьх во ста от них, начал как бешеный кружиться; Бэла узнала в нём Казбича...

Наконѣц, Максим Максимыч объяснился с Печориным насчёт его охлаждѣния к Бэле, и Печорин сознáлся в этом... Итáк, Печорин охладѣл к бедной Бэле, котóрая любила его ещё больше. Он не знает сам причíны своего охлаждѣния, хотя и силится найти её. Да, нет ничего труднѣе, как разбирáть языкъ собственныхъ чувствъ, как знать самого себя! И объяснѣния автора для нас так же неудовлетворительны, как и для Максима Максимыча, котóрому он их сообщил. Может быть, тут та же причíна, и в отношѣнии к автору, и в отношѣнии к нам: нет ничего труднѣе, как знать и понимáть самíх себя!.. Но тем не менее мы предложим и наше решѣние или, лучше сказáть, и наше гадáние об этом столько же общем, сколько и грустном феномене человѣческаго сердца, котóрый особенно част и поразителен в современном обществе. В числѣ причíн скорого охлаждѣния Печорина к Бэле не было ли причíною его и то, что для бессознáтельного, чисто естѣственного, хотя и глубокого чувства черкешѣнки Печорин был полным удовлетворѣнием, далекó превосходящим самые дерзкие её требования, тогда как дух Печорина не мог найти своего удовлетворѣния в естѣственной любви полудикого существá. К тому же ведь одно наслаждѣние, далекó ещё не составляет всех потрѣбностей люб-

вѣ, и что могла дать Печорину любовь, кроме наслаждѣнія? О чём мог он говорить с нею? что оставалось для него в ней неразгаданного? Для любви нужно разумное содержаніе, как масло для поддержки огня; любовь есть гармоническое слияніе двух родственных натур в чувство бесконечного. В любви Бэлы была сила, но не могло быть бесконечности: сидѣть с глаза на глаз с возлюбленным, ласкаться к нему, приниматься его ласки, предугадывать и ловить его желанія, млеть от его лобзаній, замирать в его объятіях, — вот всё, чего требовала душа Бэлы; при такой жизни и вечность показалась бы для неё мгновѣніем. Но Печорина такая жизнь могла увлечь не больше, как на четыре месяца, и ещё надо удивляться силе его любви к Бэле, если она была так продолжительна. Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предмет, на который она может устремиться; препятствія превращают её в страсть, а удовлетворѣніе уничтожает. Любовь Бэлы была для Печорина полным бокалом сладкого напитка, который он и выпил за раз, не оставив в нём ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, из котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его...

Однажды Печорин отправился с Максимом Максимычем на охоту за кабаном. С раннего утра, часов с десяти, напрасно искали они его; Максим Максимыч уговаривал своего товарища воротиться, не тут-то было: несмотря ни на зной, ни на усталость, тот не хотѣл воротиться без добычи. «Таков уж был человек: что задумает, подавай; видно в детстве был маменькой избалован». Однако ж, после полудня, они без ничего подъезжали к крепости. Вдруг выстрел: оба они взглянули друг на друга и опрометью поскакали на выстрел. Солдаты в кучку собрались на валу и указывали в поле, а там летит стрелглав всадник и держит что-то белое на седле. Это был Казбич, похитивший неосторожную Бэлу, которая вышла за крепость к реке. Печорину удалось ранить в ногу его коня. Казбич занёс руку над Бэлою, Максим Максимыч выстрелил и, кажется, ранил его в плечо; дым рассеялся — на землѣ лежала раненая лошадь и возле неё Бэла, а Казбич, как кошка, карабкался на утѣс и скоро скрылся. Они к Бэле — она была ранена, и кровь лилась из раны ручьями...

Мы хотѣли, чтобы в нашем изложѣніи содержанія романа видны были и характеры действующих лиц, и сохранена была

внутренняя жизненность рассказа, равно как и его колорит; а это невозможно было сделать, показав один скелет содержания или его отвлечённую мысль. Да и в чём содержание повести? Русский офицер похитил черкешенку, сперва сильно любил её, но скоро охладёл к ней; потом черкёс увёз было её, но, видя себя почти пойманным, бросил её, нанёсши ей рану, от которой она умерла: вот и всё тут. Не говоря о том, что тут очень немного, тут ещё нет и ничего ни поэтического, ни особенного, ни занимательного, и всё обыкновенно до пошлости, истёрто...

Глубокое впечатление оставляет после себя «Бэла»; вам грустно, но грусть ваша легка, светла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: её освещает солнце, оmyвает быстрый ручей, которого ропот, вместе с шелестом ветра в листьях бузины и белой акации, говорит вам о чём-то таинственном и бесконечном, и над нею, в светлой вышине, летает и носится какое-то прекрасное видение, с бледными ланитами, с выражением укора и прощения в чёрных очах, с грустной улыбкой... Смерть черкешенки не возмущает вас безотрадным и тяжёлым чувством, ибо она явилась не страшным скелетом, по произволу автора, но вследствие разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась светлым ангелом примирения. Диссонанс разрешился в гармонический аккорд, и вы с умилением повторяете простые и трогательные слова доброго Максима Максимыча: «Нет, она хорошо сделала, что умерла! Ну, что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович её покинул? А это бы случилось рано или поздно!»

И с каким бесконечным искусством обрисован грациозный образ пленительной черкешенки! Она говорит и действует так мало, а вы живо видите её перед глазами во всей определённости живого существа, читаете в её сердце, проникаете все изгибы его...

А Максим Максимыч, этот добрый простаk, который не подозревает, как глубока и богата его натура, как высок и благороден он? Он, грубый солдат, любит Бэлою, как прекрасным дитятею, любит её, как милую дочь, — и за что? — спросите его, так он ответит вам: «Не то, чтоб любил, а так — глупость!» Ему досадно, что его ни одна женщина не любила так, как Бэла Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о нём перед смертью, хоть он сам сознаётся, что это с его стороны не

совсѣм справедливое требование... Останáвливаясь ли на этих чертáх, столь полных бесконéчностью? Нет, они говорят сами за себя; а те, для кого они немы, те не стоят, чтоб тратить с ними слова и время. Простáя красотá, котóрая есть однá истинная красотá, не для всех достúпна: у большей части людей глазá так грубы, что на них действует только пестротá, узóрочность и красная краска, густо и ярко намазанная...

Харáктеры Азамата и Казбича — это такие типы, котóрые будут равно понятны и англичáнину, и немцу, и французу, как понятны они русскому. Вот что назывáется рисовать фигу́ру во весь рост, с национа́льною физионо́миею и в национа́льном костю́ме!..

* * *

Что же за человек этот Печорин? Здесь мы должнѣ обратиться к «Предислóвию», написанному автором ромáна к журна́лу Печорина.

Может быть, некоторые читáтели захотят узнать моё мнение о харáктере Печорина. Мой отвѣт — заглáвие этой книги. — Да это злая ирония! — скажут они. — Не знаю.

Итáк, «Герой нашего времени» — вот основнáя мысль ромáна. В самом деле, после этого весь ромáн может почѣсться злою ирониею, потому что большая часть читáтелей навѣрное воскликнет: «Хорóш же герóй!» — А чѣм же он дурен? — смеем вас спросить.

Зачем же так неблагосклóбно
Вы отзываетесь о нём?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всѣм.
Что пылких дум неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит?

Что ум, любя простóр, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры.
И что посредственность одна
Нам по плечу и не страшна?

Вы говорите против него, что в нём нет веры. Прекрасно! но ведь это то же самое, что обвинять нищего за то, что у него нет золота; он бы рад имѣть его, да не даётся онó ему. И притом разве Печорин рад своему безвѣрию? разве он гордится им? разве он не страдал от него? разве он не готов ценою жизни и счастья купить эту веру, для котóрой ещё

не настал час его?.. Вы говорите, что он эгоист⁴⁵?.. Но разве он не презирает и не ненавидит себя за это? разве сердце его не жаждет любви чистой и бескорыстной? Нет, это не эгоизм: эгоизм не страдает, не обвиняет себя, но доволен собою, рад себе. Эгоизм не знает мучения; страдание есть удел одной любви. Душа Печорина не каменная почва, но засохшая от зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлит её страдание и оросит благодатный дождь, — и она произрастит из себя пышные, роскошные цветы небесной любви... Этому человеку стало больно и грустно, что все его не любят, — кто же эти «все»? — Пустые, ничтожные люди, которые не могут простить ему его превосходства над ними. А его готовность задушить в себе ложный стыд, голос светской чести и оскорбленного самолюбия, когда он за признание в клевете готов был простить Грушницкому, — человеку, сейчас только выстрелившему в него пулю и бесстыдно ожидавшему от него холостого выстрела? А его слезы и рыдания в пустынной степи, у тела издохшего коня? — нет, всё это не эгоизм! Но его, — скажете вы, — холодная расчётливость, систематическая расчётанность, с которою он ободряет бедную девушку, не любя её, и только для того, чтобы посмеяться над нею и чем-нибудь занять свою праздность? — Так, но мы и не думаем оправдывать его в таких поступках, ни выставлять его образцом и высоким идеалом чистой нравственности: мы только хотим сказать, что в человеке должно видеть человека, и что идеалы нравственности существуют в одних классических трагедиях и морально-сентиментальных романах прошлого века. Судя о человеке, должно брать в рассмотрение обстоятельства его развития и сферу жизни, в которую он поставлен судьбою. В идеях Печорина много ложного, в ощущениях его есть искажение; но всё это выкупается его богатою натурою. Его, во многих отношениях, дурное настоящее обещает прекрасное будущее. (Вы восхищаетесь быстрым движением парохода, видите в нём великое торжество духа над природою? — И хотите потом отрицать в нём всякое достоинство, когда он сокрушает, как зерно жёрнов, неосторожных, попавших под его колёса; не значит ли это противоречить самим себе? Опасность от парохода есть результат его

⁴⁵ Эгоист — человек, для которого важнее всего он сам. От латинского ego — я.

чрезмерной быстроты, следовательно, поро́к его выходит из его достоинства.) Быва́ют люди́, кото́рые отврати́тельны при всей безукори́зненности своего́ поведе́ния, потому́ что она в них есть следствие безжизненности и слабости́ духа. Поро́к возмутите́лен и в вели́ких людях; но нака́занный, он приво́дит в умиле́ние вашу́ душу. Это нака́зание только́ тогда́ есть торже́ство нравственного́ духа, когда́ оно́ явля́ется не извне́, но есть резу́льтат самого́ поро́ка, отрица́ние собственной личности́ индивидуума в оправда́ние вечных зако́нов оскорбле́нной нравственности. Автор разбира́емого нами́ рома́на, опи́сывая нару́жность Печорина, когда́ он с ним встретился на большо́й доро́ге, вот что говори́т о его́ глаза́х: «Они́ не смея́лись, когда́ он смея́лся...»

Этот рома́н совсе́м не злая иро́ния, хотя́ и очень́ легко́ может быть́ принят за иро́нию; это́ один из тех рома́нов,

В которых отразился век,	Себялюбивой и сухой,
И современньй человек	Мечтанью преданной безмерно,
Изображён довольно верно	С его озлобленным умом,
С его безнравственной душой,	Кипящим в действии пустом.

«Хоро́ш же современньй человек!» — восклицнул один нравоописа́тельный «сочини́тель», разбира́я или, лучше сказа́ть, руга́я седьму́ю главу́ «Евгения Онегина»...

Но Онегин для́ нас уже́ проше́дшее, и проше́дшее невозврати́то.

Если́ бы он яви́лся в наше́ время, вы́ имели́ бы право́ спроси́ть вместе́ с по́этом:

Всё тот же ль он, иль усмирился?	Космополитом, патриотом,
Иль корчит так же чудака́?	Гарольдом, квакером, ханжой,
Скажите, чем он возвратился?	Иль маской щегольнёт инóй?
Что́ нам представит он пока́?	Иль просто́ будет добрый малый,
Чем ны́не явится? — Мельмо́том,	Как вы́ да я, как целый́ свет?

Печорин Лермонтова́ есть лучший́ отве́т на все́ эти вопро́сы. Это́ Онегин нашего́ времени, герой́ нашего́ времени. Несхо́дство их между́ собою́ го́раздо меньше́ расстоя́ния между́ Оне́гою и Печо́рою. Иногда́ в самом имени́, кото́рое исти́нный по́эт даё́т своему́ геро́ю, есть разу́мная необходи́мость, хотя́, может быть́, и неви́димая сами́м по́этом.

Со сторо́ны худо́жественного выполне́ния нечего́ и сравни́вать Онегина́ с Печори́ным. Но как выше́ Онегин Печорина в худо́жественном отноше́нии, так Печорин выше́ Онегина́ по

идею. Впрочем, это преимущество принадлежит нашему времени, а не Лермонтову...

«Герой нашего времени» — это грустная дума о нашем времени... «Герой нашего времени» представляет собою несколько рамок, вложенных в одну большую раму, которая состоит в названии романа и единстве героя. Части этого романа расположены сообразно с внутреннею необходимостью; но так как они суть только отдельные случаи из жизни хотя и одного и того же человека, то и могли бы быть заменены другими, ибо, вместо приключения в крепости с Бэлою, или в Тамани, могли бы быть подобные же и в других местах, и с другими лицами, хотя при одном и том же герое. Но тем не менее, основная мысль автора даёт им единство, и общность их впечатления поразительна, не говоря уже о том, что «Бэла», «Максим Максимыч» и «Тамань», отдельно взятые, суть в высшей степени художественные произведения. И какие типические, какие дивно-художественные лица — Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, девушки в Тамани! Какие поэтические подробности, какой на всём поэтический колорит!..

Вся повесть насквозь проникнута поэзией, исполнена высочайшего интереса. Каждое слово в ней так глубоко знаменательно, самые парадоксы так поучительны, каждое положение так интересно, так живо обрисовано! Слог повести — то блеск молнии, то удар меча, то рассыпающийся по бархату жемчуг! Основная идея так близка сердцу всякого, кто мыслит и чувствует, что всякий из таких, как бы ни противоположно было его положение положениям, в ней представленным, увидит в ней исповедь собственного сердца.

Задания.

I. Охарактеризуйте Печорина как типичного представителя дворянской молодёжи 30-х годов, как «портрет, составленный из пороков всего поколения в полном их развитии».

Краткий план характеристики.

1. Портрет Печорина (в главе «Максим Максимыч»).
2. Основные психологические настроения: разочарование, раздвоенность, противоречивость, неудовлетворённость, внутренние страдания вследствие неумения найти настоящее живое дело.
3. Сильные стороны в характере Печорина: ум, воля, незаурядные способности.

4. Слабые стороны в характере Печорина: опустошённость, озлобленность, равнодушие к жизни, неспособность к сильным чувствам и переживаниям, одиночество, безнадежность.

II. Сравните Печорина с Максимом Максимычем по плану:

1. Происхождение.
2. Образование.
3. Ум.
4. Сердечность.
5. Постоянство.
6. Твёрдость в следовании нравственным правилам поведения.
7. Сила воли.

Кому из них — Печорину или Максиму Максимычу — отданы симпатии автора?

III. Опишите, как Лермонтов изобразил людей, живущих в другой обстановке, близкой к природе: Азамата, Казбича, Бэлу. Что характерного и типичного в этих образах?

IV. Обратите внимание на то, как Лермонтов описывает портрет Печорина в главе «Максим Максимыч». Сначала он рисует рост, фигуру, телосложение, потом костюм, походку, спокойное положение тела с его «нервной слабостью», далее улыбку, в которой было что-то детское, ослепительной белизны зубы и, наконец, карие глаза, которые сияли каким-то фосфорическим блеском из-за полуопущенных ресниц, глаза, которые «не смеялись, когда он смеялся».

Опишите портрет своего товарища (или брата, сестры) по предварительно составленному плану.

V. Прочтите характеристику Онегина в статье Белинского. Дайте сравнительную характеристику Онегина и Печорина.

VI. Найдите в рассказе «Бэла» наиболее значительное описание природы. Выпишите из этого текста наиболее яркие сравнения и эпитеты с определяемыми словами.

VII. Объясните значение кавказских слов, введенных в повесть «Бэла»: *аул, сакля, джигит, джигитовка, абрэки, кунак, бешмет, мулла*.

Перескажите рассказ Максима Максимыча о свадьбе, используя эти слова.

VIII. Прочитайте рассказ Казбича о коне. Уточните значение выделенных слов и после этого передайте этот рассказ словами, близкими к тексту.

1. За мной *неслись* четыре казакá.
2. *Оскорбил* коня ударом плети.
3. *Спешившиеся* казакá бежали по следам.
4. Вдруг передо мной *рытвина* глубокая.
5. Задние копыта его *оборвались* с противного берега, и он повис на передних ногах.
6. Сердце моё *обливалось* кровью.
7. Долго они за ним *гонялись*.
8. Карагёз *летит*, вольный, как ветер, а гяуры далеко один за другим *тянутся* по степи на *измученных* конях.

IX. Найдите в рассказе то место, где описывается состояние Казбича, когда у него украли коня (от слов: «Моя лошадь!.. Лошадь!.. — сказал он весь дрожа...» до слов: «... и он отправился в аул, где жил отец Азамата»).

Перепишите этот текст в тетрадь и подчеркните выражения, которые говорят о волнении, гневе и горе Казбича, например: *сказал он весь дрожа; бросился вон, как дикий барс; повалился на землю и зарыдал, как ребёнок*, и т. д.

После того как вы запомните все такие обороты, перескажите этот отрывок устно, словами, близкими к тексту.

X. Приготовьтесь написать письменное изложение рассказа Максима Максимыча о похищении Бэлы из крепости (от слов: «Мы ехали рядом, молча, распутив поводья...» и кончая словами: «... ничто не могло привести её в себя...»).

Предварительно уясните и запомните такие обороты:

1. *Опрометью поскакали мы на выстрел.*
2. *А там летит стрелов всадник.*
3. *Взвизнул не хуже любого чеченца.*
4. *Кони... рвались из-под седла.*
5. *Мы были уж от него на ружейный выстрел.*
6. *Уж эта молодёжь! вечно нехвата горячиться.*
7. *Закричал по-своему и занёс над нею кинжал.*
8. *Точно кошка, карабкался на утёс.*
9. *Хотелось мне его снять оттуда.*
10. *Кровь лилась из раны ручьями.*
11. *Самый разбойничий удар.*
12. *Ничто не могло привести её в себя.*

А. М. Горький о М. Ю. Лермонтове.

Лермонтов действительно понял песнь Пушкина, понял его значение, и один он проводил гроб поэта криком злобы, тоски и мести: стихи на смерть Пушкина справедливо считаются одним из сильнейших стихотворений в русской поэзии.

Прочитаем эти стихи:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

(И далее.)

Правительство услышало этот призыв к мести, поняло его общественное значение и сослало поэта...

Лермонтов и сам — *недопётая песня и не успел весь высказаться*. Печорин был для него слишком узок; следуя правде жизни, поэт не мог наделить своего героя всем, что носил в своей душе; а если бы он сделал это, — Печорин был бы неправдлив. Иначе говоря — Лермонтов был и шире и глубже своего героя.

Пушкин ещё любит Онегиным, Лермонтов уже относится к своему герою полуравнодушно. Печорин близок ему, поскольку в Лермонтове есть черты пессимизма, но пессимизм в Лермонтове — *действенное чувство; в этом пессимизме ясно звучит презрение к современности и отрицание её, жажда борьбы и тоска, и отчаяние от сознания одиночества, от сознания бессилия*. Его пессимизм весь направлен на светское общество.

«Песня о купце Калашникове» даёт нам право думать, что Лермонтов — живи он дольше — нашёл бы свой путь, что он, достойный преемник Пушкина, обладавший огромным талантом, мог бы со временем развиться в первоклассного народного поэта.

Н. В. ГОГОЛЬ

1809—1852

О жизни и литературной деятельности Н. В. Гоголя.

Николай Васильевич Гоголь — один из величайших русских писателей. В своих лучших произведениях — особенно в комедии «Ревизор» и поэме «Мёртвые души» — Гоголь осмеял недостатки современного ему общества и существовавших тогда порядков.

Гоголь показal, как были ничтожны помещики, которые распоряжались судьбой крестьян, чиновники, в руках которых было управление страной. Своими произведениями Гоголь помог русским людям, сочувствовавшим народу и любящим родину, понять, что дольше так жить нельзя, что нужно коренным образом перестроить русскую жизнь.

Как бы подчёркивая великую роль Гоголя в истории литературы, Чернышевский¹ назвал современный ему период «гоголевским периодом русской литературы».

Детство и годы учения.

Детство. Гоголь родился 20 марта 1809 г. в местечке Сорочинцы, Миргородского уезда, Полтавской губернии. Родители Гоголя были небогатыми дворянами-помещиками. Отец был культурным человеком; он писал стихи и пьесы на русском и украинском языках, был прекрасным чтецом. Детство своё будущий писатель провёл в имении Васильевке, внешне напоминавшем поместье, описанное Гоголем позже, в пове-

¹ Чернышевский — великий русский писатель и учёный, демократ-революционер (1828—1889).

сти «Старосвѣтские помѣщики». Первоначальное образованіе Гоголь получилъ дома, затѣм он учился в Полтавѣ — в местном поветовом (уѣздном) училищѣ. В маѣ 1821 г. маленький Гоголь поступилъ в только что открытую в городе Нежинѣ «гимназію высшихъ наукъ» (лицей).

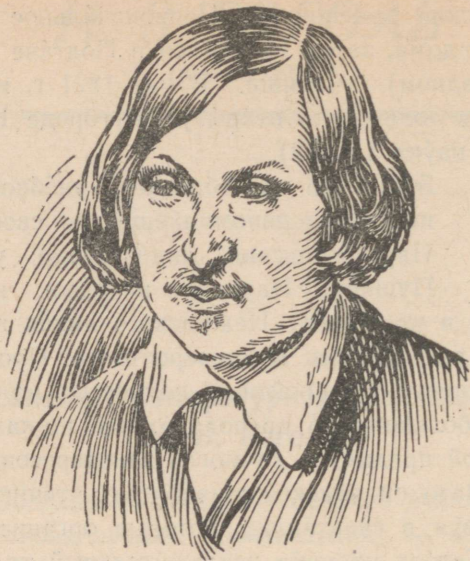
Нежинская гимназия. Увлечение театром.

Это было своеобразное учебное заведеніе, несколько напоминавшее по своей программѣ Царскосельскій лицей, где учился юный Пушкин. Наряду с науками, изучаемыми в средней школѣ, в программу Нежинскаго лицея входили предметы, которые проходились в университетах. Программа была до того перегружена, что пройти её полностью не было никакой возможности: большинство преподавателей показанному сухо, скучно вели свой предмет и не могли заинтересовать пылкій ум мальчика. Зато он увлекся живописью, чтеніем и особенно театром. Участвуя в спектаклях, которые организовывали учащиеся лицея, Гоголь проявилъ исключительный талант. В русских пьесах, — пишет в своихъ воспоминаніяхъ одинъ из товарищей будущаго писателя, — Гоголь был истинно неподражаем, особенно в комедіи Фонвизина «Недоросль» в роли Еремеевны. В то же время Гоголь увлекался литературным творчеством: писалъ стихи, повести. Известно, что во время пребыванія в гимназій Гоголь написалъ большое сатирическое произведеніе «Нечто о Нежинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ», где осмѣивал нравы нежинскихъ обывателей.

Ужѣ в гимназическіе годы Гоголь проявилъ своё удивительное умѣнье подмечать смешное, характерное в людях. В эти же годы в нёмъ выросла увѣренность в том, что самой судьбой ему предназначена великая роль в жизни Россіи. Однако свои мечты о будущем он не связывал с литературой. «Я перебиралъ в умѣ все состоянія, все должности в государствѣ, — писалъ Гоголь незадолго до окончанія лицея, — и остановился на одномъ — на юстиціи². Я видел, что здѣсь работы будетъ более всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніем, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества».

Окончивъ школу, Гоголь, полный надежд и веры в прекрасное будущее, уѣхал в Петербургъ.

² Юстиція — судебная деятельность.

Портрет Н. В. Гоголя.

В Петербурге.

**Начало
литературной
деятельности.**

Столица неприветливо встретила юного мечтателя. Он испытал на себе и тяжесть холодного отношения к маленькому человеку со стороны людей, занимавших высокое положение, и горечь разочарования в юношеских мечтах, и материальную нужду.

Прежде чем целиком отдать себя делу своей жизни — литературному творчеству, Гоголь испробовал ряд профессий. Он был чиновником в канцелярии, преподавателем истории в Патриотическом институте и даже профессором истории в университете... Попытался Гоголь поступить актёром в театр, но не выдержал испытания: правдивое исполнение Гоголем классических ролей пришлось не по вкусу театральному начальству, предпочитавшему напыщенную, неестественную декламацию².

² Декламация — выразительное чтение вслух; напыщенная декламация — произнесение речей с фальшивой торжественностью.

Настоящее поприще⁴ для служения России, о котором мечтал Гоголь, он нашёл в литературе.

Первые его попытки на этом пути не были удачны: образы его первых произведений не были взяты из жизни. В 1830 г. в «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Отечественных записках» появляется первая, основанная на изучении украинского народного творчества гоголевская повесть «Вечер накануне Ивана Купала». Повесть имела успех. Через год Гоголь выпустил первую часть своих знаменитых «Вечеров на хуторе близ Диканьки», сборник рассказов, куда вошёл и «Вечер накануне Ивана Купала». В 1832 г. вышла вторая часть «Вечеров». Началась литературная слава Гоголя.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» почти целиком построены на украинском фольклоре. Новый, прекрасный мир открылся перед русскими читателями Гоголя.

Восторженно встретил книжку Пушкин, в то время уже лично знакомый с Гоголем.

«Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства⁵ и чопорности⁶. А местами какая поэзия, какая чувствительность!.. Всё это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился... Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов...» — так встретил великий русский поэт книгу Гоголя.

Добродушный юмор пронизывает всю книгу... Над некоторыми героями автор посмеивается, не сочувствуя им, но и без злобы; вместе с другими он радуется их счастью, но в большинстве рассказов критическое отношение к жизни чувствуется ещё слабо.

По выражению Белинского, «Вечера на хуторе...» есть одна из таких вечно звучащих песен юности, которых цель и назначение — вновь возвращать на волшебное мгновение самой старости невозвратно улетевшую юность.

Иначе подходит Гоголь к изображению действительности в следующей своей книге — «Миргород».

⁴ По прище — область деятельности, в которой человек использует свои силы.

⁵ Жеманство — манёрность в обращении.

⁶ Чопорность — чрезмерная строгость к выполнению правил поведения, приличий.

Мягкой насмешкой пронизана повесть «Старосветские помещики», в которой Гоголь рисует праздную, лишённую всяких серьёзных интересов жизнь двух старичков-помещиков. Герои повести — Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна — не лишены хороших качеств: они трогательно привязаны друг к другу, добры. Но вся их жизнь сводится к еде, сну, к заботе об угощении гостей; их интересы, по словам Гоголя, не перелетают через частокól, окружающий их усадьбу.

Более глубокий характер приобретает обличение Гоголя в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

«Лучшие» граждане города, «честь и украшение Миргорода», они ведут чисто животный образ жизни: греются на солнце, купаются, едят; Иван Иванович, скушав дыню, собирает семена в бумажку и делает надпись: «Сия дыня съедена тако́го-то числа», а если при этом был гость, то добавляет: «участвовал тако́й-то». Из-за пустяка возникает между приятелями ссора, она разрастается, превращаясь в бесконечную, бессмысленную тяжбу⁷. Весь город занят этой ссорой, пытается примирить бывших друзей, но напрасно. Страшная тоска о лучшем звучит в последних словах повести: «Скучно на этом свете, господа!..»

«Тарас Бульба». Не видя в окружающей жизни ничего тако́го, что можно было бы противопоставить бесцельному, ненужному, пустому существованию жалких людей, в сущности недостойных носить имя человека, Гоголь обратился к далёкому прошлому Украины. В этом прошлом он нашёл людей, достойных того, чтобы стать образцами для подражания. Так создана была замечательная историческая повесть из времён украинского казачества XV—XVI вв., борóвшегося за свою независимость, повесть, названная по имени главного героя — «Тарас Бульба». Тарас и его сын Остап — сильные духом люди, для которых борьба за независимость родины — основное дело их жизни. Когда Андрий, младший сын Тараса Бульбы, изменяет родине, своим братьям-казакам и переходит на сторону поляков, Тарас своёю рукою убивает его...

Огромное впечатление производит на читателя описание гибели Тараса Бульбы, заканчивающее повесть. Тарас попадает в

⁷ Т я ж б а — судебное дело.

плен к полякам; они́ железными цепями приковывают его́ к стволу́ дерева, росшего на высоком берегу́ Днестра́, и раскладывают под деревом костёр, чтобы сжечь героя́. Но и на краю́ гибели Тарас думает только о своих товарищах, пытающихся в это время переправиться через Днестр, чтобы спастись от поляков. Сбрав «всю силу голоса», он кричит им вслед, давая им указания, куда идти́, как спастись...

Глубокой верой в силу русского народа проникнут конец повести. «Да разве найдутся на свете, — восклицает писатель, — такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу?!»...

Работая над повестью, Гоголь изучал прошлое Украины, изучал украинскую народную поэзию, и поэтому «Тарас Бульба» — произведение, глубоко проникнутое народным духом. Добиваясь совершенства в изображении характеров, Гоголь не раз переделывал свою повесть. В окончательно отделанном виде «Тарас Бульба» появился в 1842 г.

Восторженно отнёсся к повести Белинский. «Дивная эпопея»⁸, — так назвал её великий русский критик.

Когда Гоголь был уже известным писателем, тесно связанным с литераторами того времени (Гоголь был дружен с В. А. Жуковским и хорошо знаком с Пушкиным), он продолжал свою преподавательскую деятельность. Ему казалось, что его призвание — быть педагогом, учёным. Только в 1835 г., после прекращения недолгой профессорской деятельности, Гоголь оставил мечту стать учёным. С этой поры литература стала единственным «душевным делом» Гоголя, той работой, в которой он видел цель и смысл своей жизни.

Отношение Гоголя к своему творчеству.	Как писатель Гоголь был чрезвычайно требователен к себе, и эта требовательность с годами всё больше и больше возрастала. Он никогда не бывал доволен написанным, беспрестанно переделывал, уничтожал то, что ему казалось неудачным, писал заново части произведений, не понравившиеся ему самому или его критикам. Гоголь чутко прислушивался ко всем замечаниям, которые делали ему слушатели, читатели его произведений, и никогда не обижался на самых придирчивых и даже несправед-
--	--

⁸ Эп о п е я — повествовательное произведение, в котором изображается героическая борьба народа с врагами, подвиги народных героев.

ливых критиков. Он считал, что всякая критика помогает писателю сделать произведение лучше, совершеннее.

Такое отношение к своему творчеству тесно связано с глубоким убеждением Гоголя в великом значении его литературной работы, с глубокой уверенностью в своём высоком назначении.

В 1836 г. он писал Жуковскому: «Клянусь, я что-то сделаю, чего не сделает обыкновенный человек! Львиную силу чувствую в душе своей...» И в продолжение всей своей жизни Гоголь повторял мысль о великой общественной роли писателя.

«Ревизор».

Содержание комедии.

В 1836 г. Гоголь закончил комедию «Ревизор». Сюжет этой великой комедии дал ему Пушкин. В маленький провинциальный город случайно попадает мелкий чиновник из Петербурга — Хлестаков. Городские чиновники во главе с городничим, до которого дошли сведения о предстоящем приезде ревизора, принимают Хлестакова за ожидаемого ревизора. У всех у них на совести много грешков — все они взяточники, казнокрады, бездельники, и вот, желая спасти свою шкуру, каждый из них даёт Хлестакову «взаймы», думая этим откупиться от наказания... Легкомысленный Хлестаков сватается к дочери городничего... Между тем слуга Хлестакова Осип, поняв, что его барина принимают не за того, кто он есть на самом деле, советует ему «пока не поздно» уехать из города... Городничий, поверив, что Хлестаков хочет съездить на два дня к «богатому старику-дяде», сам даёт ему лучших лошадей, и мнимый ревизор уезжает. Городничий мечтает о служебной карьере, которую ему поможет сделать важный зять... Неожиданно мечты его прерывает почтмейстер, распечатавший письмо Хлестакова к приятелю. Из письма чиновники узнают правду о Хлестакове. После первого удара следует второй: сообщение о приезде настоящего ревизора. Все в ужасе...

Действующие лица комедии.

Страшный мир показывает нам в своей комедии Гоголь! Среди действующих лиц нет ни одного честного человека. Среди чиновников нет ни одного человека, знающего своё дело, добросовестно относящегося к службе. Убеждения этих невежественных и убогих людей чрезвычайно просты: надо жить так, чтобы было

побольше денег, и все пути для добывания денег хороши. Ради чинов, ради «тёплого местёчка», которое даёт деньги, можно и нужно подличать перед начальством; деньги же можно и нужно брать в форме взяток с просителей, можно брать и казённые, государственные деньги... Никаких духовных интересов нет у героев «Ревизора». Помимо службы, на которую они смотрят лишь с точки зрения своей выгоды, их интересует игра в карты, закуска и выпивка. Образованным человеком считается судья Ляпкин-Тяпкин, который прочёл пять или шесть книг... Все фигуры чиновников изображены автором выпукло и ярко. Не забываются ни подхалим Земляника, ни трусливый Хлопов, ни бездельник Ляпкин-Тяпкин, ни сам городничий Сквозник-Дмухановский, в котором совмещены пороки всех подчинённых ему чиновников.

Кроме чиновников, в комедии выведены помещики Бобчинский и Добчинский, единственный интерес которых — сплетни, купец-плут Абдулин и др. Очень характерна фигура слуги Хлестакова. Плутоватый Осип гораздо умнее и проникательнее своего барина — легкомысленного, пустого, хвастливого и трусливого Хлестакова...

Каждый из героев «Ревизора» говорит по-своему, своим особенным языком, и это делает характеры их более ясными для зрителя и читателя. Легкомысленна, многословна, хвастлива и пуста речь Хлестакова; груба и немногословна речь городничего; беспомощна, бедна путаная речь Бобчинского; в репликах⁹ Ляпкина-Тяпкина видно стремление казаться учёным.

Самые фамилии уже говорят кое-что о характерах действующих лиц: Земляника, полицейский Держиморда, Ляпкин-Тяпкин, купец Абдулин.

Первое представление «Ревизора» состоялось в Петербурге 19 апреля 1836 г.

Отношение
современников
к комедии.

По словам писателя С. Т. Аксакова, «на сцене комедия имела огромный успех, но в то же время много наделала врагов Гоголю». Один дворянин доказывал, что Гоголь — «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь». Все реакционеры были возмущены писателем, осмелившимся изо-

⁹ Реплика — в пьесе слова, произносимые каким-либо действующим лицом пьесы.

бразить то, «что ежеминутно перед глазами и чего не зрят равнодушные очи». Зато восторженно встретили комедию передовые слои общества, увидевшие в «Ревизоре» обличение порядков, господствовавших в царской России того времени.

Потрясенный нападками со стороны реакционной части общества, Гоголь решил уехать за границу. Перед отъездом он написал М. П. Погодину: «Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет сколько-нибудь равносильной стороны за него».

«Мертвые души».

За границей. Летом 1836 г. Гоголь уехал за границу. Он побывал в Германии, во Франции, в Швейцарии, но больше всего полюбилась ему Италия.

Любовь к Италии не вытеснила, однако, из сердца Гоголя любви к России, к русскому народу. С отвращением вспоминая Россию чиновников, осмеянную в «Ревизоре», писатель не переставал любить настоящую Россию, прекрасную, но страдающую родину великого русского народа. В письме своем к М. П. Погодину Гоголь так пишет об этой своей любви:

«Непреодолимой цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я небесам лучшим, приветливее глядевшим на меня. И я после этого могу не любить своей отчизны?» В то же время Гоголь отказывался возвращаться в Россию, потому что не хотел, по его словам, «выносить надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться»¹⁰.

В первый же год своего пребывания за границей Гоголь пережил большую горе — смерть Пушкина, которого он считал своим учителем.

В марте 1837 года он писал по этому поводу своему другу Плетнёву:

«Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, всё моё высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеётся... — вот что меня только занимало и одушев-

¹⁰ Дуться — здесь: сердиться.

ляло мой силы . . . » А одному из своих товарищей по школе Гоголь при встрече сказа́л, что даже смерть любимой матери не огорчила бы его так, как кончина Пушкина . . .

Живя за границей, Гоголь очень много работал: переделывал свои прежде написанные произведения — «Ревизора» и «Тараса Бульбу», создавал новые.

Основным трудом, составлявшим цель жизни Гоголя во время пребывания его в Италии, была работа над «Мёртвыми душами».

Это произведение Гоголь стал писать по совету Пушкина. Оно было начато ещё до отъезда за границу. Гоголь придавал этой поэме огромное значение. В 1836 году он писал из-за границы Жуковскому: «Я принялся за «Мёртвые души», которые было начал в Петербурге. Всё начатое переделал я вновь . . . Какой огромный, какой оригинальный сюжет! . . . Вся Русь явится в нём! Огромно, велико моё творение и не скоро конец его. Ещё восстанут против меня новые сословия и много разных господ, но что же мне делать! . . . Уж судьба моя враждовать с моими земляками¹¹ . . . Знаю, что моё имя после меня будет счастливее меня, и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами, влажными от слёз, произнесут примирение моей жизни». Эти строки показывают, что Гоголь прекрасно сознавал великое значение произведения, над которым он работал, и неизбежность враждебного отношения к себе людей тех классов, которые он решил осмеять в «Мёртвых душах».

В России было крепостное право, когда помещики распоряжались своими крестьянами, как вещами или скотом, могли покупать и продавать их. Богатство помещика определялось количеством крестьян, которые ему принадлежали, или, как тогда говорили, числом душ.

Приблизительно через каждые 10 лет государство производило перепись «душ», которая называлась ревизией.

Списки «душ» назывались «ревизскими сказками». По этим спискам помещики платили налоги за крестьян. Если в промежутках между двумя ревизиями крестьянин умирал, помещику

¹¹ Земляки (от слова земля) — люди, живущие в одной земле (стране), в одном городе. Мой земляк — человек, живущий в одной стране (или в одном городе, в одной деревне) со мной.

всё равно приходилось платить за него, как за живого, до новой переписи.

Как-то Пушкин рассказывал Гоголю анекдот об одном плуте-чиновнике, который за бесценок скупил у помещиков мёртвые души, числившиеся по спискам как живые, а затем, заложив их, получил большую сумму денег и разбогател.

Сюжет увлек Гоголя. Он раскрывал перед ним возможность, описывая путешествие Чичикова, нарисовать картину крепостной России, показать происходивший в ней процесс разложения крепостного строя, разорение помещичьего хозяйства.

Перед Гоголем развернулся следующий план его книги:

I глава. Приезд Чичикова в губернский город и знакомство с чиновниками и помещиками.

II—VI главы. Поездка к помещикам с целью покупки мёртвых душ.

VII глава. Оформление покупки (вскрытие злоупотреблений чиновничества).

VIII глава. Успех «миллионщика» Чичикова в губернском обществе.

IX—X главы. Слухи о мёртвых душах и переполох в городе.

XI глава. Отъезд Чичикова. Его биография.

Гоголь задумал показать самые разнообразные типы помещиков, по-разному относящихся к своей собственности: и жадно собирающих богатство, и расточающих¹² свои доходы. Всех их объединяло одно — то, что они, как паразиты, сидели на теле народа и жили его трудом.

Гоголь расположил главы в строго продуманном порядке: от бесхозяйственного мечтателя Манилова Чичиков едет к хозяйственной Коробочке, которая собирает по пяточкам и двугривенникам своё состояние; затем перед нами снова появляется разоряющийся помещик — непоседа-расточитель Ноздрёв; от него Чи-

¹² Расточать — безрассудно тратить.

чиков попадает к помещику-кулаку Собакевичу, выжимающему из своего имени все возможные доходы. Ряд типов помещиков завершается образом Плискина, страшного скряги, который доводит свою страсть собирать до безумия: он сгноил хлеб, боясь продешевить его, мука у него слежалась и превратилась в камень, сукно истлело. Сам он потерял человеческий облик и стал, по словам Гоголя, «прорехой на человечестве».

Изображая чиновников, Гоголь делит их на толстых и тонких, т. е. тех же собирателей и расточителей своего имущества.

Всех персонажей поэмы объединяет то, что они живут только для себя, не думая ни о счастье народа, ни о благе государства. Мёртвые души — это помещики и чиновники города NN, это Чичиков и ему подобные.

Умирая, в своём завещании Гоголь писал, обращаясь к своим согражданам: «Будьте живые, а не мёртвые души».

В «Мёртвых душах» Гоголь показывает «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров». Он осмеивает пошлую и страшную жизнь своих современников. Этот смех совсем не похож на ту добродушную усмешку (юмор), которая пронизывает ранние его рассказы. С годами Гоголь глубже, внимательней подходил к окружающей действительности. Его зоркий взгляд подмечал в ней всё больше и больше дурного и пошлого. Беззаботный смех, добродушный юмор сменился другим отношением к изображаемой действительности: Гоголь смеётся над своими героями, и в то же время ему больно за них и жалко их. Таково его отношение к Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу, к старосветским помещикам. В дальнейшем творчестве Гоголя смех его делается всё более и более «горьким». Читая «Ревизора» и «Мёртвые души», мы смеёмся, но к нашему смеху прибавляется негодование и горечь. «Видимый миру смех и незримые¹³, неведомые¹⁴ ему слёзы», — так характеризует Гоголь своё отношение к действительности.

Смех Гоголя — это оружие, которым он борется против пошлости и подлости жизни.

¹³ Незримые (от старого слова *зреть*) — невидимые.

¹⁴ Неведомые — неизвестные.

Манилов. Вот Манилов. Это человек праздный, лишённый живых интересов. Он ни к чему серьёзно не стремится, ничто его глубоко не трогает. Он «ни то ни сё», как говорит Гоголь. Он проводит время в пустых мечтаниях, никакого отношения к действительной жизни не имеющих, или за таким бессмысленным занятием, как раскладывание «красивыми рядками» табачной золы.

Хозяйством своим он не интересуется и даже не знает, сколько у него умерло крепостных крестьян. Бесхозяйственность Манилова видна и в обстановке его дома. В гостиной у него среди мебели, «обтянутой щегольской шелковой материей», в течение нескольких лет стоят два кресла, «обтянутые просто рогожей».

Характерная черта Манилова — одинаково благодушное отношение ко всем людям. Он совершенно лишён критического отношения к окружающим. Все люди поэтому кажутся ему одинаково прекрасными, «препочтеннейшими», «прелюбезнейшими», «образованнейшими». Он любит рассуждать о добродетелях своего собеседника и своих знакомых. При этом его «сладкое» лицо делается ещё более сладким.

Манилов всегда всем доволен. Он чрезвычайно доверчив. Хотя вначале предложение Чичикова продать ему мёртвые души производит потрясающее впечатление, Чичикову без труда удаётся уговорить его пойти на сделку. Манилов слишком доверяет своему «образованному» гостю, так же, как доверяет и своему приказчику, обманывающему его; он не умеет ни в чём отказывать людям, боясь обидеть их своим недоверием.

Манилов жалуется на то, что ему не с кем «пофилософствовать о чём-нибудь», поговорить на серьёзные темы, но на самом деле ему и говорить-то не о чём. Несмотря на пристрастие к «возвышенным» словам («паренье», «именины сердца»), Манилов некультурен; очень мало читает. Вот уже два года он читает одну и ту же книгу, но дошёл только до 14-й страницы.

Бедность его мысли сказывается и в его манере говорить. Он повторяется, прерывает свою речь, не досказывает мысли, потому что и сам не знает, что именно он хотел сказать.

Имя Манилова стало нарицательным для людей, далёких от реальной жизни, пустых мечтателей, с излишней доверчивостью и благодушием относящихся ко всем без разбора людям.

Ноздрёв. Противоположен по своему характеру Ноздрёв, «разбитной малый». Он проводит жизнь, разъезжая по ярмаркам, где пьянствует, кутит, играет в карты (при этом не прочь смошенничать), принимает участие во всех драках, то покупает, то продаёт разные ненужные ему вещи. Хозяйство его не интересует. Только охотничьи собаки, которых у Ноздрёва много, у него в почёте. Ноздрёв — лгун и хвастун, когда он начинает лгать, то остановиться уже не в состоянии.

Собакевич. В противоположность Манилову и Ноздрёву Собакевич заботится о своём хозяйстве. Но это помещик-«кулак». Стремление нажить заполняет его жизнь. Его крестьяне живут лучше, чем крестьяне Манилова или Плюшкина (вспомните «на диво срубленные» избы его мужиков). Это объясняется тем, что Собакевич смотрит на них как на рабочую силу; крестьяне, по его мнению, будут лучше работать, если их лучше кормить. Он сразу сообразил, в чём заключается затея Чичикова, ожесточённо торгуется с ним, когда тот предлагает купить мёртвые души, и продаёт их гораздо выгоднее для себя, чем другие помещики. При этом он норовит обмануть Чичикова, и ему удаётся продать вместо мужины женщину, переделав женский род имени Елизавета на мужской род — Елизавет.

Плюшкин. Запустил своё хозяйство скряга Плюшкин. Страсть к накоплению так изуродовала этого человека, что он, по выражению Гоголя, превратился в какую-то «прореху на человечестве». Плюшкин копит не для того, чтобы использовать накопленное, а ради самого накопления. Ему жаль тратить своё «добро» не только для других, но и для себя, поэтому он даже себя лишает самого необходимого: Плюшкин не обедает, одет в нелепую старую одежду. Человеческие чувства скрыты у него, как под корой, под этой чудовищной скупостью. Гоголь показывает, что иногда в Плюшкине вспыхивает искра хорошего чувства (например, при воспоминании о председателе, товарище детства), но разгореться эта искра уже не может.

**Приёмы
изображения
персонажей.**

Рисую помещиков, Гоголь использует самые разнообразные приёмы, чтобы основные черты изображаемого лица выступили выпуклее, нагляднее, ярче.

Он показывает, как эти черты отражаются в наружности человека, в его одежде, в обстановке, в облике самой усадьбы и принадлежащей помещику деревни, в положении его крестьян.

Характер гоголевского героя сказывается в том, как он обедает, ест. Наконец, речь героя (в особенности построение фраз, подбор слов) отражает характер его.

Рассказывая о посещении Чичиковым Собакевича, Гоголь подробно описывает его деревню, усадьбу и особенно обстановку его дома, где каждый предмет похож на хозяина, словно кричит: «И я тоже Собакевич!», и даже люди, изображенные на портретах, и, наконец, дрозд в клетке имеют что-то общее с Собакевичем. Соответствуют характеру его и внешность (сходство с медведем), и одежда, и даже самое имя-отчество (Михаил Семёнович). Подробно показывает автор обед Собакевича. Он любит поесть много, сытно и предпочитает обилие пищи грубой, но сытной разнообразию «деликатных» блюд. Речь Собакевича, немногословная, грубая, деловая, невозмутимая, также отражает характер этого помещика-«кулака». Благодаря этим приемам изображения, вся внутренняя сущность Собакевича выступает перед нами особенно отчетливо.

Теми же приемами изображает Гоголь и других героев. Уродливая скупость, уродливое стремление копить ради накопления, характеризующие Плюшкина, подчёркиваются изображением его усадьбы и деревни, которые находятся в страшно запущенном состоянии. Совершенно запущен прекрасный сад Плюшкина. Больше всего отражает чудовищную скупость хозяина, его страсть к накоплению — его неряшливость, обстановка его дома, знаменитая «куча», куда Плюшкин складывал всё, что ни находил. По обстановке, в которой он живёт, мы можем судить, каков Плюшкин. Характеризует его существо также его внешность (давно не бритый подбородок), его платье («совершенно неопределённое, похожее на женский капот»).

Ворчание, или, как говорят, «брюзжание», Плюшкина, пересыпанное жалобами на окружающих, на тяжёлое положение, на бедность, отражает подозрительность человека, который страшно боится, как бы у него чего-нибудь не попросили; человека, который никому не доверяет. Речь Плюшкина оживает, становится бойкой (а иногда угловатой), когда собеседник заговаривает о чём-нибудь выгодном для Плюшкина.

**Чиновники
в поэме.**

В «Мёртвых душах» выведена также целая галерея чиновников того времени. Гоголь показывает пустоту их существования, отсутствие серьёзных интересов, крайнее невежество.

Перед нами полицмейстер-«чудотворец», которому «стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погребца», как немедленно появляются и рыба, и вина; «отец и благодетель города», полицмейстер, по выражению автора, «наведывался в лавки... как в собственную кладовую». Вот прокурор, о котором Собакевич говорит прямо: «Он человек праздный». Вот стряпчий (адвокат) Золотуха, «первейший хапуга¹⁵ в мире». Степень культуры чиновников хорошо характеризуется словами: «кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости», кто даже и совсем ничего не читал».

Более всего заполняют существование обывателей города, особенно женщин, сплетни. Поездки Чичикова, его странные сделки вызывают огромный интерес обитателей города потому, что они дают пищу невероятным, фантастически-нелепым сплетням, главному развлечению горожан. Так, в городе распространяется слух, что Чичиков собирался похитить губернаторскую дочку, что он не кто иной, как Наполеон...

Лирические отступления.

Иногда повесть о похождениях своего героя Гоголь прерывает размышлениями по поводу изображаемых фактов. В этих отступлениях автор не только высказывает свои мысли, связанные с содержанием поэмы, но и выражает свои чувства, вызванные размышлениями. Такие отступления в произведении мы называем лирическими отступлениями. В «Мёртвых душах» лирических отступлений много. Так, в начале VII главы Гоголь говорит о разной судьбе различных писателей: счастливой судьбе писателя, изображающего светлые стороны жизни, и печальной — писателя, посвятившего себя разоблачению тёмных сторон её. В главе о Плюшкине (VI) с горечью размышляет о том, как иногда изменяет человека старость, и призывает читателя «забирать с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет... все человеческие движения»... Несколько лирических отступлений посвящено России и русскому народу.

В «Мёртвых душах» (в первом томе) нет ни одного положительного героя. Но последние страницы этой книги проникнуты бодростью, твёрдой верой в высокое назначение России, любовью к своей родине — родине великого русского народа.

¹⁵ Хапуга — взяточник.

Гоголь о
русском народе.

В «Мёртвых душах» нет образов представителей русского народа, но отдельные страницы произведения дышат любовью к нему, верой в него.

Гоголь восхищается живым и бойким русским умом, расторопностью, выносливостью, силой и предприимчивостью русского крестьянина. С любовью говорит о «бойком» русском народе, придумавшем чудесную русскую тройку. В одном из лирических отступлений в последней главе первого тома он обращается к своей родине: «Что пророчит сей необъятный простор? (Гоголь имеет в виду простор России). Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» А в самом конце книги, сравнивая Русь с несущейся «бойкой, необгонимой тройкою», Гоголь говорит: «Русь, куда же несёшься ты, дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаётся колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Работа над
вторым томом
«Мёртвых душ».

Гоголь думал продолжить историю Чичикова и во втором томе изобразить его встречи не только с людьми-уродами, вроде Ноздрёва, но и с людьми, достойными быть образцами.

Над вторым томом «Мёртвых душ» он работал до самой смерти, но в печати второй том в законченном виде так и не появился. Несколько раз Гоголь сжигал уже готовую рукопись.

Образы людей, которые должны были стать образцами для подражания; получались неубедительными, неудачными. Это понятно. Когда Гоголь изображал Плюшкина или Собакевича, он брал интересующие его типы из живой жизни, он рисовал то, что видел вокруг себя. Идеальных помещиков, которых он хотел противопоставить Плюшкину и прочим уродам, в жизни он не видел, приходилось выдумывать, а выдуманные герои оказывались бледными, неестественными.

Впечатление,
произведённое
«Мёртвыми ду-
шами» на совре-
менников.

Первый том «Мёртвых душ» Гоголю с трудом удалось провести через цензуру (с этой целью он на несколько месяцев вернулся в Россию), которая даже заглавие книги считала возмутительным. С цензурными изменениями книга бы-

ла напечатана в 1842 г. и произвела потрясающее впечатление на критику и читающую публику. Восторженным отзывом встретил «Мёртвые души» Белинский, который назвал их произведением «необъятно художественным». Писатель К. Аксаков ставил Гоголя рядом с величайшими мировыми гениями (Гомером¹⁶ и Шекспиром¹⁷). Великий русский революционер А. И. Герцен писал в дневнике о «Мёртвых душах»: «Перечитывание этих строк задушило меня какой-то безвыходной грустью: современный вопрос¹⁸ так болезненно повторялся, что я готов был рыдать. Долог сон, тяжёл...» В другом месте он назвал «Мёртвые души» «горьким упреком современной Руси». Иначе встретили книгу Гоголя реакционеры. Один из них писал, что в поэме «унижаются русские люди», и возмущался «зловонностью» картин, изображённых Гоголем, называя «Мёртвые души» «смесью вздора и пустяков». Лучшие люди гоголевской эпохи поняли, что «Мёртвые души» принадлежат к тем произведениям, которые мы называем бессмертными. Эти люди поняли огромное значение «Мёртвых душ», произведения, обличавшего и разоблачавшего помещиков и чиновников и проникнутого глубокой любовью к родине и верой в её великое будущее.

Своим произведением Гоголь помог русским людям понять, что представляет собой дворянское общество. Читая, изучая «Мёртвые души», передовые, лучшие люди эпохи укреплялись в своей ненависти к порядкам, господствовавшим в старой, крепостной Руси, закаляли в себе волю к борьбе с этими порядками.

В том же (1842) году, после выхода в свет «Мёртвых душ», Гоголь вновь уехал за границу.

Живя за границей, Гоголь продолжал работать над произведениями, изображающими русскую жизнь. Великий писатель верил в то, что уродливые явления русской жизни со временем исчезнут, но он не знал пути, который приведёт его роди-

«Выбранные места
из переписки
с друзьями».

¹⁶ Го м е р — предполагаемый автор величайших произведений древнегреческой поэзии: «Илиады» и «Одиссеи».

¹⁷ Ш е к с п и р (1564—1616) — величайший драматург и поэт не только в английской, но и в мировой литературе. Наиболее выдающиеся его произведения: «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Отелло», «Король Лир», «Макбет».

¹⁸ Современный вопрос — здесь: вопрос о крепостном праве.

ну к светлому будущему. Он скорбел о несчастьях своей родины, но не мог указать людям выход, не видел среди людей идеала человека, который служил бы образцом для подражания.

Живя вдали от родины, Гоголь потерял живую связь с русским народом и лучшими, передовыми русскими людьми своего времени. Гоголь был ближе связан с людьми реакционных взглядов. Отсутствие живой связи с народом и близость к людям реакционных взглядов привели к тому, что Гоголь признал свои великие произведения, направленные против существовавших тогда в России порядков («Ревизор», «Мёртвые души»), вредными. Он решил, что он должен отказаться от критики правительства, что те порядки, которые он раньше критиковал, являются самыми лучшими, что спасение России в примирении с существующим строем.

В конце 1846 г. вышла из печати новая книга Гоголя, названная им «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой Гоголь высказывает реакционные взгляды. Он восхваляет самодержавную власть, проповедует необходимость полного подчинения крестьян помещикам, считает, что обучение крестьян грамоте не нужно и даже вредно.

Книга Гоголя вызвала возмущение среди передовых людей. Великий русский критик Белинский написал Гоголю письмо, в котором он в резких выражениях упрекает великого писателя за его «попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя» (доклад А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» 20 октября 1946 г.). Это письмо сыграло огромную роль в истории русской литературы (подробно о нём сказано в статье о Белинском).

Отношение лучших русских людей к «Выбранным местам из переписки с друзьями» глубоко потрясло Гоголя.

Последние годы жизни.

Смерть Гоголя.

Последние годы жизни Гоголь страдал какой-то не совсем понятной болезнью. Силы его были подорваны и огромным трудом, и тяжёлыми переживаниями, и материальной нуждой. Знаменитый писатель, автор «Мёртвых душ» и «Ревизора», Гоголь крайне нуждался в деньгах. Он никогда не знал сегодня, чем будет жить завтра. «Я начинаю верить тому, — писал он Жуковскому, — что прежде считал басней: что писатели в наше время могут умирать с голоду...» И он мечтал о ничтожной пенсии, которую получают низшие церковные слу-

жители — дьячки. Невольно сопоставляешь эту нужду Гоголя с положением наших, советских, писателей, окружённых заботой партии и правительства.

С весны 1848 г. и до конца своей жизни Гоголь жил в России. В феврале 1852 г. болезнь его резко обострилась; 21 февраля Гоголь умер. Он похоронен в Москве, где жил в последнее время. На надгробном памятнике его вырезана надпись: «Горьким словом моим посмеюся».

Так кончил свою жизнь великий писатель, видевший в своей литературной деятельности высокий подвиг, служение своему народу. Для выполнения этого подвига он был готов вынести всё: нужду, лишения, нападки и вражду людей, горечь творческих неудач... Две задачи стояли перед Гоголем: показать людям всё, что есть вокруг них и в них самих дурного, и указать идеал человека.

Первую задачу — раскрыть глаза людям на «непроглядный ужас жизни», чтобы зажечь в них желание изменить её, — Гоголь гениально выполнил, и поэтому он никогда не будет забыт потомством.

Значение творчества Гоголя.

Великие русские критики о значении творчества Гоголя.

Высокую оценку творчеству Гоголя дали такие величайшие представители русской критики, как В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский.

В одной из своих статей Белинский утверждал, что у Гоголя «нет соперников в искусстве воспроизводить» русскую жизнь «во всей её истинности».

Чернышевский же в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы», появившихся вскоре после смерти Гоголя, так говорил о роли Гоголя в истории русского общества: «... Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России».

Умер Гоголь, но не потеряли своего значения его великие произведения.

Исчезли люди, подобные тем, каких изобразил Гоголь, исчезли помещики, николаевские чиновники, но отдельные черты этих людей, осмеянные Гоголем, можно, как пережитки, встре-

тить даже в наше время. Ещё можно найти людей, которые похожи некоторыми чертами на Манилова, и людей, похожих на Хлестакова, Бобчинского и даже на Плюшкина. Гоголь помогает нам видеть отрицательное значение этих черт, учит понимать их вредность и бороться с ними. Читая Гоголя, мы ясно видим связь этих черт со старым бытом, со старыми общественными порядками, и поэтому эти пережитки кажутся нам особенно отвратительными.

Использование гоголевских образов В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Широко использовали гоголевские образы в борьбе против врагов рабочего класса и большевистской партии В. И. Ленин и И. В. Сталин. В сочинениях Ленина имени гоголевских героев упоминаются 99 раз. Критикуя людей, занимающихся пустыми, далёкими от реального понимания жизни разговорами, В. И. Ленин, как позже и товарищ Сталин, пользовался словом «маниловщина». Маниловыми Ленин называл народников, либералов, кадетов, меньшевиков. Черносотенцев-реакционеров он клеймил презрительной кличкой Собакевичей.

В своём докладе на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР И. В. Сталин, выступая против буржуазных критиков проекта Сталинской Конституции, использовал «Мёртвые души». Иронизируя над горе-критиками, над их неумением отличать правое от левого, товарищ Сталин говорил: «Нельзя не вспомнить по этому случаю дворовую «девчонку» Пелагёю из «Мёртвых душ» Гоголя. Она, как рассказывает Гоголь, взялась как-то показать дорóгу кучеру Чичикова Селифану, но, не сумев отличить правую сторону дорóги от левой её стороны, запуталась и попала в неловкое положение...»

Творчество Гоголя сыграло огромную роль в истории русской литературы. Гоголь явился родоначальником реалистического течения в русской литературе, известного под именем «натуральной школы». Для натуральной школы характерно критическое изображение современного общества. Для натуральной школы характерно также пристальное внимание писателя к быту общества, к мелочам обстановки, отражающим типичные черты человека, принадлежащего к определённой общественной группе.

В разной степени последователями Гоголя явились такие большие писатели, как Гончаров, Тургенев, Достоевский. Но

влияние Гоголя чувствуется и на творчестве писателей, живших накануне Октябрьской социалистической революции, и даже на творчестве писателей советской эпохи.

Вопросы.

1. Как относился Гоголь к писательскому призванию и к писательскому труду?
2. Как изменялось с течением времени отношение Гоголя к изображаемой им действительности?
3. Как использовали образы Гоголя в своих статьях и речах В. И. Ленин и И. В. Сталин?
4. Что писали о творчестве Гоголя великие русские критики Белинский и Чернышевский?
5. Какую роль сыграло творчество Гоголя в истории русской литературы?

Задания.

Назовите важнейшие даты жизненного и творческого пути Гоголя и скажите, чем замечательна каждая дата.

МЁРТВЫЕ ДУШИ.

Глава I.

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная¹⁹ небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, — словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однакож, и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвёл в городе совершенно никакого шума и не был сопровождён ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака²⁰ против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нём.

¹⁹ Рессорная — на рессорах; рессоры — стальные пружины или связки из стальных прутьев, которые служат в экипаже для устранения тряски.

²⁰ Кабак — трактир, питьёвое заведение.

— Вишь ты, — сказа́л один друго́му, — вон како́е колесо́! Что ты думаешь: до́едет то колесо́, если б случи́лось, в Москву, или не до́едет?

— До́едет, — отвеча́л друго́й.

— А в Каза́нь-то, я думаю, не до́едет?

— В Каза́нь не до́едет, — отвеча́л друго́й.

Этим разгово́р и кончи́лся. Да ещё, когда бричка подъехала к гости́нице, встретился молодо́й челове́к в белых канифа́совых²¹ пантало́нах, весьма́ узких и корóтких, во фраке с покуше́ниями на моду, из-под кото́рого видна́ была́ мани́шка, застёгнутая тульской була́вкой с бронзовым пистоле́том. Молодо́й челове́к оборо́тился наза́д, посмотре́л на экипа́ж, придержи́вал руко́й карту́з, чуть не слете́вший от ветра, и поше́л своёй доро́гой.

Когда́ экипа́ж въехал на двор, господи́н был встречен тракти́рным слуго́й, или полови́м, как их называ́ют в русских тракти́рах, живы́м и вертлявы́м до тако́й степени, что да́же нельзя́ было рассмотре́ть, како́е у него́ было́ лицо́. Он выбежал с салфе́ткой в руке́, весь длинный и в длинном демикото́нном²² сюртуке́, со спинкою́ чуть не на самом заты́лке, встряхну́л волоса́ми и пове́л прово́рно господи́на вверх по всей деревя́нной галере́е показыва́ть ниспо́сланный²³ ему́ богом поко́й²⁴. Поко́й был изве́стного рода, ибо гости́ница была́ тоже́ известного рода, то-есть именно́ така́я, как быва́ют гости́ницы в губе́рнских города́х, где за два рубля́ в сутки проезжа́ющие получа́ют поко́йную комна́ту с тарака́нами, выгляды́вающими, как черносли́в, из всех угло́в, и дверью́ в сосе́днее помеще́ние, всегда́ заста́вленную комо́дом, где устраи́вается сосе́д, молчали́вый и споко́йный челове́к, но чуде́сно любопы́тный, интересу́ющийся знать о всех подро́бностях проезжа́ющего.

Нару́жный фаса́д гости́ницы отвеча́л её внутренности: она́ была́ очень длинна́, в два этажа́; нижний не был выштукатурен и остава́лся в темнокрасных кирпи́чиках, ещё́ более́ потемне́вших от лихи́х пого́дных пере́мен и грязноваты́х уже́ сами́х по себе́; верхний был выкрашен вечно́ю жёлто́ю краскою́; внизу́

²¹ Канифа́совый — сшитый из канифаса, то есть из полоса́той бума́жной ткани.

²² Демикото́нный — сделанный из плотной бума́жной ткани.

²³ Ниспо́сланный — посланный.

²⁴ Поко́й — здесь: комна́та.

были лавочки с хомутами, верёвками и баранками. В угóльной из этих лавочек, или, лучше, в окнѣ, помещался сбитенщик²⁵ с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, если б один самовар не был с чёрною, как смоль, боро́ю.

Пока́ приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в доро́ге. Чемодан внесли кучер Селифан, низенький человек в тулупчике, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном сюртуке, как видно, с барского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом. Вслед за чемоданом внесён был небольшой ларчик красного дерева с штучными выкладками из карельской берёзы, сапожные колодки и завернутая в синюю бумагу жареная курица. Когда всё это было внесено, кучер Селифан отпра́вился на конюшню возитья около лошадей, а лакей Петрушка стал устриваться в маленькой передней, очень тёмной конурке, куда уже успел притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой собственный запах, который был сообщён и принесённому вслед затем мешку с разным лакейским туалетом²⁶. В этой конурке он приладил к стене узенькую трёхногую кровать, накрыв её небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин, и, может быть, так же замаслившимся, как блин, который удалось ему вытребовать у хозяйина гостиницы.

Покамест слуги управлялись и возились, господин отпра́вился в общую залу...

Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоёным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких недель, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка²⁷ жареная, огурец солёный и вечный слоёный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам; покамест ему всё это подавалось и разогрѣтое, и просто холодное, он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий

²⁵ Сбитенщик — торговец сбитнем, то-есть горячим напитком из мѣда с пряностями.

²⁶ Туалет — в данном случае: и принадлежности ухода за собой (гребешок, бритвенный прибор и т. п.), и одежда.

²⁷ Пулярка (вернее: пулярдка) — специально откормленная курица.

вздор о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь, и много ли даёт дохода, и большой ли подлец их хозяин, на что половой, по обыкновению, отвечал:

— О, большой, сударь, мошеник!

Как в просвещённой Европе, так и в просвещённой России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушать в трактире, чтоб не поговорить с слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним. Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы: он с чрезвычайною точностью расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, — словом, не пропустил ни одного значительного чиновника, но ещё с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках: сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живёт от города, какого даже характера и как часто приезжает в город; расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии — повальных горячек, убийственных каких-либо лихорадок, оспы и тому подобного, и всё так, и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство. В приёмах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство приобрёл, однакож, ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямлялся почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал:

— Не нужно ли чего?

После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластической²⁸ шерсти набивают чем-то, чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник. Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой номер, где, прилегли, заснул два часа. Отдохнувши, он написал на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги: чин, имя и фамилию для сообщения куда следует, в полицию. На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: «Коллежский советник²⁹ Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям».

²⁸ Эластический — упругий.

²⁹ Коллежский советник — гражданский (не военный) чин в старой России.

Когда половой всё ещё разбира́л по склада́м записку, сам Павел Ива́нович Чичиков отпра́вился посмотре́ть город, кото́рым был, как каза́лось, удовлетворён, ибо нашёл, что город никак не уступáл други́м губе́рнским города́м: сильно была в глаза́ жёлтая краска на каменных дома́х, и скромно темнела серая на дере́вьянных. Дома́ были в о́дин, два и полтора́ этажа́, с вечным мезони́ном³⁰, очень краси́вым, по мнению́ губе́рнских архите́кторов. Места́ми эти дома́ каза́лись зате́рянными среди́ широ́кой, как поле, улицы и несконча́емых дере́вьянных заборо́в; места́ми сбива́лись в кучу, и здесь было за́мётно более дви́жения наро́да и живости. Попада́лись почти́ смытые дождём вывески с кренделя́ми и сапога́ми, кое-где с нарисова́нными синими брюками и подписью ка́кого-то арша́вского портно́го; где магази́н с карту́зами, фура́жками и надписью: «иноста́нец Василий Фёдоров»; где нарисова́н был бильярд с двумя́ игрока́ми во фра́ках³¹, в ка́кие одева́ются у нас в теа́трах гости, выходя́щие в последнем акте на сцену. Игроки́ были изображе́ны с прице́лившимися кия́ми³², несколько вывороченными наза́д рука́ми и ко́сыми нога́ми, только-что сделавшими на воздухе антраша́³³. Под всем э́тим было написа́но: «И вот заведе́ние». Кое-где просто на улице стоя́ли столы́ с оре́хами, мылом и пряниками, похо́жими на мыло; где харча́вня с нарисова́нною толстою рыбой и воткнуто́ю в неё ви́лкой. Ча́ще же всего́ за́мётно было потемне́вших двугла́вых госуда́рственных орло́в, кото́рые тепе́рь уже́ заме́нены лако́ническою надписью: «Пите́йный дом»³⁴. Мостова́я вездé была́ плоховата. Он загляну́л и в городско́й сад, кото́рый состоя́л из тоненьких дере́в, дурно приня́вшихся, с подпо́рками внизу́, в виде́ треу́гольников, очень краси́во выкрашенных зелёною масляною краской. Впрочем, хотя́ эти дере́вца́ были не выше тростника́, о них было сказано в газе́тах при описа́нии иллюмина́ции, что «город наш укра́сился, благода́ря попече́нию гражда́нского правите́ля, садом, состоя́щим из тени́стых, широко́ ветви́стых дере́в, даю́щих прохладу́ в знойный день», и что при э́том «было очень умили́тельно гляде́ть, как сердца́ граждан

³⁰ Мезони́н — небольшо́я надстро́йка над середи́ной дома.

³¹ Фра́к — мужско́я оде́жда, очень откры́тая спереди, длинная сзади.

³² С кия́ми (творите́льный паде́ж множественного числа́ от слова кий) — с длинными пря́мыми палками, служащими для иѓры в бильярд.

³³ Антраша́ — замысло́ватое, сложное дви́жение нога́ми.

³⁴ Пите́йный дом — тракти́р.

трепетали в избытке благодарности и струили потоки слёз в знак признательности к господину градоначальнику». Расспросивши подробно бѹточника³⁵, куда можно пройти ближе, если понадобится к собору, к присутственным местам, к губернатору, он отправился взглянуть на реку, протекавшую посредине города; дорогою оторвал прибитую к столбу афишу, с тем, чтобы, придя домой, прочитать её хорошенько, посмотрел пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой следовал мальчик в военной ливрее³⁶ с узелком в руке, и ещё раз окинувши всё глазами, как бы с тем, чтобы хорошо припомнить положение места, отправился домой прямо в свой номер, поддерживаемый слегка на лестнице трагическим слугою...

Весь следующий день посвящён был визитам. Приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам. Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну³⁷ и поговаривали даже, что был представлен к звезде³⁸; впрочем, был большой добряк, и даже сам вышивал иногда по тюлю³⁹. Потом отправился к вице-губернатору, потом был у прокурора, у председателя палаты⁴⁰, у полицеймейстера, у откупщика⁴¹, у начальника над казёнными фабриками... жаль, что несколько трудно упомнить всех сильных мира сего; но довольно сказать, что приезжий оказал необыкновенную деятельность насчёт визитов: он явился даже засвидетельствовать почтение инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потом ещё долго сидел в бричке, придумывая, кому бы ещё отдать визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников. В разговорах с сими

³⁵ Бѹточник (или бѹдочник — полицейский, городской сторож; название это происходит от слова *бѹдка* (бѹдки служили для прикрытия бѹдочников от непогоды).

³⁶ Ливрѳя — украшенная золотой тесьмой и другими украшениями одежда, которую носили лакеи и другие слуги.

³⁷ Анна на шее — орден святой Анны в царской России.

³⁸ Звездѳ — здесь орден в царской России, имѳвший форму звезды.

³⁹ Тюль — тонкая материя; вышиванием в те времена среди дворян занимались и мужчины.

⁴⁰ Палѳта — судебное учреждение в России того времени.

⁴¹ Откупщик — купец, получивший за деньги право взимать вместо государства какой-нибудь вид государственных доходов (например, налог, доходы с продажи вина).

властителями он очень искусно умёл польстить каждому. Губернатору намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказал что-то очень лестное насчёт городских будочников, а в разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были ещё только статские советники⁴², сказал даже ошибкою два раза «ваше превосходительство», что очень им понравилось. Следствием этого было то, что губернатор сделал ему приглашение пожаловать к нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочие чиновники тоже с своей стороны, кто на обед, кто на бостончик⁴³, кто на чашку чая.

О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с замечтою скромностию, разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначащий червь мира сего и недостойн того, чтобы много о нём заботились, что испытал много на веку своём, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать, наконец, место для жительства, и что, прибывши в этот город, почёл за непрёмный долг засвидетельствовать своё почтение первым его сановникам. Вот всё, что узнали в городе об этом новом лице, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринке. Приготовление к этой вечеринке заняло с лишком два часа времени, и здесь в приезде оказалась такая внимательность к туалету, какой даже не вездé видывано. После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно долго тер мылом обе щеки, подперши их изнутри языком; потом, взявши с плеча трактирного слуги полотенце, вытер им со всех сторон полное своё лицо, начав из-за ушей и фыркнув прежде раза два в самое лицо трактирного слуги. Потом надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно за тем очутился во фраке брусничного цвета с искрой. Таким образом одевшись, покотился он в собственном экипаже по бесконечно широким улицам, озарённым тощим освещением

⁴² Статский советник — гражданский чин в дореволюционной России.

⁴³ Бостончик (уменьшительное слово от слова *бостон*) — карточная игра.

из кое-где мелькавших окон. Впрочем, губернаторский дом был так освещён, хоть бы и для бала; коляски с фонарями, перед подъездом два жандарма, форейторские крики⁴⁴ вдали, — словом, всё, как нужно. Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Всё было залито светом. Чёрные фраки мелькали и носились врозь и кучами там и там. Не успел Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором, который представил его тут же губернаторше...

Тут же познакомился он с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым и несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем, который с первого раза ему наступил на ногу, сказавши: «Прошу прощения». Тут же ему всунули карту на вист, которую он принял с таким же вежливым поклоном. Они сели за зелёный стол и не вставали уже до ужина. Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда, наконец, предаются занятию дельному. Хотя почтмейстер был очень речист, но и то, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своём мыслящую физиономию, покрыл нижнюю губу верхней и сохранил такое положение во всё время игры. Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая попадья!», если же король: «Пошёл, тамбовский мужик!» А председатель приговаривал: «А я его по усам!» «А я её по усам!» Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: «А! была не была, не с чего, так с бубен!» Или же просто восклицания: «черви! червоточина! пикенция!» или: «пикендрас! пичурушух! пичура!» и даже просто: «пичук!» — названия, которыми перекрестили они масти в своём обществе. По окончании игры спорили, как водится, довольно громко. Приезжий наш гость также спорил, но как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорил, а между тем приятно спорил. Никогда он не говорил: «вы пошли», но «вы изволили пойти», «я имел честь покрыть вашу двойку», и тому подобное. Чтобы ещё более согласить в чём-нибудь своих противников, он всякий раз подносил им всем свою серебряную

⁴⁴ Форейторские крики (от слова *форейтор*) — крики верхового (форейтора), сидящего на одной из передних лошадей при запряжке четверкой или шестернёй.

с финифтью⁴⁵ табакёрку, на дне которой заметили две фиалки, положенные туда для запаха. Внимание приезжего особенно заняли помещики Манилов и Собакевич, о которых было упомянуто выше. Он тотчас же осведомился о них, отозвавши тут же несколько в сторону председателя и почтмейстера. Несколько вопросов, им сделанных, показало в госте не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего спросил он, сколько у каждого из них душ крестьян, и в каком положении находятся их имения, а потом уже осведомился, как имя и отчество. В немного времени он совершенно успел очаровать их. Помещик Манилов, ещё вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар, и щуривший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти. Он очень долго жал ему руку и просил убедительно сделать ему честь своим приездом в деревню, к которой, по его словам, было только пятнадцать вёрст от городской заставы, на что Чичиков с весьма вежливым наклоном головы и искренним пожатием руки отвечал, что не только с большою охотою готов это исполнить, но даже почтёт за священный долг. Собакевич тоже сказал несколько лаконически:⁴⁶ «И ко мне прошу», шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполнского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особенно в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри.

На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицеймейстеру, где с трёх часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи. Там, между прочим, он познакомился с помещиком Ноздрёвым, человеком лет тридцати, разбитным малым⁴⁷, который ему, после трёх-четырёх слов, начал говорить «ты». С полицеймейстером и прокурором Ноздрёв тоже был на «ты» и обращался по-дружески; но, когда сели играть в большую игру, полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил. На другой день Чичиков провёл вечер у председателя палаты, который принимал гостей своих в

⁴⁵ Финифть — стекловидная раскрашенная масса, которой украшали (поливали) различные предметы.

⁴⁶ Лаконически — кратко (от названия страны Лаконии, где, по преданию, жители отличались краткостью речи).

⁴⁷ Разбитной малый — бойкий, развязный молодой человек.

халате, несколько зама́сленном, и в том числѣ двух каких-то дам. Потомъ был на вечерѣ у вице-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который, впрочем, стоил большого; на закуске после обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словом, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и в гостиницу приехал он с тем только, чтобы заснуть...

Все чиновники были довольны приездом нового лица. Губернатор об немъ изяснился, что он благонамеренный человек⁴⁸; прокурор — что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он учёный человек; председатель палаты, что он знающий и почтенный человек; полицеймейстер, что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера, что он любезнейший и обходительнейший человек. Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: «Я, душенька, был у губернатора на вечерѣ, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!» На что супруга отвечала: «Гм!» и толкнула его ногою.

Такое мнение, весьма лестное для гостя, составилось о немъ в городе, и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или, как говорят в провинциях, пассаж⁴⁹, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти весь город.

Вопросы.

1. Какие черты характера обнаружил Чичиков в первые дни пребывания в городе NN?
2. Какие характерные черты провинциального города старой России изображены в первой главѣ?
3. Как проводят время обитатели города NN?
4. Какие оценки дают Чичикову обитатели города? Какими чертами характера, какими поступками заслужил Чичиков эти оценки?

⁴⁸ Благонамеренный человек — в старой России так называли людей, придерживавшихся правильного (с точки зрения власти) образа мыслей.

⁴⁹ П а с с а ж — здесь: странный оборот дела.

Задание.

В приведённых ниже предложениях автор использует выделенные слова иронически:

дельный («Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда, наконец, предаются занятию дельному...» — здесь речь идёт о карточной игре);

мыслящий («Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своём мыслящую физиономию...»);

просвещённый («... в просвещённой России есть теперь весьма много почётных людей, которые без того не могут покушаться в трактире, чтобы не поговорить с слугою...»).

Придумайте предложения, в которых все эти слова были бы употреблены не иронически.

Глава II.

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и, таким образом, проводя, как говорится, очень приятно время. Наконец он решился перенести свой визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал слово...

... Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски⁵⁰ две-три клумбы с кустами сирени и жёлтых акаций; пять-шесть берёз небольшими кучами⁵¹ кое-где возносили свой мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них была беседка с плоским зелёным куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «храм уединённого размышления», пониже пруд, покрытый зеленью, что впрочем не в диковинку в английских⁵² садах русских помещиков. У подшвы этого возвышения, и частью по самому скату, темнели вдоль и поперёк серенькие бревенчатые избы, которые герой наш, неизвестно по

⁵⁰ Разбросаны по английски — разбросаны группами среди зелёных лужаек.

⁵¹ Кучы — группы.

⁵² Английский — английский.

каким причинам, в ту ж минуту принялся считать и насчитал более двух сот; нигде между ними растущего деревца, или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно. Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча⁵³ изорванный бредень⁵⁴, где видны были два запутавшиеся рака и блестящая попавшая плотва; бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебранивались. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светлосерого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самого мозга носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зеленом шалоновом⁵⁵ сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее, и улыбка раздвигалась более и более.

— Павел Иванович! — вскричал он наконец, когда Чичиков вылезал из брички. — Насилу вы-таки нас вспомнили!

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома...

Один бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть⁵⁶ и Манило-

⁵³ Кляч — деревянный шест, за который тянут бредень.

⁵⁴ Бредень — небольшая сеть (невод), которой ловят рыбу двое, ведя эту снасть вброд.

⁵⁵ Шалоновый — сделанный из шалона, шерстяной материи.

⁵⁶ Примкнуть — здесь: присоединить.

ва. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приёмах и оборотах его было что-то зайскивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: какой приятный и добрый человек! В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Чорт знает что такое!» — и отойдёшь подальше; если ж не отойдёшь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождёшься никакого живого или хоть заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснёшься задирающего его предмета... Дома он говорил очень мало, и большею частью размышлял и думал, но о чём он думал, тоже разве богу было известно. Хозяйством, нельзя сказать, чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою. Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», «Да, недурно», — отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить сделал привычку, когда ещё служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером; «да, именно не дурно», — повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою затылок, говорил: «Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать», «Ступай», — говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шёл пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход, или через пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выражение, впрочем, все эти прожéкты⁵⁷ так и оканчивались только одними словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложённая закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской⁵⁸ шёлковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла её не достало, и

⁵⁷ Пр о ж ё к т ы — проёкты.

⁵⁸ Щ е г о л ь с к а я — очень нарядная.

крёсла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они ещё не готовы». В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель». Вечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из тёмной бронзы с тремя античными грациями⁵⁹, с перламутрным щегольским щитом⁶⁰, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид⁶¹, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги...

... Порá возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрáшивая друг друга пройти вперёд.

— Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после, — говорил Чичиков.

— Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, — говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, — говорил Чичиков.

— Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

— Почему же образованному?.. пожалуйста, проходите.

— Ну, да уж извольте проходить вы.

— Да отчего же?

— Ну, да уж оттого! — сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.

— Позвольте мне вам представить жену мою, — сказал Манилов, — душенька! Павел Иванович!

Чичиков, точно, увидел даму, которую он совершенно было

⁵⁹ Античные грации — три древнеримские богини красоты.

⁶⁰ Перламутный (вернее: перламутровый) щегольский щит — щиток из перламутра, пропускающий свет, но смягчающий резкость пламени свечи.

⁶¹ Медный инвалид — в данном случае: старый медный подсвечник; инвалид — человек, потерявший трудоспособность; в переносном смысле: изношенная вещь.

не примѣтил, раскланиваясь в дверях с Маниловым. Она была недурна, одѣта к лицу. На ней хорошó сидѣл матерчатый шёлковый капóт⁶² бледного цвета; тонкая небольшая кисть руки её что-то бросила поспѣшно на стол и сжала батістовый платок с вышитыми уголками. Она поднялась с дивана, на котóром сидѣла. Чичиков не без удовольствия подошёл к её рúчке. Манилова проговорила, несколько даже картавя, что он очень обрадовал их своим приездом и что муж её, не проходило дня, чтобы не вспоминал о нём.

— Да, — промóлвил Манилов: — уж она бывало всё спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?». — «Погоди, душенька, приедет». А вот вы наконец и удостоили нас своим посещением. Уж такóе, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца...

Чичиков, услышавши, что дело уже дошло до именин сердца, несколько даже смутился и отвечал скромно, что ни громкого имени не имѣет, ни даже ранга⁶³ замѣтного.

— Вы всё имѣете, — прервал Манилов с такою же приятною улыбкою: — всё имѣете, даже ещё больше.

— Как вам показáлся наш город? — промóлвила Манилова. — Приятно ли провели там время?

— Очень хороший город, прекрасный город, — отвечал Чичиков: — и время провёл очень приятно; общество самое обходительное.

— А как вы нашли нашего губернатóра? — сказала Манилова.

— Не правда ли, что препотѣннейший и прелюбезнейший человек? — прибавил Манилов.

— Совершенная правда, — сказал Чичиков: — препотѣннейший человек. И как он вошёл в свою должность, как понимает её! Нужно желать побóльше таких людей.

— Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюдсти деликатность в своих поступках, — присовокупил⁶⁴ Манилов с улыбкою и от удовольствия почти зажмурил глаза, как кот, у котóрого слегка пощекотали за ушами пальцем.

— Очень обходительный и приятный человек, — продолжал

⁶² Капóт — лёгкая домашняя женская одѣжда.

⁶³ Ранг — разряд по службе, чин.

⁶⁴ Присовокупить — прибавить.

Чичиков; — и какой искúсник! я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивáет разные домашние узоры. Он мне показывал своей работы кошелёк: редкая дама может так искúсно вышить.

— А вице-губернáтор, не правда ли, какой милый человек? — сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза.

— Очень, очень достóйный человек, — отвечáл Чичиков.

— Ну — позволёте, а как вам показáлся полицеймэйстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

— Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начítанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурóром и председателем палáты до самых поздних петухов. Очень, очень достóйный человек.

— Ну, а какого вы мнения о женé полицеймэйстера? — прибáвила Манилова. — Не правда ли, прелсбэзная женщина?

— О, это одна из достóйнейших женщин, каких только я знаю, — отвечáл Чичиков.

Засим не пропустили председáтеля палáты, почтмэйстера и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самыми достóйными людьми.

— Вы всегда в деревне проводите время? — сделал наконец в свою очередь вопрос Чичиков.

— Больше в деревне, — отвечáл Манилов. — Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичáешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти.

— Правда, правда, — сказал Чичиков.

— Конечно, — продолжáл Манилов: — другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любэзности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье⁶⁵ этакое...

Здесь он ещё что-то хотел выразить, но, замéтивши, что несколько зарапоровáлся⁶⁶, ковырнул только рукою в воздухе и продолжáл:

⁶⁵ Паренье — буквáльно: плавное летание; здесь в перенóсном смысле: мечты о «возвышенных» предметах.

⁶⁶ Зарапоровáлся — запúтался.

— Тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого... Вот только иногда прочитаешь «Сын Отечества»⁶⁷.

Чичиков согласился с этим совершенно, прибавивши, что ничего не может быть приятнее, как жить в уединении, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

— Но знаете ли, — прибавил Манилов: — всё если нет друга, с которым бы можно поделиться...

— О, это справедливо, это совершенно справедливо! — преврал Чичиков, — что все сокровища тогда в мире! «Не имей денег, имей хороших людей для обращения», — сказал один мудрец.

— И знаете, Павел Иванович! — сказал Манилов, явя в лице своём выражение не только сладкое, но даже притворное⁶⁸, подобное той микстуре⁶⁹, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно⁷⁰, воображая ею обрадовать пациента⁷¹. — Тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение... Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастье, можно сказать, образцовое, говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...

— Помилуйте, что ж за приятный разговор?.. Ничтожный человек, и больше ничего, — отвечал Чичиков.

— О! Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным: я бы с радостью отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..

— Напротив, я бы пошёл с своей стороны за величайшее...

Неизвестно, до чего бы дошло взаимное изливание чувств обоих приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

— Прошу покорнейше, — сказал Манилов.

⁶⁷ «Сын Отечества» — журнал консервативного направления, издававшийся во времена Гоголя.

⁶⁸ Притворный — чрезмерно сладкий (иногда до тошноты сладкий).

⁶⁹ Микстура — жидкое лекарство, представляющее собой смесь нескольких лекарств.

⁷⁰ Засластил немилосердно — положил чересчур много сахара.

⁷¹ Пациент — больной, лечащийся у врача.

— Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столовых, у нас просто, по русскому обычаю щи, но от чистого сердца. Покорнейше прошу.

Тут они ещё несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец Чичиков вошёл боком в столовую.

В столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были в тех летах, когда сажают уже детей за стол, но ещё на высоких стульях. При них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою. Хозяйка села за свою суповую чашку; гость был посажен между хозяином и хозяйкою, слуга завязал детям на шею салфетки.

— Какие миленькие дети, — сказал Чичиков, посмотрев на них; — а который год?

— Старшему осмой, а меньшему вчера только минуло шесть, — сказала Манилова.

— Фемистоклус! — сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался освободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку.

Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое, отчасти греческое, имя, которому неизвестно почему Манилов дал окончание на *юс*, но постарался тотчас же привести лицо в обыкновенное положение.

— Фемистоклус, скажи мне, какой лучший город во Франции?

Здесь учитель обратил всё внимание на Фемистоклуса и, казалось, хотел ему вскочить в глаза, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Фемистоклус сказал:

— Париж.

— А у нас какой лучший город? — спросил опять Манилов. Учитель опять настроил внимание.

— Петербург, — отвечал Фемистоклус.

— А ещё какой?

— Москва, — отвечал Фемистоклус.

— Умница, душенька! — сказал на это Чичиков.

— Скажите однако ж... — продолжал он, обратившись тут же с некоторым видом изумления к Маниловым. — Я должен вам сказать, что в этом ребёнке будут большие способности.

— О, вы ещё не знаете его, — отвечал Манилов: — у него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшой, Алкид, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, ко-

зѣвку, так уж у него вдруг глазѣнки и забѣгают; побежит за ней следом и тотчас обратит вниманіе. Я его прочу по дипломатической части⁷². Фемистоклюс! — продолжал он, снова обратясь к нему, — хочешь быть посланником?

— Хочу, — отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево.

В это время стоявший позади лакѣй утѣр посланнику нос и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столѳм об удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замечаніями хозяйки о городском театре и об актѳрах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и как только замечал, что они были готовы усмехнуться, в ту же минуту открывал рот и смеялся с усердіем. Вероятно, он был человек признательный и хотел заплатить этим хозяину за хорошее обращеніе. Один раз впрочем лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал по столу, устремив глаза на сидѣвших насупротив его детѳй. Это было у места, потому что Фемистоклюс укусил за ухо Алкида, и Алкид, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положеніе и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиков отвечал всякий раз: «Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда».

Уже встали из-за столѳ. Манилов был доволен чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг гость объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

— В таком случае позволѣте мне вас попросить в мой кабинет, — сказал Манилов и повел в небольшую комнату, обращенную окном на синевший лес. — Вот мой уголѳк, — сказал Манилов.

— Приятная комнатка, — сказал Чичиков, окинувши ее глазами.

⁷² Прочу по дипломатической части — предполагаю сделать дипломатом; дипломат — деятель в области международных отношеній (посѳл, посланник и т. д.).

Комнатка была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской в роде серенькой, четыре стула, одно кресло, стол, на котором лежала книжка с заложеною закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть, несколько исписанных бума́г, но больше всего было табаку́. Он был в разных видах: в картуза́х⁷³ и в табачнице⁷⁴, и наконец насыпан был просто кучею на столе́. На обо́их окнах тоже помещены́ были горки выбитой из трубки золы́, расставленные не без старания очень красивыми рядка́ми. За́метно было, что это иногда́ доставляло хозяину препровождéние времени.

— Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах, — сказал Манилов. — Здесь вам будет попокойнее.

— Позвольте я сяду на стуле.

— Позвольте вам этого не позво́лить, — сказал Манилов с улыбкою. — Это кресло у меня уж ассигновано⁷⁵ для гостя: ради, или не ради⁷⁶, но должны́ сесть.

Чичиков сел.

— Позвольте мне вас попо́тчевать⁷⁷ трубочкою.

— Нет, не курю́, — отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожалéния.

— Отчего? — сказал Манилов тоже ласково и с видом сожалéния.

— Не сделал привычки, боюсь, говорят, трубка сушит.

— Позвольте мне вам за́метить, что это предубеждéние. Я полагаю́ даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку́ был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпуска́л изо рта трубки не только за столóм, но даже, с позво́ления сказа́ть, во всех прочих места́х. И вот ему́ тепе́рь уже́ сорок с лишком лет, но благодаря́ бога до сих пор так здоров, как нельзя́ лучше.

Чичиков за́метил, что это, точно, случáется и что в натуре⁷⁸ находится много вещей, неизьясных даже для обши́рного ума.

— Но позвольте прежде одну́ просьбу... — проговорил он голосом, в кото́ром отдалось како́е-то странное, или почти́ стран-

⁷³ Картузы́ — здесь: плотные бума́жные мешки.

⁷⁴ Табачница — корóбка для табакá.

⁷⁵ Ассигновано — здесь: предназначено.

⁷⁶ Ради — старинная форма слова «рады».

⁷⁷ Попо́тчевать — угостить.

⁷⁸ В натуре — здесь: в природе.

ное выражение, и вслед за тем неизвестно отчего оглянулся назад. Манилов тоже неизвестно отчего оглянулся назад.

— Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку⁷⁹?

— Да уж давно; а лучше сказать — не припомню.

— Как, с того времени много у вас умерло крестьян?

— А не могу знать, об этом, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человек, позови приказчика, он должен быть сегодня здесь.

Приказчик явился...

— Послушай, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?

— Да как сколько? Многие умирали с тех пор, — сказал приказчик, и при этом икнул, заслонив рот слегка рукою наподобие щитка.

— Да, признаюсь, я сам так думал, — подхватил Манилов: — именно очень многие умирали! — Тут он оборотился к Чичикову и прибавил ещё: — точно, очень многие.

— А как, например, числом? — спросил Чичиков.

— Да, сколько числом? — подхватил Манилов.

— Да как сказать числом? Ведь неизвестно, сколько умерло, их никто не считал.

— Да именно, — сказал Манилов, обратясь к Чичикову: — я тоже предполагал, большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло.

— Ты, пожалуйста, их перечти, — сказал Чичиков: — и сделай подробный реестрик всех поименно.

— Да, всех поименно, — сказал Манилов.

Приказчик сказал: «Слушаю!» и ушёл.

— А для каких причин вам это нужно? — спросил по уходе приказчика Манилов.

Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряжённое выражение, от которого он даже покраснел, напряжение что-то выразить не совсем покорное словам. И в самом деле, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких ещё никогда не слыхали человеческие уши.

— Вы спрашиваете, для каких причин? причины вот какие: я

⁷⁹ Подавать ревизскую сказку — подавать ревизию (см. объяснение во вступительном очерке, на стр. 157).

хотёл бы купитъ крестьян . . . — сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

— Но позволѣте спросить вас, — сказал Манилов: — как желаете вы купитъ крестьян, с землёю, или просто на вывод, то-есть без земли?

— Нет, я не то, чтобы совершенно крестьян, — сказал Чичиков: — я желаю имѣть мёртвых . . .

— Как-с? извините . . . я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово . . .

— Я полагаю приобрести мёртвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии, как живые, — сказал Чичиков.

Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол; и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут. Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперя друг в друга глаза⁸⁰, как те портреты, которые вешались встарину один против друго́го по обеим сторонам зеркала. Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядѣл снизу ему в лицо, стараясь высмотреть, не видно ли какой усмѣшки на губах его, не пошутил ли он, но ничего не было видно тако́го, напротив — лицо даже казало́сь степеннее обыкновеннаго; потом подумал, не спятил ли гость как-нибудь невзначай с ума⁸¹, и со страхом посмотрѣл на него пристально: но глаза́ гостя были совершенно ясны, не было в них дико́го, беспокойнаго огня, какой бегаёт в глазах сумасшедшаго человека, всё было прилично и в порядке. Как ни придумывал Манилов, как ему быть и что ему сделать, но ничего друго́го не мог придумать, как только выпустить изо рта оста́вшийся дым очень тонкою струёю.

— Итáк, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, неживых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить, или как вам заблагорассудится⁸² лучше.

Но Манилов так сконфузился и смешался⁸³, что только смотрѣл на него́.

— Мне кажется, вы затрудняетесь? — замѣтил Чичиков.

⁸⁰ Вперя друг в друга глаза́ — пристально смотря друг на друга; вперяться — пристально, не отрываясь, смотрѣть на что-нибудь.

⁸¹ Спятил с ума́ — сошёл с ума; невзначай — нечаянно.

⁸² Заблагорассудится — покажется нужным.

⁸³ Смешался — смутился.

— Я?... нет, я не то, — сказал Манилов: — но я не могу постычь⁸⁴... извините... я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении; не имею высокого искусства выражаться... Может быть, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое... Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

— Нет, — подхватил Чичиков: — нет, я разумею предмет такой, как есть, то-есть те души, которые точно уже умерли.

Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос — чорт его знает. Кончил он наконец тем, что выпустил опять дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

— Итак, если нет препятствий, то с богом можно бы приступить к совершению купчей крепости⁸⁵, — сказал Чичиков.

— Как, на мёртвые души купчую?

— А, нет! — сказал Чичиков. — Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я прибик ни в чём не отступать от гражданских законов⁸⁶, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон — я немёю пред законом.

Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он всё-таки никак не вник и вместо ответа принялся насыпать свой чубук так сильно, что тот начал наконец хрипеть, как фাগот⁸⁷. Казалось, как будто он хотел вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего.

— Может быть, вы имёете какие-нибудь сомнения?

— О, помилуйте, ничуть! Я не насчёт того говорю, чтобы имел какое-нибудь, то-есть критическое, предсуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или чтоб

⁸⁴ Постычь — понять.

⁸⁵ Купчая крепость — документ, закреплявший продажу недвижимого имущества (земли, дома, крепостных крестьян).

⁸⁶ Гражданские законы — законы, определяющие имущественные отношения между гражданами, то-есть касающиеся владения движимым и недвижимым имуществом, продажи, покупки и т. п.

⁸⁷ Ф а г о т — музыкальный духовой деревянный инструмент с характерным хрипловато-гнусавым звуком.

ещё более, так сказать, выразиться, негoция⁸⁸... Так не будет ли эта негoция несоответствующею граждaнским постановлeниям и дальнeйшим видам России?

Здeсь Манилов, сделавши некоторое движeние головою, посмотрeл очень значитeльно в лицo Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражeние, какoго, может быть, и не видано было на чeловеческом лицe, разве только у какoго-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.

Но Чичиков сказа́л просто, что подобное предприятие, или негoция, никак не будет несоответствующею граждaнским постановлeниям и дальнeйшим видам России, а через минуту потoм прибавил, что казна́ получит даже выгоды, ибо получит законные пошлины⁸⁹.

— Так вы полага́ете?..

— Я полагаю, что это будет хорошо́.

— А если хорошо́, это другое дело: я против этого ничего́, — сказал Манилов и совершенно́ успокоился.

— Тепeрь остаётся услoвиться в цене́... .

— Как в цене́? — сказа́л опять Манилов и остано́вился. — Неужели вы полага́ете, что я стану брать деньги за души, кото́рые в некотором роде окoнчили своё существова́ние. Если уж вам пришло́ этакое, так сказа́ть, фантастическое желaние, то с своeй стороны́ я передаю их вам безынтерeсно⁹⁰ и купчую беру на себя́.

Великий упрёк был бы историку предлагаемых событiй, если бы он упусти́л сказа́ть, что удовольствие одолело́ гостя после таких слов, произнесённых Маниловым. Как он ни был степeнен и рассудителен, но тут чуть не произвёл даже скачок по образцу́ козла́, что, как известно́, производится только в самых сильных порывах радости. Он поворо́тился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная́ материя́, обтягивавшая подушку; сам Манилов посмотрeл на него́ в некотором недоумeнии. Побуждённый признaтельностью, он наговорил тут же столько́ благодарностей, что тот смешался, весь покраснeл,

⁸⁸ Негoция (устаревшее слово) — торго́вая сделка.

⁸⁹ Пошли́на — госуда́рственный денежный сбор, вид на́лога, взимаемого с това́ров и иму́ществ, а также со сделок, контроли́руемых госуда́рством.

⁹⁰ Безынтерeсно — без выгоды для себя, т. е. бесплатно.

производи́л голово́ю отрица́тельный жест и наконѣц уже́ вырази́лся, что это суще́е ниче́го, что он, точно, хоте́л бы доказа́ть чем-нибудь се́рдѣчное влече́ние, магнетизм ду́ш, а уме́ршие души в некото́ром роде соверше́нная дрянь.

— Очень не дрянь, — сказал Чичиков, пожа́в ему руку. Здесь был испу́щен очень глубо́кий вздох. Каза́лось, он был на-стро́ен к се́рдѣчным излия́ниям; не без чувства и выраже́ния произне́с он наконѣц следующие слова́:

— Если бы вы знали, ка́кую услу́гу оказа́ли сей, повиди-мому, дрянью человеку без племени и роду! Да, и действите́льно чего́ не потерпе́л я? как барка ка́кая-нибудь среди́ свирѣ́пых волн... Ка́ких гонѣ́ний, ка́ких пресе́дований не испы́тал, ка́кого горя́ не вкуси́л, а за что? за то, что соблю́дал правду, что был чист на своѣ́й совести, что подава́л руку и вдвои́це беспомощной и сироте́-горемы́ке?.. — Тут даже он отѣр платко́м выкатившуюся слезу́.

Манилов был соверше́нно растро́ган. Оба прия́теля долго жали друг другу руку и долго смотре́ли молча оди́н друго́му в глаза́, в кото́рых видны́ были наведе́нные слѣ́зы. Манилов ника́к не хоте́л выпустить руки́ нашего́ геро́я и продо́лжал жать её так горячо́, что тот уже́ не знал, как её выру́чить. Наконец, выдернувши её потихо́ньку, он сказал, что не худо бы купчую соверши́ть поскорѣе и хорошо́ бы, если бы он сам понаве́дался в город. Потомъ взял шляпу и стал откла́ниваться.

— Как? вы уж хотите ехать? — сказал Манилов, вдруг очну́вшись и почти испуга́вшись.

В это время вошла́ в кабинѣ́т Манилова.

— Лизанька, — сказал Манилов с несколько́ жалостливым видом: — Павел Иванович оставляет нас!

— Потому́ что мы надо́ели Павлу Ивановичу, — отвеча́ла Манилова.

— Сударыня! здесь, — сказал Чичиков: — здесь, вот где, — тут он положи́л руку на сердце: — да, здесь пребу́дет приятность времени, проведенного с вами! и пове́рьте, не было бы для меня́ больша́го блаже́нства⁹¹, как жить с вами, если не в од-но́м доме, то, по крайней мере, в самом ближайше́м сосѣ́дстве.

— А знаете, Павел Иванович, — сказал Манилов, кото́рому очень понра́вилась та́кая мысль, — как было бы в самом деле

⁹¹ Блаже́нство — счастье.

хорошо, если бы жить этак вместе, под одной кровлею, или под тенью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чём-нибудь, углубиться!..

— О! это была бы райская жизнь! — сказал Чичиков вздохнувши. — Прощайте, сударыня! — продолжал он, подходя к ручке Маниловой. — Прощайте, почтеннейший друг! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте уверены! — отвечал Манилов. — Я с вами расстаюсь не долее как на два дня. — Все вышли в столовую.

— Прощайте, миленькие малютки! — сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа. — Прощайте, мой крошки. Вы извините меня, что я не привёз вам гостинца, потому что, признаюсь, не знал даже, живёте ли вы на свете; но теперь как приеду, непременно привезу. Тебе привезу саблю; хочешь саблю?

— Хочу, — отвечал Фемистоклюс.

— А тебе барабан; не правда ли, тебе барабан? — продолжал он, наклонившись к Алкиду.

— Парapan, — отвечал шопотом и потупив голову Алкид.

— Хорошо, я тебе привезу барабан. Такой славный барабан, этак всё будет: турrrrr... ру... Тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай, — тут поцеловал он его в голову и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей.

— Право останьтесь, Павел Иванович! — сказал Манилов, когда уже все вышли на крыльцо. — Посмотрите, какие тучи.

— Это маленькие тучки, — отвечал Чичиков.

— Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?

— Об этом хочу спросить вас.

— Позвольте, я сейчас расскажу вашему кучеру.

Тут Манилов с такою же любезностью рассказав дело кучеру, и сказал ему даже один раз *вы*.

Кучер, услышав, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третий, сказал: «Потрафим⁹², ваше благородие», и Чичиков уехал, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочках хозяев.

⁹² Потрафим — угодим, сделаем по вкусу.

Задания.

I. Скажите, какие черты в характере Манилова являются основными.

II. Покажите на примерах из произведения, как отражён характер Манилова в описании:

- а) усадьбы и деревни;
- б) обстановки его дома;
- в) его наружности;
- г) обеда у Манилова;
- д) в сцене сделки с Чичиковым;
- е) в речи его (в манере говорить, в подборе слов и выражений).

III. Охарактеризуйте отношение Манилова к хозяйству.

IV. Опишите времяпрепровождение Манилова.

V. Расскажите словами, близкими к тексту, сцену перед дверями в гостиной. Какие черты героев обнаруживаются в этой сцене?

Покинув усадьбу Манилова, Чичиков направился к Собакевичу, но по дороге заблудился и ночью под дождём наткнулся на какой-то двор. Оказалось, что это усадьба помещицы Коробочки, хозяйственной, но невежественной старухи. Чичиков переночевал у неё, а наутро завёл с ней разговор о покупке мёртвых душ. Коробочка с трудом поняла, чего хочет Чичиков. В конце концов она продала ему мёртвые души за 15 руб. ассигнациями⁹³.

Расставшись с Коробочкой, Чичиков заехал в трактир, где встретился с помещиком Ноздрёвым, с которым он познакомился в городе.

Ноздрёв уговорил Чичикова заехать к нему в усадьбу.

Чичиков попытался и с Ноздрёвым договориться о мёртвых душах. После долгих споров Ноздрёв предложил Чичикову сыграть с ним партию в шашки, причём в случае выигрыша Чичиков получает мёртвые души. Чичиков согласился, но с первых же ходов Ноздрёв стал играть нечестно. Чичиков отказался играть с ним. Произошла ссора, которая могла бы закончиться для Чичикова печально, если бы не была прервана появлением капитана-исправника⁹⁴. Он сообщил, что Ноздрёв привлечён к суду «по случаю нанесения помещику Манилову личной обиды розгами в пьяном виде». Чичиков воспользовался появлением исправника и поспешил уехать от Ноздрёва.

Глава V.

[Чичиков едет к Собакевичу. Он погружён в размышления, вызванные встречей с экипажем, в котором ехали две неизвестные дамы.]

... Показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли и заставила их обратиться к своему постоянному предмету.

⁹³ Ассигнации — бумажные деньги, которые в то время ценились в $3\frac{1}{2}$ раза дешевле серебряных, которые имели хождение наряду с ассигнациями.

⁹⁴ Капитан-исправник — начальник уездной полиции.

Дерёвня показáлась ему дово́льно велика́; два леса, берёзовый и сосновый, как два крыла́ — одно́ темне́е, друго́е светле́е, были у ней справа и слева; посре́ди видне́лся деревя́нный дом с мезони́ном, красной крышей и темносéрыми или, лучше, дикими стена́ми, — дом вроде тех, каки́е у нас строят для во́енных поселе́ний и неме́цких колони́стов. Было за́мётно, что при постройке его зодчий¹ беспрестáнно боро́лся со вкусом хозя́ина. Зодчий был педáнт² и хоте́л симме́трии, хозя́ин — удо́бства и, как видно, вследствие того́, заколотил на одной стороне́ все отве́чающие окна и поверте́л на место их одно маленькое, вероятно пона́добившееся для тёмного чула́на. Фронтон³ тоже никак не пришёлся посре́ди дома, как ни бился архите́ктор, потому что хозя́ин прика́зал одну коло́нну сбоку выкинуть, и оттого очути́лось не четыре коло́нны, как было назна́чено, а только три. Двор окру́жён был крепкою и непоме́рно толстою деревя́нною решёткой. Помещик, ка́залось, хлопота́л много о прочно́сти. На коню́шни, сара́и и кухни были употребле́ны полновесные и толстые брёвна, определённые на вековóе стояние. Дереве́нские избы мужико́в тоже срублены были на диво: не было кирпичных стен⁴, резных узóров и прочих зате́й, но всё было при́гнано плотно и как сле́дует. Даже коло́дец был обде́лан в такой крепкий дуб, ка́кой идёт только на мельницы да на корабли́. Словом, всё, на что ни гляде́л он, было упо́ристо, без пошáтки, в ка́ком-то крепком и неуклю́жем поря́дке. Подъезжа́я к крыльцу́, за́мечил он выглянувшие из о́кна, почти́ в одно время, два лица́: женское в чепце́, узкое, длинное, как огуре́ц, и мужско́е, круглое, широ́кое, как молдава́нские тыквы, назывáемые горля́нками, из кото́рых делают на Руси́ балала́йки двухстру́нные, лёгкие балала́йки, красу́ и потеху ухва́тливому⁵ двадцатилётне́го парня, мига́ча⁶ и щёголя⁷, и подми́гивающего и посвистывающего на белогу́дых и белошейных деви́ц, собра́вшихся послу́шать его тихостру́нного тренканы́я. Выглянувши, оба лица́ в ту же мину́ту спрятались.

¹ Зодчий — строитель, архите́ктор.

² Педáнт — формали́ст, слепо следующи́й устано́вленным правилам.

³ Фронтон — часть фаса́да, ограни́ченная двумя́ скатами́ крыши, име́ющая обы́чно форму́ треу́гольника.

⁴ Кирпичные стены́ — гладко вы́тесанные стены́.

⁵ Ухва́тливый — ловкий.

⁶ Мига́ч — подми́гивающий.

⁷ Щёголь — любя́щий наря́дно одева́ться.

На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником и ввёл Чичикова в сени, куда вышел уже сам хозяин. Увидев гостя, он сказал отрывисто: «Прошу!» и повёл его во внутренние жилья.

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нём был совершенно медвежьего цвета, рукава длинные, панталоны длинные, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги. Цвет лица имел калёный, горячий, какой бывает на медном пятакé. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура не долго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча, хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: «Живёт!» Такой же самый крепкий и на диво стачанный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем вверх, шей не ворочал вовсе и в силу такого неповорота редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков ещё раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую: медведь! совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михаилом Семёновичем. Зная привычку его наступать на ноги, он очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперёд. Хозяин, казалось, сам чувствовал за собою этот грех и тот же час спросил: «Не побеспокобил ли я вас?». Но Чичиков поблагодарил, сказав, что ещё не произошло никакого беспокойства.

Вошёл в гостиную, Собакевич показал на кресла, сказавши опять: «Прошу!» Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах всё были молодцы, всё греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Канари⁸. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслышанными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими

⁸ Маврокордато, Миаули, Канари, Бобелина — греческие революционные деятели 20-х годов XIX в., принимавшие участие в борьбе против турок за независимость Греции. Борьба эта вызвала к себе сочувствие в русском дворянском обществе.

греками, неизвѣстно какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратионъ⁹, тощий, худенький, с маленькими знамѣнами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. Потомъ опять следовала героиня греческая Бобелина¹⁰, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняютъ нынѣшние гостиныя. Хозяин, будучи сам человекъ здоровый и крепкий, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крепкие и здоровые. Возле Бобелины, у самого окна, висѣла клетка, из которой глядѣлъ дроздъ тѣмного цвета с белыми крапинками, очень похожий тоже на Собакевича. Гость и хозяин не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиную отворилась, и вошла хозяйка, дама весьма высокая, в чепцѣ с лентами, перекрашенными домашнею краской. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ пальма.

— Это моя Феодулия Ивановна! — сказал Собакевич.

Чичиков подошелъ к ручке Феодулии Ивановны, которую она почти впихнула ему в губы, причѣмъ он имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ рассоломъ.

— Душенька, рекомандую тебе, — продолжалъ Собакевич, — Павелъ Ивановичъ Чичиков! У губернатара и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.

Феодулия Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: «Прошу!» и сделавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ меринцовымъ¹¹ платкомъ и уже не двинула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидалъ Канари с толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда в клетке.

Почти в теченіе целыхъ пяти минутъ все хранили молчаніе; раздавался только стук, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клетки, на дне которой удил онъ хлебныя зѣрнышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что в ней ни было, — все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство с самимъ хозяиномъ дома. В углу гостиной

⁹ Багратионъ — русский генералъ, прославившійся во время войны с Наполеономъ.

¹⁰ Бобелина — см. сноску выше.

¹¹ Меринцовый — сделанный из тонкой овечьей шерсти.

стояло пузатое ореховое бюро¹² на пренелёпых четырёх ногах, совершенный медведь. Стол, кресла, стулья — всё было самого тяжёлого и беспокойного свойства, словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!»

— Мы об вас вспоминали у председателя палаты, у Ивана Григорьевича, — сказал, наконец, Чичиков, видя, что никто не располагаетеся начинать разговора, — в прошедший четверг. Очень приятно провели там время.

— Да, я не был тогда у председателя, — отвечал Собакевич.

— А прекрасный человек!

— Кто такой? — сказал Собакевич, глядя на угол печи.

— Председатель.

— Ну, может быть, это вам так показалось; он только что масон¹³, а такой дурак, какого свет не производил.

Чичиков немного озадачился таким отчасти резким определением, но потом, поправившись, продолжал: «Конечно, всякий человек не без слабостей, но зато губернатор — какой превосходный человек!»

— Губернатор превосходный человек?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойник в мире!

— Как, губернатор разбойник? — сказал Чичиков и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники.

— Признаюсь, этого я бы никак не подумал, — продолжал он.

— Но позвольте, однако же, заметить: поступки его совершенно не такие; напротив, скорее даже мягкости в нём много. — Тут он привёл в доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался с похвалою об ласковом выражении лица его.

¹² Бюро — вид письменного стола с большими ящиками для хранения бумаг, на котором пишут стоя.

¹³ Масоны — члены религиозных обществ, существовавших в России (и в Западной Европе) в XVIII и XIX вв. В разные периоды эти общества в различной степени выступали против старых порядков. В глазах реакционной и консервативной части русского общества масоны представлялись революционерами, и кличка «масон» обозначала *революционер, вольнодумец* (то-есть думающий не так, как принято).

— И лицó разбóйничье! — сказал Собакевич. — Дайте ему только нож, да выпустите его на большúю доро́гу, — зарéжет, за копéйку зарéжет! Он да ещё вице-губернáтор — это Гóга и Магóга¹⁴.

«Нет, он с ними не в лада́х, — подумал про себя Чичиков. — А вот заговорю я с ним об полицеймэйстере? Он, кажется, друг его».

— Впрочем, что до меня, — сказал он: — мне, признаюсь, более всех нравится полицеймэйстер. Какóй-то этакой характер прямой, открытый, в лице́ видно что-то простосердечное.

— Мошенник! — сказа́л Собакевич очень хладнокрòвно, — прода́ст, обмáнет, ещё и пообéдает с вами! Я их знаю всех: это всё мошенники, весь город там такóй: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христорода́вцы. Один там только есть поря́дочный человек: прокурóр; да и тот, если сказа́ть правду, свинья́.

После таких похва́льных, хотя́ несколько кратких, биографий Чичиков уви́дел, что о други́х чиновниках нечего упоминáть, и вспомнил, что Собакевич не любил ни о ком хорошо́ отзывáться.

— Что ж, душенька, пойдём обéдать, — сказа́ла Собакевичу его супрúга.

— Прощу́! — сказал Собакевич. Заси́м, подоше́вши к столу́, где была́ заку́ска, гость и хозяин выпили, как следует, по рюмке водки, закуси́ли, как закусы́вает вся пространная Россия по города́м и дере́вням, то-есть всякими солёностями и иными возбужда́ющими благодáтями, и потекли́ все в столо́вую; впереди́ их, как плавный гусь, понесла́сь хозяйка. Небольшо́й стол был накры́т на четыре прибо́ра. На четвёртое место яви́лась очень скоро, трудно сказа́ть утверди́тельно, кто така́я, дама или деви́ца, родственница, домовóдка или, просто, прожива́ющая в доме: что-то без чепца́, около тридцати лет, в пёстром платке́. Есть лица, котóрые существу́ют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидя́т они на том же месте, одина́ково держат голову, их почти́ гото́в принять за мебель и думаешь, что отроду ещё не выходило́ слово

¹⁴ Гóга и Магóга — имена́ легендарных, фантастических царей из «священнаго писания́» — библии. Выражение́ это употребля́лось для обозначения́ тёмной, враждебной силы́.

из таких уст; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется просто: о-го-го!

— Ши, моя душа, сегодня очень хороший! — сказал Собакевич, хлебнувши шей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подаётся к шам и состоит из бараньего желудка, начинённого гречневой кашей, мозгом и ножками. — Эдакой няни, — продолжал он, обратившись к Чичикову, — вы не будете есть в городе, там вам чорт знает что подадут!

— У губернатора, однакож, недурён стол, — сказал Чичиков.

— Да знаете ли, из чего это всё готовится? вы есть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, как готовится, об этом я не могу судить, но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вам так показалось. Ведь я знаю, что они на рынке покупают. Купит вон тот каналья повар, что выучился у француза, котá, обдерёт его да и подаёт на стол вместо зайца.

— Фу! какую ты неприятность говоришь, — сказала супруга Собакевича.

— А что ж, душенька, так у них делается, я не виноват, так у них у всех делается. Всё что ни есть ненужного, что Акúлька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп! да в суп! туда его!

— Ты за столом всегда эдакое расскажешь! — возразила опять супруга Собакевича.

— Что ж, душа моя, — сказал Собакевич, — если б я сам это делал, но я тебе прямо в глаза скажу, что я гадостей не стану есть. Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму её в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана, — продолжал он, обращаясь к Чичикову, — это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе¹⁵, что делаются на барских кухнях из баранины, какáя суток по четыре на рынке валяется! Это всё выдумали докторá немцы да французы, я бы их перевешал за это! Выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкоко́стная натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят! Нет, это всё не то, это всё выдумки, это всё... — Здесь Собакевич даже сердито покачал го-

¹⁵ Фрикасе — название кушанья.

ловію. — Толку́ют просвещѣнье, просвещѣнье, а это просвещѣнье — фук! Сказал бы и другіе слово, да вот только что за столѡм неприлично. У меня не так. У меня когда свиніна, всю свинью давай на стол; баранина, всего барана тащи; гусь, всего гуся! Лучше я съем двухъ блюд, да съем в меру, как душа́ требует.

Собакевич подтвердил это делом: он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел всё, обгрыз, обсосал до послѣдней косточки.

«Да, — подумал Чичиков, — у этого губа не дура».

— У меня не так, — говорил Собакевич, вытирая салфѣткою руки, — у меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: 800 душ имѣет, а живѣт и обѣдает хуже моего пастуха!

— Кто такой этот Плюшкин? — спросил Чичиков.

— Мошенник, — отвечал Собакевич. — Такой скряга, какого вообразить трудно. В тюрьме колѡдники¹⁶ лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом.

— Вправду! — подхватил с участіем Чичиков, — и вы говорите, что у него, точно, люди умирают в большѡм количествѣ?

— Как мухи мрут.

— Неужели как мухи! А позвольте спросить, как далеко живѣт он от вас?

— В пяти верстах.

— В пяти верстах! — воскликнул Чичиков и даже почувствовал небольшое сердечное биение. — Но если выехать из ваших ворот, это будет направо или налево?

— Я вам даже не советую дороги знать к этой собаке! — сказал Собакевич. — Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему.

— Нет, я спросил не для каких-либо... а потому только, что интересуюсь познанием всякого рода мест, — отвечал на это Чичиков.

За бараньим боком послѣдовали ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом индюк ростом в телѣнка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печѣнками и ни весть чем, что всё ложилось комом в желѣдке. Этим обѣд и кончился, но когда встали из-за стола, Чичиков почувствовал в себе тяжесть на целый пуд больше. Пошли в гостиную, где уже

¹⁶ Колѡдники — арестанты.

очутилось на блюдечке варенье, ни груша, ни слива, ни иная ягода, до которого, впрочем, не дотронулись ни гость, ни хозяин. Хозяйка вышла с тем, чтобы накласть его и на другие блюдечки. Воспользовавшись её отсутствием, Чичиков обратился к Собакевичу, который, лёжа в креслах, только покряхтывал после такого сытного обеда и издавал ртом какие-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиков обратился к нему с такими словами:

— Я хотёл бы поговорить с вами об одном дельце.

— Вот ещё варенье! — сказала хозяйка, возвращаясь с блюдечком, — редька, вареная в меду!

— А вот мы его после! — сказал Собакевич. — Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленко приотдохнём!

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяин сказал: «Ничего, мы отдохнём в креслах», и хозяйка ушла.

Собакевич слегка принагнул голову, приготовляясь слушать, в чём было дельце.

Чичиков начал как-то очень отдалённо, коснулся вообще всего русского государства, и отозвался с большою похвалою об его пространстве, сказал, что даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются... Собакевич всё слушал, наклонивши голову. И что по существующим положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакож, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми, чтоб таким образом не обременить присутственные места множеством мелких и бесполезных справок и не увеличивать сложность, и без того уже весьма сложного, государственного механизма... Собакевич всё слушал, наклонивши голову, — и что, однакоже, при всей справедливости этой меры она бывает отчасти тягостна для многих владельцев, обязывая их взносить подати так, как бы за живой предмет, и что он, чувствуя уважение личное к нему, готов бы даже отчасти принять на себя эту действительно тяжёлую обязанность. Насчёт главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующими.

Собакевич слушал всё, попрежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалося на лице его.

Казáлось, в этом теле совсём не было душй, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а как у бессмёртного кощя¹⁷, где-то за горáми и закрыта такою толстою скорлупою, что всё, что ни ворóчалось на дне её, не производило решительного никакого потрясёния на повёрхности.

— Итáк?.. — сказал Чичиков, ожидáя не без некоторого волнёния отвёта.

— Вам нужно мёртвых душ? — спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивлёния, как бы речь шла о хлебе.

— Да, — отвечáл Чичиков, и опять смягчил выражéние, прибáвивши: — несуществующих.

— Найдутся, почему не быть... — сказал Собакевич.

— А если найдутся, то вам, без сомнёния... будет приятно от них избáвиться?

— Извольте, я готóв продáть, — сказал Собакевич, ужé несколько приподнявши голову и смекнувши, что покупатель, верно, должен имéть здесь какую-нибудь выгоду.

— Чорт возьми, — подумáл Чичиков про себя, — этот уж продаёт прежде, чем я заикнулся! — и проговорил вслух: — А напримёр, как же ценá, хотя, впрочем, это такой предмет... что о ценé даже странно...

— Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублёй за штуку! — сказáл Собакевич.

— По сту! — вскричáл Чичиков, разинув рот и поглядéвши ему в самые глазá, не зная, сам ли он ослышался, или язык Собакевича по своéй тяжёлой натуре, не так поворотившись, брякнул¹⁸, вместо одного, другоé слово.

— Что ж, разве это для вас дорого? — произнёс Собакевич, и потóm прибáвил: — А какáя бы, однакож, ваша ценá?

— Моя ценá! Мы, верно, как-нибудь ошйблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чём состоит предмет. Я полагаю, с своéй стороны, положá руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная ценá!

— Эк кудá хватйли — по восьми гривенок!

— Что ж, по моему суждёнйю, как я думаю, больше нельзя.

— Ведь я продаю не лапти.

— Однакож согласйтесь сами: ведь это тоже и не люди.

¹⁷ Бессмёртный кощей — сказочное злое существó.

¹⁸ Брякнул — здесь: неосторóжно сказал, не подумав сказал.

— Так вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?

— Но позвольте: зачем вы их называете ревизскими, ведь души-то самые давно уже умерли, остался один неосязаемый чувствами звук. Впрочем, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части, по полтора рубля, извольте, дам, а больше не могу.

— Стыдно вам и говорить такую сумму! вы торгуйтесь, говорите настоящую цену!

— Не могу, Михаил Семёнович, поверьте моей совести, не могу: чего уж невозможно сделать, того невозможно сделать, — говорил Чичиков, однакож по полтинке ещё прибавил.

— Да чего вы скупитесь? — сказал Собакевич, — право, недорого! Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядрёный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам и обобьет, и лаком покробет!

Чичиков открыл рот с тем, чтобы заметить, что Михеева, однакоже, давно нет на свете, но Собакевич вошёл, как говорится, в самую силу речи, откуда взялась рысь и дар слова.

— А Пробка Степан, плотник? я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика. Ведь что за сила была! Служил он в гвардии, ему бы бог знает что дали, трёх аршин с вершком ростом!

Чичиков опять хотел заметить, что и Пробки нет на свете, но Собакевича, как видно, пронесло: полились такие потоки речей, что только нужно было слушать.

— Милушкин, кирпичник! мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнёт, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо¹⁹, и хоть бы в рот хмельного. А Еремей Сорокоплёхин! да этот мужик один станет за всех, в Москве торговал, одного оброку приносил по пятисот рублей. Ведь вот какой народ! Это не то, что вам продаст какой-нибудь Плюшкин.

¹⁹ Что сапоги — то и спасибо... — каждая пара сделанных им сапог так хороша, что заслуживает благодарности.

— Но позволѣте, — сказал, наконец, Чичиков, изумлѣнный таким обильным наводнѣнием речей, которыми, казалось, и конца не было, — зачѣм вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это всё народ мѣртвый. Мѣртвым телом хоть забор подпирай, говорит пословица.

— Да, конечно, мѣртвые, — сказал Собакевич, как бы одумавшись и припомнив, что они в самом деле были уже мѣртвые, а потом прибавил: — впрочем, и то сказать: что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? мухи, а не люди.

— Да всё же они существуют, а это ведь мечта.

— Ну нет, не мечта! Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщете: машиница такая, что в эту комнату не войдет: нет, это не мечта. А в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади; хотел бы я знать, где бы вы в другом месте нашли такую мечту! — Последние слова он уже сказал, обратившись к висевшим на стене портретам Багратиона и Колокотрони, как обыкновенно случается с разговаривающими, когда один из них вдруг, неизвестно почему, обратится не к тому лицу, к которому относятся слова, а к какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, от которого, знает, что не услышит ни ответа, ни мнения, ни подтверждения, но на которого, однакож, так устремит взгляд, как будто призывает его в посредники; и несколько смешавшийся в первую минуту незнакомец не знает, отвечать ли ему на то дело, о котором ничего не слышал, или так постоять, соблюдши надлежащее приличие, и потом уже уйти прочь:

— Нет, больше двух рублей я не могу дать, — сказал Чичиков.

— Извольте, чтоб не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сделать вам никакого одолжения, извольте по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями, право, только для знакомства!

«Что он в самом деле, — подумал про себя Чичиков: — за дурака что ли принимает меня...» И прибавил потом вслух:

— Мне странно, право: кажется, между нами происходит какое-то театральное представлѣние, или комедия, иначе я не могу себе объяснить... Вы, кажется, человек довольно умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто: фу-фу. Что ж он стоит? кому нужен?

— Да, вот, вы же покупаете; стало быть, нужен.

Здесь Чичиков закусил губы и не нашёлся что отвечать. Он стал было говорить про какие-то обстоятельства фамильные и семейственные, но Собакевич отвечал просто:

— Мне не нужно знать, какие у вас отношения: я в дела фамильные не мешаюсь, — это ваше дело. Вам понадобились души, я и продаю вам, и будете раскисаться, что не купили.

— Два рублика, — сказал Чичиков.

— Эх, право, затвердила сорока Якова одно про всякого, как говорит пословица; как наладили на два, так не хотите с них и съехать. Вы давайте настоящую цену!

«Ну, уж чорт его поберёт, — подумал про себя Чичиков: — по полтине ему прибавлю, собаке, на орехи!» — Извольте, по полтине прибавлю.

— Ну, извольте, и я вам скажу тоже моё последнее слово: пятьдесят рублей! право, убыток себе, дешевле нигде не купите такого хорошего народа!

«Экой кулак», — сказал про себя Чичиков и потом продолжал вслух с некоторою досадою:

— Да что в самом деле... как будто точно сурьёзное дело; да я в другом месте нипочём возьму. Ещё мне всякий с охотой сбудет их, чтобы только поскорей избавиться. Дурак разве станет держать их при себе и платить за них подати!

— Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительны, и расскажи я, или кто иной — такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или вступления в какие-нибудь выгодные обязательства.

«Вишь куда метит подлец!» — подумал Чичиков и тут же произнёс с самым хладнокровным видом:

— Как вы себе хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, как вы думаете, а так... по наклонности собственных мыслей. Два с полтиною не хотите — прощайте!

«Его не собьёшь, неподатлив!» — подумал Собакевич. — Ну, бог с вами, давайте по тридцати и берите их себе!

— Нет, я вижу, вы не хотите продать, прощайте!

— Позвольте, позвольте! — сказал Собакевич, не выпуская его руки и наступив ему на ногу, ибо герой наш позабыл поберечься, в наказание за что должен был зашипеть и подскокить на одной ноге.

— Прошу прощенья! я, кажется, вас побеспокоил. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу! — Здесь он усадил его в кресла с некоторою даже ловкостью, как такой медведь, который уже бывал в руках, умеет и перевёртываться и делать разные штуки на вопросы: — а покажи, Миша, как бабы парятся? или: а как, Миша, малые ребята горох крадут?

— Право, я напрасно время трачу, мне нужно спешить.

— Посидите одну минуточку, я вам сейчас скажу одно приятное для вас слово. — Тут Собакевич подсел поближе и сказал ему тихо на ухо, как будто секрет: — хотите угол²⁰?

— То-есть двадцать пять рублей? Ни, ни, ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю.

Собакевич замолчал. Чичиков тоже замолчал. Минуты две длилось молчанье. Багратион с орлиным носом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку.

— Какая же ваша будет последняя цена? — сказал, наконец, Собакевич.

— Два с полтиною.

— Право, у вас душа человеческая всё равно, что пареная репа. Уж хоть по три рубля дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего с вами делать, извольте! Убыток, да уж нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему²¹. Ведь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобы всё было в порядке.

— Разумеется.

— Ну вот то-то же, нужно будет ехать в город.

Так совершилось дело. Оба решили, чтобы завтра же быть в городе и управиться с купчей крепостью. Чичиков попросил списочка крестьян. Собакевич согласился охотно и тут же, подошед к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств.

А Чичиков, от нечего делать, занялся, находясь позади, рассматриваньем всего просторного его оклада. Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских, приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят на

²⁰ Угол — здесь слово угол обозначает четвертую часть сотни, то есть 25 рублей.

²¹ Ближний — здесь: человек вообще.

троту́арах, не мог не воскликнуть внутренно: «Эк награди́л-то тебя бог! вот уж, точно, как говоря́т, нелáдно скроен, да крепко сшит²²! Роди́лся ли ты уж так медвѣдем, или омедвѣдила тебя захолу́стная²³ жизнь, хлебные посе́вы, возня́ с мужика́ми, и ты через них сделался то, что называ́ют человек-кула́к? Но нет: я думаю, ты всё был бы тот же, хотя бы даже воспита́ли тебя по моде, пусти́ли бы в ход и жил бы ты в Петербу́рге, а не в захолу́стье. Вся разли́ца в том, что тепе́рь ты упи́шешь полба́ра́ньего бока с каше́й, закуси́вши ватру́шкою в тарелку, а тогда бы ты ел каки́е-нибудь котле́тки с трюфеля́ми²⁴. Да вот тепе́рь у тебя под властью мужики́: ты с ними в ладу́ и, конечно, их не оби́дишь, потому́ что о́ни твои́, тебе́ же будет хуже; а тогда бы у тебя были чи́новники, кото́рых бы ты сильно пощёлкивал, смекну́вши, что они не твои́ же крепостны́е, или гра́бил бы ты казну́! Нет, кто уж кула́к, тому́ не разо́гнуться в ладо́ны! А разо́гни кулаку́ один или два пальца, вы́дет ещё́ хуже. Попробу́й он слегка́ верху́шек ка́кой-нибу́дь нау́ки, даст он знать пото́м, заня́вши место повидне́е, всем тем, кото́рые в самом деле узнáли ка́кую-нибу́дь нау́ку. Да ещё́, пожа́луй, скажет пото́м: «Дай-ка́ себя́ покажу́!» Да тако́е выдумает мудрое постано́вление, что многим приде́тся солоно...²⁵ Эх, если бы все кулаки́!..»

— Гото́ва запис́ка, — сказал Собакевич, оборо́тившись.

— Гото́ва? пожа́луйте её́ сюда! — Он пробежа́л её́ глаза́ми и подиви́лся аккурати́ности и точно́сти: не только́ было обстоя́тельно пропи́сано реме́сло, звание, лета́ и семе́йное состоя́ние, но даже на поля́х находи́лись особе́нные отме́тки насче́т поведе́ния, трезвости, словом, любо́ было гляде́ть.

— Тепе́рь пожа́луйте же зада́точек! — сказал Собакевич.

— К чему́ же вам зада́точек? Вы получи́те в городе за оди́м разом все деньги.

— Все́, знаете, так уж водится, — возрази́л Собакевич.

— Не знаю, как вам дать, я не взял с собо́ю денег. Да, вот десять рубле́й есть.

— Что ж десять! Дайте, по крайне́й мере, хоть пятьдеся́т!

²² Нелáдно скроен, да крепко сшит — неуклю́жий, некра́сивый, но крепкий.

²³ Захолу́стная жизнь — жизнь в глухо́й местности, дале́ко от центров.

²⁴ Трюфели́ — вид грибо́в, расту́щих под земле́й; трюфели́ счита́лись особе́нно изы́сканной «делика́тной» припра́вой к кушаньям.

²⁵ Приде́тся солоно — приде́тся плохо, трудно.

Чичиков стал было отговариваться, что нет; но Собакевич так сказал утвердительно, что у него есть деньги, что он вынул ещё бумажку, сказавши:

— Пожалуй, вот вам ещё пятнадцать, итог двадцать пять. Пожалуйте только расписку.

— Да на что ж вам расписка?

— Всё, знаете, лучше расписку. Не ровен час, всё может случиться.

— Хорошó, дайте же сюда деньги!

— На что ж деньги? У меня вон в руке! Как только напишете расписку, в ту же минуту их возьмёте.

— Да позволёте, как же мне писать расписку? прежде нужно видеть деньги.

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу и накрывши их пальцами левой руки, другою написал на лоскуте бумаги, что задаток двадцать пять рублёй государственными ассигнациями за проданные души получил сполна. Написавши записку, он пересмотрел ещё раз ассигнации.

— Бумажка-то старенькая! — произнёс он, рассматривая одну из них на свете, — немножко разорвана, ну да между приятелями нечего на это глядеть.

«Кулак, кулак! — подумал про себя Чичиков: — да ещё и бестия в придачу!»

— А женского пола не хотите?

— Нет, благодарю.

— Я бы недорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку.

— Нет, в женском поле не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет закона: кто любит попá, а кто попадю, говорит пословица.

— Ещё я хотёл вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами, — говорил Чичиков прощаясь.

— Да уж само собою разумеется. Третьего сюда нечего мешать; что по искренности происходит между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной их дружбе. Прощайте! Благодарю, что посетили; прошу и впредь не забывать: коли выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провести. Может быть опять случится услужить чем-нибудь другу.

«Да, как бы не так! — думал про себя Чичиков, садясь в бричку. — По два с полтиною содрал за мёртвую душу, чортов кулак!»

Он был недоволен поведением Собакевича. Всё-таки, как бы то ни было, человек знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступил как бы совершенно чужой, за дрянь взял деньги! Когда бричка выехала со двора, он оглянулся назад и увидал, что Собакевич всё ещё стоял на крыльце и, как казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поедет.

Вопросы.

1. Какие черты характера, какие поступки Собакевича обнаруживают в нём помешика-«кулака»?
2. Чем можно объяснить, что деревня, где живут крестьяне Собакевича, имеет благоустроенный вид?

Задания.

I. Покажите на примерах из произведения, как отражён характер Собакевича в описании:

- а) усадьбы и деревни Собакевича;
- б) обстановки его дома;
- в) его наружности и одежды;
- г) обеда у Собакевича;
- д) в сцене сделки с Чичиковым;
- е) в речи его (в манере говорить, в подборе слов и выражений).

II. Расскажите, как держит себя Чичиков в разговоре с Собакевичем.

III. Обратите внимание на следующие своеобразные выражения, свойственные русской речи.

1. *Он с ним не в ладах.* — Он с ним в ссоре, в плохих отношениях.
2. *Мошённик на мошённике сидит и мошёнником погоняет.* — Все мошённики.
3. *У этого губа не дура.* — Он имеет вкус, знает, что хорошо и что плохо.
4. *Люди мрут, как мухи.* — Люди умирают в большом количестве.
5. *Затвердила сорочка Якова одно про всякого.* — Так говорится в досаде на того, кто повторяет одно и то же несколько раз подряд.

Запомните все эти выражения и постарайтесь ввести их в изложение разговора между Чичиковым и Собакевичем.

.. Чичиков... не заметил, как въехал в средину обширного села со множеством изб и улиц. Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведённый бревенчатою мостовою, перед которой городская каменная была ничто. Эти брёвна, как фортепианные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необерёгшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить преобильно хвостик собственного же языка. Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конёк вверх, да жерди по сторонам в виде рёбер. Кажется, сами хозяева снесли с них драньё и тёс²⁶, рассуждая, и, конечно, справедливо, что в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет, бабиться²⁷ же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке, и на большой дороге, — словом, где хочешь. Окна в избёнках были без стёкол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном²⁸; балконики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно. Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клады хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь и даже прицепился сбоку кустарник. Хлеб, как видно, был господский. Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились и мелькали на чистом воздухе то справа, то слева, по мере того, как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с жёлтенькими стенами, испятнанная, истрёскавшаяся. Частями стал выказываться господский дом и, наконец, глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась, и на место их остался пустырём огород или капустник, обнесённый

²⁶ Драньё — узкие колотые дощечки, служащие для покрытия крыш или стен; тёс — служащие для той же цели, что и драньё, пиленные дощечки.

²⁷ Бабиться — жить, как бабы (то-есть как женщины), проводя большую часть времени дома.

²⁸ Зипун — верхняя крестьянская одежда из толстого сукна.

низкою, местами изломанною городьбою²⁹. Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок, длинный, длинный непомерно. Местами был он в один этаж, местами в два; на тёмной крыше, не везде надёжно защищавшей его старость, торчали два бельведера³⁰ один против другого, оба уже пошатнувшиеся, лишённые когда-то покрывавшей их краски. Стены дома оцеливали³¹ местами нагую штукатурную решётку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен. Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна, с своей стороны, были тоже подслеповаты; на одном из них темнел наклеенный треугольник из синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своём картинном опустении. Зелёными облаками и неправильными, трепетливыми куполами лежали на небесном горизонте соединённые вершины разросшихся на свободе дерёв. Белый колоссальный ствол берёзы, лишённый верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался из этой зелёной гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный излом его, которым он оканчивалсяверху вместо капителя³², темнел на снежной белизне его, как шапка или чёрная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокóла, взбегал, наконец, вверх и обвивал до половины сломленную берёзу. Достигнув середины её, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерёв или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие, цепкие крючья, легко колеблемые воздухом. Местами расходились зелёные чащи, озарённые солнцем, и показывали неосвещённое между них углубление, зиявшее, как тёмная пасть; оно было всё окинуто тенью, и чуть-чуть мелькали в чёрной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перила, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыж-

²⁹ Городьба — забор.

³⁰ Бельведёр — надстройка над домом в виде башенки.

³¹ Оцеливали — обнаруживали, открывали.

³² Капитель — верхняя часть колонны.

ник³³, густой щетиною вытыкавший из-за ивы иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клёна, протянувшая сбоку свои зелёные лапы-листья, под один из которых забравшись бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороны гнёзда на трепетные свои вершины. У иных из них отдернутые и не вполне отделённые ветви висели вниз вместе с сохшими листьями. Словом, всё было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагромождённому, часто без толку, труду человека пройдёт окончательным резцом своим природа, облегчит тяжёлые массы, уничтожит грубо-ощутительную правильность и нищенские прорёхи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создано в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Сделав один или два поворота, герой наш очутился, наконец, перед самым домом, который показался теперь ещё печальнее. Зелёная плесень уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах. Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо ветшавших, наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы. Всё говорило, что здесь когда-то хозяйство текло в обширном размере, и всё глядело ныне пасмурно. Ничего не заметно было оживляющего картину — ни отворившихся дверей, ни выходящих откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома! Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагружённою телегою, покрытой рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления всего вымершего места: в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполн. У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим на телеге.

Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределённое, похожее очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему

³³ Чапыжник — частый, непроходимый кустарник.

несколько сиплым для женщины. «Ой, баба!» подумал он про себя и тут же прибавил: «Ой, нет!» «Конечно, баба», наконец, сказал он, рассмотрев пристальнее. Фигура, с своей стороны, глядела на него тоже пристально. Казалось, гость был для неё в диковинку, потому что она обсмотрела не только его; но и Селифана, и лошадей, начиная с хвоста и до морды. По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами ³⁴, Чичиков заключил, что это, верно, ключница ³⁵.

— Послушай, матушка, — сказал он, выходя из брички, — что барин? . .

— Нет дома, — прервала ключница, не дожидаясь окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила: — а что вам нужно?

— Есть дело.

— Идите в комнаты! — сказала ключница, отворотившись и показав ему спину, запачканную мукою, с большою прорехою пониже.

Он вступил в тёмные, широкие сени, от которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, тоже тёмную, чуть-чуть озарённую светом, выходявшим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он, наконец, очутился в свету и был поражён представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытьё полов, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул и, рядом с ним, часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислонённый боком к стене шкаф с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюро, выложенном перламутною ³⁶ мозаикой ³⁷, которая местами уже выпала и оставила после себя одни жёлтенькие желобки, наполненные клеем,

³⁴ Поносными словами — ругательными словами.

³⁵ Ключница — заведующая продовольственными запасами дома, имеющая при себе ключи от кладовых.

³⁶ Перламутный — перламутровый от *перламүтр* — ценное вещество с переливчатой окраской, образующее внутренний слой жемчужной раковины.

³⁷ Мозаика — узор, составленный из разноцветных камешков или кусочков стекла.

лежало множество всякой всячины; куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яйчком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрэзом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какой-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих ещё до нашего приезда на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный, пожелтевший гравюр³⁸ какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстену огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головой вниз утку. С середины потолка висела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожей на шелковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погуще и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребывание старый поношенный колпак, лежавший на столе. Пока он рассматривал всё странное убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе. Но тут увидел он, что это был скорее ключник, чем ключница: ключница, по крайней мере, не бреет бороды, а этот, напротив того, брил, и, казалось, довольно редко, потому что весь подбородок с нижней частью щеки походил у него на скребницу из железной проволоки, какою чистят на конюшне лошадей. Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с

³⁸ Гравюр (устаревшая форма слова) — гравюра, рисунок.

нетерпением, что хочет сказать ему ключник. Ключник тоже, с своей стороны, ожидал, что хочет ему сказать Чичиков. Наконец, последний, удивлённый таким странным недоумением, решил спросить:

— Что ж барин? у себя, что ли?

— Здесь хозяин, — сказал ключник.

— Где же? — повторил Чичиков.

— Что, батюшка, слепы-то, что ли? — сказал ключник. — Эхва! А вить хозяин-то я!

Здесь герой наш поневоле отступил назад и поглядел на него пристально. Ему случалось видеть не мало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не придётся увидать; но такого он ещё не видывал. Лицо его не представляло ничего особенного: оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперёд, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки ещё не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из тёмных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалу́н мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараниями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть³⁹, какая идёт на сапоги; назад вместо двух болтались четыре полы, из которых охлопьями⁴⁰ лезла хлопчатая бумага⁴¹. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательное, и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик. У этого помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба, зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые,

³⁹ Юфть — выделанные кожи рогатого скота.

⁴⁰ Охлопья — хлопья.

⁴¹ Хлопчатая бумага — здесь: вата.

амбары и сушилы⁴² загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин, выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной⁴³. Заглянул бы кто-нибудь к нему на рабочий двор, где наготовлено было на запас всякого дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, ему бы показалось, уже не попал ли он как-нибудь в Москву на щепной двор, куда ежедневно отправляются расторопные тещи и свекрухи, с кухарками позади, делать свои хозяйственные запасы, и где горам белее всякое дерево, шитое, точёное, лаженое и плетёное: бочки, пересёки⁴⁴, ушаты, лагуны⁴⁵, жбаны с рыльцами и без рылец, побратимы⁴⁶, лукошки, мыкальники⁴⁷, куда бабы кладут свои мочки⁴⁸ и прочий дряг, коробья из тонкой гнутой осины, бураки из плетёной берёстки⁴⁹ и много всего, что идёт на потребу богатой и бедной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобных изделий? во всю жизнь не пришлось бы их употребить даже на два таких имения, какие были у него, — но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь сим, он ходил ещё каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладыны, и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, — всё ташил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. «Вон, уже рыболов пошёл на охоту!» — говорили мужики, когда видели его, идущего на добычу. И в самом деле, после него незачем было мести улицу: случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигом отправилась в известную кучу; если баба, как-нибудь зазевавшись у колодца, позабывала ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, когда приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь; но если только она попадала в кучу, тогда всё было кончено: он божился, что вещь его, куплена им тогда-то, у того-то, или досталась от деда. В комнате своей он подымал с пола всё, что

⁴² Сушилы — верхний этаж над амбарами.

⁴³ Губина — всё съедобное.

⁴⁴ Пересёк — бочки, разделённые надвое.

⁴⁵ Лагун — ведро с крышкой.

⁴⁶ Побратимы — большие кружки.

⁴⁷ Мыкальник — деревянный короб для веретён.

⁴⁸ Мочки — вычесанный пучок льна, приготовленный для пряжи.

⁴⁹ Берёстка — берёста, берёзовая кора.

ни видел: сургучик, лоскуток бумажки, пёрышко и всё это клал на бюро или на окошко.

А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валильни, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни; везде во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины. Слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностью и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно его слушать; приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; навстречу выходили две милостивые дочери, обе белокурые и свежие, как розы; выбегал сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая внимания на то, рад ли или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна, антресоли⁵⁰ были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и был большой стрелок: приносил всегда к обеду тетёрок или уток, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что больше в целом доме никто её не ел. На антресолях жила также его компатриотка⁵¹, наставница двух девиц. Сам хозяин являлся к столу в сюртуке, хотя несколько понюшенном, но опрятном, локти были в порядке: нигде никакой заплата. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее. На старшую дочь, Александру Степановну, он не мог во всем положиться, да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штабс-ротмистром⁵², бог весть какого кавалерийского полка, и обвенчалась с ним где-то наскоро, в деревенской церкви, зная, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, будто бы все военные картежники и мотышки⁵³. Отец послал ей

⁵⁰ Антресоли — низкие комнаты верхнего этажа дома.

⁵¹ Компатриотка — соотечественница.

⁵² Штабс-ротмистр (*штабс* от слова *штаб*) — офицерский чин в царской кавалерии.

⁵³ Мотышка (презрительное слово, от слова *мот*) — человек, растратававший всё, что у него есть.

на доро́гу прокля́тие, а пресле́довать не заботи́лся. В доме стало ещё пустее. Во владельце стала замётнее обнару́живаться скупость; сверкну́вшая в жёстких волоса́х его се́дина, верная подру́га её, помогла́ ей ещё более развِي́ться; учи́тель-фра́нцуз был отпу́щен, потому́ что сыну пришла́ пора́ на служе́бу; мада́м была́ прогнана, потому́ что оказа́лась не безгрёшною в похище́нии. Алекса́ндры Степа́новны; сын, будучи отпра́влен в губе́рнский город с тем, чтобы́ узна́ть в пала́те, по мнению́ отца, службу́ Суще́ственную, определи́лся вместо того́ в полк и написа́л к отцу́ уже́ по своём определе́нии, прося́ денег на обмунди́ровку; весьма́ есте́ственно, что он полу́чил на это́ то, что называ́ется в простонаро́дии шиш⁵⁴. Наконёц, послéдняя дочь, оста́вшаяся с ним в доме, умерла́, и стариќ очути́лся один сторо́жем, храните́лем и владе́телем свои́х бога́тств. Одино́кая жизнь дала́ сы́тную пищу́ скупости, кото́рая, как изве́стно, имее́т волчий голо́д и чем более́ пожира́ет, тем стано́вится ненасы́тнее; челове́ческие чувства, кото́рые и без того́ не были в нём глубо́ки, мелели́⁵⁵ ежемину́тно, и кажды́й день что-нибудь утра́чивалось в это́й изно́шенной разва́лине⁵⁶. Случи́сь же под такую́ мину́тку, как будто́ наро́чно в подтвержде́ние его́ мнения́ о воён-ных, что сын его́ проигра́лся в карты; он посла́л ему́ от души́ своё́ отцо́вское прокля́тие и нико́гда́ уже́ не интересова́лся знать, существу́ет ли он на свете, или нет. С кажды́м годом притворя́лись окна́ в его́ доме, наконёц оста́лись только́ два, из кото́рых одно, как уже́ видел чита́тель, было́ закле́ено бума́гою; с кажды́м годом уходили́ из вида, более́ и более́, главные части́ хозяйства, и мелкий́ взгляд его́ обраща́лся к бума́жкам и пёрышка́м, кото́рые он собира́л в своей́ комна́те; неусту́пчивее стано́вился он к покупа́шка́м, кото́рые приезжа́ли забира́ть у него́ хозяйственные произведе́ния, покупа́шки торгова́лись, торгова́лись и, наконёц, бросили́ его́ вовсе, сказа́вши, что это́ бес, а не человек; сено́ и хлеб гнили, клади́ и стоги обраща́лись в чистый́ наво́з, хоть разводí на них капу́сту, му́ка в подва́лах преврати́лась в камень, и нужно́ было́ её рубить, к сукнам, к холста́м и дома́шним ма́териям страшно́ было́ притро́нуться: они́ обраща́лись в пыль. Он уже́ позабыва́л сам, сколько́ у него́

⁵⁴ Шиш — здесь: ничего́.

⁵⁵ Мелели́ — мельча́ли.

⁵⁶ В это́й изно́шенной разва́лине — так назван здесь Плюш-кин, челове́к оконча́тельно отжи́вший, ненужный.

было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкапу графинчик с остатком какой-нибудь настойки, на котором он сам сделал наметку⁵⁷, чтобы никто воровским образом её не выпил, да где лежало перышко или сургучик. А между тем в хозяйстве доход собирался попрежнему: столько же оброку должен был принести мужик, таким же приносом орехов обложена была всякая баба, столько же поставов холста должна была наткать ткачиха — всё это сваливалось в кладовые, и всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился, наконец, в какую-то прореху на человечестве. Александра Степановна как-то приезжала раза два с маленьким сынком, пытаюсь, нельзя ли чего-нибудь получить; видно, походная жизнь с штабс-ротмистром не была так привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкин, однакоже, её простил и даже дал маленькому внуку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столе, но денег ничего не дал. В другой раз Александра Степановна приехала с двумя малютками и привезла ему кулич к чаю и новый халат, потому что у батюшки был такой халат, на который глядеть не только было совестно, но даже стыдно. Плюшкин приласкал обоих внуков, и, посадивши их к себе одного на правое колено, а другого на левое, покачал их совершенно таким образом, как будто они ехали на лошадых, кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал; с тем и уехала Александра Степановна...

Уже несколько минут стоял Плюшкин, не говоря ни слова, а Чичиков всё ещё не мог начать разговора, развлечённый как видом самого хозяина, так и всего того, что было в его комнате. Долго не мог он придумать, в каких бы словах изъяснить причину своего посещения. Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почёл долгом⁵⁸ принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком. Искоса бросив ещё один взгляд на всё, что было в комнате, он почувствовал, что слова *добродетель* и *редкие свойства души* можно с успехом заменить словами: *экономия* и *порядок*; и потому, преобразивши таким образом речь, он сказал, что, наслышась об экономии его

⁵⁷ Намётку — здесь: отметку.

⁵⁸ Почёл долгом, почёл за долг — посчитал своей обязанностью и своим долгом.

и редком управлѣнии имѣніями, он почёл за долг познать-ся и принести лично своё почтѣніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую, причину, но ничего иного не взбрело тогда на ум.

На это Плюшкин что-то пробормотал сквозь губы, ибо зубо́в не было, что именно, неизвѣстно, но, вероятно, смысл был та-ко́в: «А побрал бы тебя чорт с твоим почтѣніем!» Но так как гостеприимство у нас в таком ходу́, что и скряга не в силах переступить его зако́нов, то он прибавил тут же несколько внятнее: «Прошу́ покорнейше садиться!»

— Я давнёнько не вижу гостей, — сказал он, — да, при-знаться сказа́ть, в них мало вижу проку. Завели пренеприличны́й обы́чай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущѣніе... да и лошаде́й их корми́ сеном! Я давно́ уж отобѣдал, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба́-то совсе́м развали́лась, начнёшь то-пить, ещё пожа́ру наделаешь.

«Вон оно́ как! — подумал про себя́ Чичиков, — хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватру́шку да ломо́ть бара́ньего бока!»

— И такой скверный анекдот, что сена хоть бы клочок в це-лом хозяйстве! — продолжал Плюшкин. — Да и в самом деле, как побережѣшь его? земли́шка маленькая, мужи́к лени́в, ра-бота́ть не любит, думает, как бы в каба́к... того́ и гляди́, пойдѣшь на старости лет по-миру!

— Мне, одна́коже, сказывали, — скромно замѣтил Чичиков, — что у вас более тысячи душ.

— А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплева́ли в гла-за тому́, кото́рый это сказывал! Он пересме́шник, видно, хоте́л пошутить над вами. Вот бают⁵⁹, тысяча душ, а поди-тка сосчи-та́й, а и ничего́ не начтѣшь!⁶⁰ Послѣдние три года прокля́тая го-рячка выморила у меня здоровѣнный куш мужико́в⁶¹.

— Скажите! и много выморила? — воскликнул Чичиков с уча́стием.

— Да, снесли́ многих.

— А позвольте узнать: сколько число́м?

— Душ восемьдесят.

— Нет?

⁵⁹ Ба ю т (наро́дное слово) — говорят.

⁶⁰ Начтѣшь — насчита́ешь.

⁶¹ З до ро ве́н н ы й ку ш му жи ко́ в — здесь: много мужико́в.

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте ещё спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?

— Это бы ещё слава богу, — сказал Плюшкин, — да лих-то⁶², что с того времени до ста двадцати наберётся.

— Вправду? целых сто двадцать? — воскликнул Чичиков и даже разинул рот от изумления.

— Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу! — сказал Плюшкин. Он, казалось, обиделся таким, почти радостным восклицанием. Чичиков заметил, что в самом деле неприятно подобное безучастие к чужому горю, и потому вздохнул тут же и сказал, что соболёзнет⁶³.

— Да ведь соболёзновение в карман не положишь, — сказал Плюшкин. — Вот возле меня живёт капитан, чорт знает его откуда взялся, говорит, родственник: дядюшка, дядюшка! и в руку целует, а как начнёт соболёзновать, — вой такой подымет, что уши береги. С лица весь красный: пённику⁶⁴, чай, на смерть придёрживается. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболёзнет!

Чичиков постарался объяснить, что его соболёзновение совсем не такого рода, как капитанское, и что он не пустыми словами, а делом готов доказать его и, не откладывая дела далее, без всяких обиняков⁶⁵, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями. Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он, вытаращив глаза, долго смотрел на него и, наконец, спросил:

— Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?

— Нет, — отвечал Чичиков довольно лукаво, — служил по статской.

— По статской? — повторил Плюшкин и стал жевать губами, как будто что-нибудь кушал. — Да ведь как же? Ведь это вам самим-то в убыток?

— Для удовольствия вашего готов и на убыток.

⁶² Лих-то (народное слово) — горе в том...

⁶³ Соболёзнет (соболезнование) — сочувствует (сочувствие горю).

⁶⁴ Пённик — водка.

⁶⁵ Без всяких обиняков — прямо; обиняк — недоговорённость, намёк.

— Ах, батюшка! ах, благодётель мой! — вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак, на образец густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для рассматривания. — Вот утешили старика! Ах, господи ты мой! ах, святители вы мой! ..

Далее Плюшкин говорить не мог. Но не прошло и минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, так же мгновенно и прошла, будто её вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выражение. Он даже утёрся платком и, свернувши его в комок, стал им возить себя по верхней губе.

— Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякий год берётесь платить за них подать? и деньги будете выдавать мне или в казну?

— Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость⁶⁶, как бы они были живые и как бы вы их мне продали.

— Да, купчую крепость... — сказал Плюшкин, задумался и стал опять кушать губами. — Ведь вот купчую крепость — всё издержки. Приказные⁶⁷ такие бессовестные! Прежде бывало полтиной меди отделается да мешком муки, а теперь пошли целую подводу круп, да красную бумажку⁶⁸ прибавь, такое сребролюбие⁶⁹! Я не знаю, как никто другой не обратит на это вниманье. Ну сказал бы ему как-нибудь душеспасительное слово. Ведь словом хоть кого проймёшь. Кто что ни говори, а против душеспасительного слова не устоишь.

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» — подумал про себя Чичиков и произнёс тут же, что, из уважения к нему, он готов принять даже издержки по купчей на свой счёт.

Услыша, что даже издержки по купчей он принимает на себя, Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочил за актёрками. При всём том, он, однакож, не мог скрыть своей радости и пожелал всяких утешений не только ему, но даже и деткам его, не спросив, были ли

⁶⁶ Купчая крепость — документ, акт о приобретении имущества, земли, дома, крестьян.

⁶⁷ Приказные — чиновники.

⁶⁸ Красная бумажка — здесь: десять рублей.

⁶⁹ Сребролюбие — любовь, жадность к деньгам.

они у него или нет. Подошёд к окну, постучал он пальцами в стекло и закричал: «Эй, Прошка!» Через минуту было слышно, кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами, наконец дверь отворилась, и вошёл Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги. Почему у Прошки были такие большие сапоги, это можно узнать сейчас же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было её в доме, были только одни сапоги, которые должны были всегда находиться в сенях. Всякий призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал через двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул из окошка в осеннее время и особенно когда по утрам начинаются маленькие изморози, то бы увидел, что вся дворня делала такие скачки, какие вряд ли удаётся выделать на театрах самому бойкому танцовщику.

— Вот, посмотрите, батюшка, какая рожа! — сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на лицо Прошки. — Глуп ведь, как дерево, а попробуй что-нибудь положить, мигом украдёт! Ну, чего ты пришёл, дурак, скажи, чего? — Тут он произвёл небольшое молчание, на которое Прошка отвечал тоже молчанием. — Поставь самовар, слышишь, да вот возьми ключ да отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую: там на полке есть сухарь из кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его к чаю!.. постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!.. Бес у тебя в ногах что ли чешется?.. ты послушай прежде: сухарь-то сверху, чай, поиспортился, так пусть поскоблит его ножом, да крох не бросает, а снесёт в курятник. Да смотри ты, ты не ходи, брат, в кладовую, не то я тебя, знаешь! берёзовым-то веником, чтобы для вкуса-то! вот у тебя теперь славный аппетит, так чтобы ещё был получше! Вот попробуй-ка пойти в кладовую, а я тем временем из окна стану глядеть. Им ни в чём нельзя доверять, — продолжал он, обратившись к Чичикову, после того как Прошка убрался вместе с своими сапогами. Вслед за тем он начал и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновенного великодушия стали ему казаться невероятными, и он подумал про себя: «Ведь чорт его знает, может быть, он просто хвастун, как все эти мотышки: наврёт, наврёт, чтобы поговорить да выпить чаю, а потом и

уёдет!» А потому из предосторожности и вместе желая несколько поиспытать его, сказал он, что недурно бы совершить купчую поскорее, потому что-де в человеке не уверен: сегодня жив, а завтра и бог весть⁷⁰.

Чичиков изъявил готовность совершить хоть сию же минуту и потребовал только списка всем крестьянам.

Это успокоило Плюшкина. Замётно было, что он придумывал что-то сделать, и точно, взявши ключи, приблизился к шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и, наконец, произнёс:

— Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликёрчик, если только не выпили! народ, такие воры! А вот разве не это ли он?

Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке.

— Ещё покойница делала, — продолжал Плюшкин: — мошеница-ключница совсем было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались⁷¹ туда, но я весь сор-то повынул и теперь вот чистенькая, я вам налью рюмочку.

Но Чичиков постарался отказаться от такого ликёрчика, сказавши, что он уже и пил, и ел.

— Пили уже и ели! — сказал Плюшкин. — Да, конечно, хорошего общества человека хоть где узнаешь: он не ест, а сыт; а как эдакой какой-нибудь ворышка, да его сколько ни корми... Ведь вот капитан придёт: «Дядюшка, — говорит, — дайте чего-нибудь поесть!» А я ему такой же дядюшка, как он мне дедушка. У себя дома есть, верно, нечего, так вот он и шатается! Да, ведь вам нужен реестрик всех этих тунейдцев⁷²? Как же, я, как знал, всех их списал на особую бумажку, чтобы при первой подаче ревизии всех их вычеркнуть.

Плюшкин надел очки и стал рыться в бумагах. Развязывая всякие связки, он попотчевал своего гостя такой пылью, что тот чихнул. Наконец вытащил бумажку, всю исписанную кругом. Крестьянские имена усыпали её тесно, как мошки. Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже вы-

⁷⁰ Бог весть (устаревшее выражение) — бог знает, неизвестно.

⁷¹ Напичкались — здесь: набились, наполнили.

⁷² Тунейдцы (ед. ч. *тунейдец*) — бездельники, живущие чужими трудами.

глянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь; всех было сто двадцать с лишком. Чичиков улыбнулся при виде такой многочисленности. Спрятав её в карман, он заметил Плюшкину, что ему нужно будет для совершения крепости приехать в город.

— В город? Да как же?.. а дом-то как оставить? Ведь у меня народ или вор, или мошенник: в день так оберут, что и кафтана не на чем будет повесить.

— Так не имёте ли кого-нибудь знакомого?

— Да кого же знакомого? Все мой знакомые перемерли, или раззнакомились. Ах, батюшка! как не иметь, имёю! — вскричал он. — Ведь знаком сам председателъ, ездил даже в старые годы ко мне, как не знать! однокорытниками⁷³ были, вместе по заборам лазили! как не знакомый? уж такой знакомый! так уж не к нему ли написать?

— И конечно к нему.

— Как же, уж такой знакомый! в школе были приятели.

И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то тёплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сестры кидают с берега верёвку и ждут, не мелькнёт ли вновь спинá, или утомлённые бореньем руки — явление было последнее. Глухо всё, и ещё страшнее и пустынное становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нём чувством стало ещё бесчувственней и ещё пошлее.

— Лежала на столе четвертка чистой бумаги, — сказал он, — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такие негодные! — Тут стал он заглядывать и под стол, и на стол, шарил везде и, наконец, закричал: «Мавра! а, Мавра!» На зов явилась женщина с тарелкой в руках, на которой лежал сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошёл такой разговор.

— Куда ты дела, разбойница, бумагу?

— Ей-богу, барин, не видывала, опричь⁷⁴ небольшо́го лоскутка, которым избóлили прикрýть рюмку.

⁷³ Однокорытник — здесь: товариш.

⁷⁴ Опричь (народное слово) — кроме.

— А вот я по глазам вижу, что подтѣбрила⁷⁶.

— Да на что ж бы я подтѣбрила? Ведь мне проку с ней никакого: я грамоте не знаю.

— Врѣшь, ты снесла пономарѣнку⁷⁶: он маракует⁷⁷, так ты ему и снесла.

— Да пономарѣнок, если захочет, так достанет себе бумаги. Не видал он вашего лоскутка!

— Вот погодѣ-ка: на страшном судѣ⁷⁸ черти припекут тебя за это желѣзными рогатками! вот посмотришь, как припекут!

— Да за что же припекут, коли я не брала и в руки четвертки? Уж скорѣе другоѣ какой бабьей слабостью, а воровством меня еще никто не попрекал.

— А вот черти-то тебя и припекут! скажут: «А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» — да горячими-то тебя и припекут!

— А я скажу: «Не за что! ей-богу, не за что, не брала я...» Да вон она лежит на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкин увидал, точно, четвертку, и на минуту остановился, пожевал губами и произнес:

— Ну, что ж ты расходилась так: экая заносистая! Ей скажи только одно слово, а она уж в отвѣт десяток! Подѣ-ка, принеси огоньку запечатать письмо. Да стой, ты схватишь сальную свечу, сало дело топкое: сгорит — да и нет, только убыток, а ты принеси-ка мне лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресло и взявши в руки перо, долго еще ворочал на все стороны четвертку, придумывая: нельзя ли отделить от нее еще осьмушку, но, наконец, убедился, что никак нельзя; всунул перо в чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне и стал писать, выставляя буквы, похожие на музыкальные ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая раскакивалась по всей бумаге, лепя скупую строку на строку, и не без сожаления подумывая о том, что все еще останется много чистого пробела.

⁷⁶ Подтѣбрила — стащила.

⁷⁶ Пономарѣнок — сын пономаря, низшего церковного служителя.

⁷⁷ Маракует — кое-как разбирается в чем-нибудь; здесь: умеет кое-как писать.

⁷⁸ На страшном судѣ — на судѣ над всеми людьми, который, по верованиям христіан, будто бы произойдет после «конца света».

И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом! Грозная, страшная грядущая впереди старость, и ничего не отдаёт назад и обратно! Могила милосерднее её, на могиле напишется: здесь погребён человек! но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего приятеля, — сказал Плюшкин, складывая письмо, — которому бы понадобились беглые души?

— А у вас есть и беглые? — быстро спросил Чичиков, очнувшись.

— В том-то и дело, что есть. Зять делал выправки: говорит, будто и след простыл, но ведь он человек военный: мастер притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судам...

— А сколько их будет числом?

— Да десятков до семи тоже наберётся.

— Нет?

— А ей-богу так! Ведь у меня что год, то бегают. Народ-то больно прожорлив, от праздности завёл привычку трескать, а у меня есть и самому нечего... А уж я бы за них что ни дай взял бы. Так посоветуйте вашему приятелю-то: отыщись ведь только десяток, так вот уж у него славная денёга. Ведь ревизская душа стоит в пятистах рублях.

«Нет, этого мы приятелю и понюхать не дадим», — сказал про себя Чичиков и потом объяснил, что такого приятеля никак не найдётся, что одни издержки по этому делу будут статься более; ибо от судов нужно отрезать полы собственного кафтана, да уходить подальше; но что если он уже действительно так стиснут, то, будучи подвигнут участием, он готов дать... но что это такая безделица, о которой даже не стоит и говорить.

— А сколько бы вы дали? — спросил Плюшкин, и руки его задрожали, как ртуть.

— Я бы дал по двадцати пяти копеек за душу.

— А как вы покупаете, на чистые?

— Да, сейча́с деньги.

— Только, ба́тюшка, ради нищеты́-то моёй уже́ дали бы по сорока́ копе́ек.

— Почтённейший! — сказа́л Чичиков, — не только по сорока копе́ек, по пятисо́т рубле́й запла́тил бы! с удо́вольствием запла́тил бы, потому́ что вижу, почтённый, добрый ста́рик терпит по причи́не собственна́го доброду́шия.

— А ей-бо́гу так! ей-бо́гу правда! — сказа́л Плюшкин, све-сив голову́ вниз и сокруши́тельно покача́в её, — всё от добро-ду́шия.

— Ну, видите ли, я вдруг пости́гнул ваш ха́ра́ктер. И́так, поче́му ж не да́ть бы мне по пятисо́т рубле́й за ду́шу, но... со-стоя́нья нет: по пяти́ копе́ек, изво́льте, гото́в прибави́ть, чтобы́ каждая́ ду́ша обошла́сь, та́ким обра́зом, в тридцать копе́ек.

— Ну, ба́тюшка, во́ля ваша, хо́ть по две копе́йки при-стегни́те.

— По две копе́ечки пристегну́, изво́льте. Ско́лько их у вас? Вы, ка́жется, говори́ли, семьдесят?

— Нет. Все́го́ набере́тся семьдесят восемь.

— Семьдесят восемь, семьдесят восемь, по тридцати́ копе́ек за ду́шу, это́ будет... — здесь геро́й наш одну́ секун́ду, не бо́лее, подумал и сказа́л вдруг: — это́ будет двадца́ть четыре́ рубля́ девяно́сто шесть копе́ек! — он был в арифме́тике си́лен.

Тут же заста́вил он Плюшкина написа́ть расписа́нку и выда́л ему́ деньги, кото́рые тот при́нял в обе́ руки и понёс их к бю́ро с тако́ю же остро́жно́стью, как будто́ бы нёс ка́кую-нибудь жидко́сть, ежеми́ну́тно бо́ясь расхлеста́ть её. Подоше́дши к бю́ро, он пере́гляде́л их ещё́ раз и уложи́л то́же чрезвыча́йно остро́жно в оди́н из ящи́ков, где, ве́рно, им суждено́ бы́ть погребё́нными до тех пор, пока́мест отец Ка́рп и отец Полика́рп, два свяще́нника его́ дере́вни, не погребу́т его́ само́го, к неопи́санной радости зя́тя и доче́ри, а может бы́ть и капита́на, приписавше-го́ ему́ в родню́. Спрята́вши деньги, Плюшкин сел в кресла́ и уже́, ка́зало́сь, бо́льше не мог най́ти ма́тери́и, о че́м говори́ть.

— А что, вы уж собира́етесь е́хать? — сказа́л он, заме́тив небольшо́е движе́ние, кото́рое сде́лал Чичиков для то́го́ только, чтобы́ доста́ть из карма́на плато́к.

Это́т вопро́с напо́мнил ему́, что в само́м деле́ не́зачем бо́лее мешка́ть.

— Да, мне пора́! — произне́с он, взявши́сь за шля́пу.

— А чайку?

— Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время.

— Как же, а я приказал самовар. Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогий, да и цена на сахар поднялась немилосердная. Прощка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавре, слышишь: пусть его положит на то же место; или нет, подай его сюда, я уж снесу его сам. Прощайте, батюшка, да благословит вас бог, а письмо-то председателю вы отдайте. Да! пусть прочтёт, он мой старый знакомый. Как же! были с ним однокорытниками!

Засим это странное явление, этот съёжившийся старичишка проводил его со двора, после чего велел ворота тот же час запереть, потом обошёл кладовые, с тем, чтобы осмотреть, на своих ли местах сторожа, которые стояли на всех углах, колотя деревянными лопатками в пустой бочонок, наместо чугунной доски; после того заглянул в кухню, где под видом того, чтобы попробовать, хорошо ли едят люди, наелся препорядочно щей с кашею и, выбравивши всех до последнего за воровство и дурное поведение, возвратился в свою комнату.

Вопросы.

1. Какие черты в характере Плюшкина являются основными?
2. Как объясняет Гоголь превращение Плюшкина в «прорёху на человечестве»?

Задания.

I. Покажите на примерах из произведения, как отражён характер Плюшкина в описании:

- а) усадьбы и деревни Плюшкина;
- б) обстановки его дома;
- в) его наружности и одежды;
- г) его отношения к слугам;
- д) в сцене сделки с Чичиковым;
- е) в его речи (в манере говорить, в подборе слов и выражений).

II. Выясните разницу в значении следующих слов: *бережливый, экономный, расчётливый, скупой, скряга*. В каких случаях мы пользуемся каждым из этих слов?

III. Прочтите то место, где описывается, как Плюшкин угощает Чичикова. Перескажите эту сцену возможно ближе к тексту.

Вернувшись в город, Чичиков для совершения купчей крепости на при-

обретённые им души отпра́вился в палату — учреждёние, где совершались купчие крепости.

После совершённа купчей, по предложёнию председатёля палаты, лица, участвовавшие в сделке: Чичиков, Собакевич, Манилов и чиновники, отпра́вились к полицмёйстеру, чтобы у него́ в доме «вспрыснуть поку́почку», т. е. отпра́здновать совершённе купчей заку́ской и выпивкой.

Роско́шное угощённе, кото́рое предложил гостя́м полицмёйстер, не стоило ему ни копёйки.

Полицмёйстер, точно, был чудотво́рец: как только услышал он, в чём дело, в ту же мину́ту кликнул кварта́льного, бойкого малого в лакиро́ванных ботфо́ртах, и, кажется, всего два слова шепну́л ему на ухо, да прибавил только: «пони́маешь!», а уже́ там в друго́й комнате, в продолже́ние того́ времени, как гости резались в вист, появи́лась на столе́ белу́га, осётры, сёмга, икра́ паюсная, икра́ свежепросо́льная, селёдки, севрю́жки, сыры́, копчёные язы́ки и балы́ки, — это всё́ было со сторо́ны рыбного ря́да. Потом появи́лись прибавле́ния с хозяйско́й сторо́ны, изде́лия кухни: пиро́г с голови́зною, куда вошли́ хряц и щёки 9-пудо́вого осетра́, друго́й пиро́г с груздя́ми, пряженцы, масля́нцы, взваренцы. Полицмёйстер был некоторым образом о́тец и благотворите́ль в городе. Он был среди́ гражда́н соверше́нно как в родно́й семье, а в лавки и в гости́ный двор наведывался, как в собственную кладову́ю. Вообще он сидёл, как говори́тся, на своём месте и должность свою́ пости́гнул в соверше́нстве. Трудно́ было даже́ и решы́ть, он ли был создан для́ места, или место́ для́ него́. Дело́ было так поведе́но умно, что он получа́л вдвое́ больше́ дохо́дов противу́ всех своих предше́ственников, а между́ тем заслужи́л любóвь всего́ города. Купцы́ первые его́ очень любили, именно́ за то, что не горд; и точно, он кресты́л у них дете́й, куми́лся с ними и хоть драл подча́с с них сильно, но как-то чрезвыча́йно ловко: и по плечу́ потре́плет, и засмеётся, и чаем напоит, пообеща́ется и сам прийт́и поигра́ть в шашки, распросит обо́ всём: как дели́шки, что и как. Если́ узнаёт, что дете́ныш как-нибудь прихворну́л, и лека́рство присове́тует; словом, молоде́ц! Поёдет на дрожках, даст поря́док, а между́ тем и словцо́ промóлвит тому́-друго́му: «Что, Михе́ич! нужно́ бы нам с тобо́ю доигра́ть когда́-нибудь в горку». — «Да, Алексе́й Ивано́вич, — отвеча́л тот, снимая́ шапку: — нужно́ бы». — Ну, брат, Илья́ Парамо́ныч, приходи́ ко мне посмотре́ть рысакá: в обгон с твои́м пойдёт, да и своего́ залож́и в беговы́е; попру́буем». Купе́ц, кото́рый на рысакé был поме́шан, улыба́лся на это с особе́н-

ною, как говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорил: «Попробуем, Алексей Иванович!» Даже все сидельцы, обыкновенно в это время снявши шапки, с удовольствием посматривали друг на друга и как будто бы хотели сказать: «Алексей Иванович хороший человек!» Словом, он успел приобрести совершенную народность, и мнение купцов было такое, что Алексей Иванович «хоть оно и возьмёт, но зато уж никак тебя не выдаст».

Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер предложил гостям окончить вист после завтрака, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах давно начинал приятным образом щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в стороне на большом блюде. Гости, выпивши по рюмке водки тёмного, оливкового цвета, — какой бывает только на сибирских прозрачных камнях, из которых режут на Руси печати, — приступили со всех сторон с вилками к столу и стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на сёмгу, кто на сыр. Собакевич, оставив без всякого внимания все эти мелочи, пристроился к осетру, и, покамест те пили, разговаривали и ели, он в четверть часа с небольшим доел его всего, так что, когда полицеймейстер вспомнил было о нём и, сказавши: «А каково вам, господя, покажется вот это произведение природы?», подошёл было к нему с вилокю вместе с другими, то увидел, что от произведения природы оставался всего один хвост; а Собакевич пришипился так, как будто и не он, и, подошедши к тарелке, которая была подалше прочих, тыкал вилокю в какую-то сушёную маленькую рыбку. Отделавши осетра, Собакевич сел в кресла и уже более не ел, не пил, а только жмурил и хлопал глазами. Полицеймейстер, кажется, не любил жалеть вина; тостам не было числа. Первый тост был выпит, как читатели, может быть, и сами догадаются, за здоровье нового херсонского помещика, потом за благоденствие крестьян его и счастливое их переселение, потом за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало приятную улыбку с уст нашего героя. Приступили к нему со всех сторон и стали упрашивать убедительно остаться хоть на две недели в городе: «Нет, Павел Иванович! как вы себе хотите, это выходит — избу только выхоложивать: на порог, да и назад! нет, вы проведите время с нами! Вот мы вас женим: не правда ли, Иван Григорьевич, женим его?»

«Женим, женим! — подхватил председатель. — Уж как ни упирайтесь руками и ногами, мы вас женим! Нет, батюшка, попали сюда, так не жалуйтесь. Мы шутить не любим».

«Что ж? зачем упираются руками и ногами, — сказал, усмехнувшись, Чичиков: — женитьба ещё не такая вещь, чтобы того, была бы невеста».

«Будет и невеста, как не быть? всё будет, всё, что хотите!..»

«А коли будет...»

«Браво, остаётся! — закричали все: — виват, ура, Павел Иванович! ура!» И все подошли к нему чокаться с бокалами в руках. Чичиков перечекался со всеми. «Нет, нет, ещё!» — говорили те, которые были позаднее, и вновь переcheкались; потом ползли в третий раз чокаться, переcheкались и в третий раз. В непродолжительное время всем сделалось весело необыкновенно.

Покупки Чичикова вызвали в городе оживлённые разговоры. Хотя на самом деле Чичиков купил мёртвые души очень дёшево, но в «купчей» были, разумеется, названы крупные денежные суммы — обычная стоимость крепостян.

По документам выходило так, что Чичиков купил душ на сто тысяч рублей. Такая крупная сумма вызвала у обывателей города NN предположение, что Чичиков очень богат, «миллионщик», т. е. миллионер.

Так как в те времена в России люди богатые пользовались особым уважением, то понятно, что Чичикова после его покупки обыватели города окружили особым вниманием.

Чичиков пользовался расположением мужчин и дам города до губернаторского бала, на котором произошло неприятное для Чичикова событие.

На балу у губернатора Чичиков познакомился с его дочерью, шестнадцатилетней красивой девушкой, которая произвела на него большое впечатление. Чичиков перестал обращать внимание на присутствовавших на балу дам, и это очень обидело их.

В разгаре бала появился подвыпивший Ноздрёв, который в присутствии губернатора спросил у Чичикова, много ли он «наторговал мёртвых», а затем заявил губернатору, что Чичиков торгует мёртвыми душами. Хотя Ноздрёв был пьян, но его слова всё-таки привели в смущение и Чичикова и окружающих.

В конце VIII главы рассказывается о приезде в город помещицы Коробочки (у которой Чичиков купил мёртвые души). Она приехала с тем, чтобы узнать, не слишком ли дёшево она продала Чичикову мёртвые души.

Приезд Коробочки и слова Ноздрёва о мёртвых душах произвели на жителей города NN потрясающее впечатление. Об этом рассказывается в IX главе.

Отсутствие серьёзных интересов у горожан привело к тому, что разговоры о Чичикове стали главным занятием и дам, и чиновников. Дамы, возмущённые поведением Чичикова на губернаторском балу, распространили

в городе слух, будто Чичиков пытался похитить и увести губернаторскую дочку. Чтобы проверить справедливость разных слухов о Чичикове, чиновники пригласили для беседы Ноздрёва, который подтвердил, что Чичиков с помощью Ноздрёва действительно организовал было похищение губернаторской дочки. При этом он рассказывал столько невероятных историй о Чичикове, что никто ему ни в чём не поверил.

Слухи о Чичикове росли и становились всё нелёпее; договорились до того, что Чичиков не кто иной, как Наполеон.

Чичиков потерял симпатии обывателей. Вскоре после губернаторского бала он заболел, а когда поправился и пошёл к губернатору, его у губернатора не приняли. Чичиков пошёл к другим чиновникам, но ни у кого он не нашёл прежнего к себе отношения.

Посетивший его Ноздрёв рассказал Чичикову о тех сплетнях, которые ходили о нём по городу. После этого Чичиков решает покинуть город.

В XI главе Гоголь знакомит нас с прошлым своего героя.

Чичиков родился и провёл детство в бедной дворянской семье.

Когда Павлуша подросток, отец отвёз мальчика в город к своей дальней родственнице.

Тут должен был он остаться и ходить ежедневно в классы городского училища. Отец, переночевавши, на другой же день выбрался в дорогу. При расставании слёз не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: «Смотри же, Павлуша, учись, и не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту бог не дал, всё пойдёшь в ход и всех опередишь. С товарищами не водишься, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водишься с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копёйку: эта вещь надёжнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копёйка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копёйкой». Давши такое наставление, отец расстался с сыном и потащился вновь домой на своей сорочке, и с тех пор уже никогда он больше его не видел, но слова и наставления заронились глубоко ему в душу.

Павлуша с другого же дня принялся ходить в классы. Особенных способностей к какой-нибудь науке в нём не оказалось; отличался он больше прилежанием и опрятностью; но зато оказался в нём большой ум с другой стороны, со стороны практи-

ческой. Он вдруг смекнул и понял дело и повёл себя в отношении к товарищам точно таким образом, что они его угощали, а он их не только никогда, но даже иногда, припрятав полученное угощение, потом продавал им же. Ещё ребёнком, он умёл уже отказать себе во всём. Из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив, в тот же год уже сделал к ней приращения, показав оборотливость почти необыкновенную: слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно. Потом в продолжение некоторого времени пустился на другие спекуляции, именно вот какие: накупивши на рынке съестного, садился в классе возле тех, которые были побогаче, и как только замечал, что товарища начинало тошнить, — признак наступающего голода, — он высовывал ему из-под скамьи будто невзначай угол пряника или булки и, раззадоривши его, брал деньги, соображаясь с аппетитом. Два месяца он провозился у себя на квартире без отдыха около мыши, которую засадил в маленькую деревянную клеточку, и добился наконец до того, что мышь становилась на задние лапки, ложилась и вставала по приказу, и продал потом её тоже очень выгодно. Когда набралось денег до пяти рублей, он мешочек зашил и стал копить в другой. В отношении к начальству он повёл себя ещё умнее. Сидеть на лавке никто не умёл так смиренно. Надобно заметить, что учитель был большою любитель тишины и хорошего поведения и терпеть не мог умных и острых мальчиков; ему казалось, что они непременно должны над ним смеяться. Достаточно было тому, который попал на замечание со стороны остроумия, достаточно было ему только пошевелиться или как-нибудь ненароком мигнуть бровью, чтоб подпасть вдруг под гнев. Он его гнал и наказывал немилосердно. «Я, брат, из тебя выгоню заносчивость и непокорность! — говорил он, — я тебя знаю насквозь, как ты сам себя не знаешь. Вот ты у меня постоишь на колёнах! ты у меня поголодаешь!» И бедный мальчишка, сам не зная за что, натирал себе колёны и голодал по суткам. «Способности и дарования? это всё вздор, — говаривал он: — я смотрю только на поведение. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает⁷⁹, да ведёт себя похвально; а в ком я вижу дурной дух да насмешливость, я тому нуль, хотя он Солона⁸⁰ заткни за пояс!» Так говорил учитель, не любивший насмерть Крылова за

⁷⁹ Ни аза не знает — ничего не знает.

⁸⁰ Соло́н — известный законодатель и мудрец древней Греции.

то, что он сказа́л: «По мне, уж лучше пей да дело разумей», и всегда́ рассказывавший с наслажде́нием в лице и в глаза́х, как в том учи́лище, где он преподава́л прежде, та́кая была́ тишина́, что слышно́ было, как муха летит, что ни один из ученико́в в течение круглого года не кашлянул и не высморкался в классе, и что до самого звонка́ нельзя́ было узнать, был ли кто там или нет. Чичиков вдруг пости́гнул дух нача́льника и в чём должно́ состоя́ть поведе́ние. Не шевельну́л он ни глазом, ни бровью во всё время класса, как ни щипа́ли его сзади; как только раздава́лся звонок, он броса́лся опрометью и подава́л учи́телю прежде всех тре́ух⁸¹ (учи́тель ходи́л в тре́ухе); пода́вши тре́ух, он выходи́л первый из класса и стара́лся ему попа́сться раза три на доро́ге, беспреста́нно снима́я шапку. Дело имело́ соверше́нный успе́х. Во время пребыва́ния в учи́лище был он на отлѳичном счету́ и при выпуске получи́л полное удосто́ение во всех нау́ках, аттеста́т и книгу с золоты́ми буквами за *примѳрное прилежа́ние и благонадѳежное поведе́ние*. Вышед из учи́лища, он очути́лся уже́ юношей дово́льно зама́нчивой нару́жности, с подбородком, потребова́вшим бритвы. В это время умер отец его. В насле́дстве оказа́лись четыре зано́шенные безвозвратно фуфа́йки, два старых сюртука́, подби́тых мерлу́шками, и незначи́тельная сумма денег. Отец, как видно, был сведущ только в сове́те копи́ть копе́йку, а сам накопи́л её немно́го.

Чичиков продал тут же ветхий двори́шко с ничто́жной земле́й за тысячу рубле́й, а семью людей⁸² перевѳёл в город, располага́ясь⁸³ основа́ться в нём и заня́ться службой.

Поступи́в на службу, Чичиков прояви́л исключи́тельное усѳрдие к службе. Долгое время он не получа́л повыше́ния по службе, так как его нача́льником был необыкновенно́ че́рствый, сухой́ человек, не обраща́вший ника́кого внима́ния на стара́ние молодого́ человека.

Одна́ко Чичиков, наконец, нашѳл способ выслужиться перед «повѳтчиком» (так называ́лась должность, кото́рую занима́л его нача́льник). Чичиков начал уха́живать за его дочь, очень некраси́вой девушкой, сделал вид, что хочет на ней жени́ться, и даже переѳехал на кварта́ру к повѳтчику. Стари́к был тронут и выхлопотал Чичикову место столонача́льника. Добѳвшись своего́, Чичиков переѳехал на друго́ю кварта́ру, обма́нув ожида́ния повѳтчика и его дочери.

После первого успе́ха Чичиков вскоре занял «хлебное местѳчко», кото́рое дава́ло ему возмо́жность получа́ть хоро́шие дохо́ды в виде взяток.

⁸¹ Тре́ух — мужская шапка.

⁸² Люди — так называ́ли крепостных слуг.

⁸³ Располага́ясь — здесь: предпола́гая.

Через некоторое время Чичиков получает место в комиссии по постройке казённого дома. Члены этой комиссии, и в их числе Чичиков, растрачивали государственные деньги, ассигнованные на постройку. Казённая постройка не пошла дальше фундамента, у каждого из членов комиссии оказался большой дом и ценные вещи, приобретённые на присвоенные ими казённые деньги.

Но вот во главе строительства стал новый начальник, который оказался врагом взяточников. Члены комиссии были «отставлены от должности», дома у них были отобраны, и Чичиков оказался без дела и без средств.

Но он не пал духом. Через некоторое время он снова поступил на службу — на этот раз в таможеню.

За службу свою принялсЯ он с ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба определила ему быть таможенным чиновником. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. В три-четыре недели он уже так набил руку в таможенном деле, что знал решительно всё: даже не весил, не мерял, а по фактуре⁸⁴ узнавал, сколько в какой штуке аршин сукна или иной материи; взявши в руку свёрток, он мог сказать вдруг, сколько в нём фунтов. Что же касается до обысков, то здесь, как выражались даже сами товарищи, у него просто было собачье чутьё: нельзя было не изумиться, видя, как у него доставало столько терпения, чтобы ощупать всякую пуговку, и всё это производилось с убийственным хладнокровием, вежливым до невероятности. И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя и чувствовали злобное побуждение избить щелчками приятную его наружность, он, не изменяясь ни в лице, ни в вежливых поступках, приговаривал только: «Не угодно ли вам будет немножко побеспокоиться и привстать?» или: «Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату? там супруга одного из наших чиновников объяснится с вами», или: «Позвольте, вот я ножичком немного распорю подкладку вашей шинели», и, говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки, хладнокровно, как из собственного сундука. Даже начальство изяснилось, что это был чорт, а не человек: он отыскивал в колёсах, дышлах, лошадиных ушах и нивесть в каких местах, куда бы никакому автору не пришло в мысль забраться и куда позволяется забираться только одним таможенным чиновникам. Так что бедный путешественник, переёхавший через границу,

⁸⁴ Фактура — опись посланного товара со включением цен.

всё ещё в продолжение нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу, только крестился да приговаривал: «Ну, ну!» Положение его весьма походило на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его с тем, чтобы дать кое-какое наставление, но вместо того высек совершенно неожиданным образом. В непродолжительное время не было от него никакого житья контрабандистам. Это была гроза и отчаяние всего польского жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Он даже не составил себе небольшого капиталца из разных конфискованных товаров и отбираемых кое-каких вещей, не поступающих в казну во избежание лишней переписки. Такая ревностно-бескорыстная служба не могла не сделаться предметом общего удивления и не дойти наконец до сведения начальства. Он получил чин и повышение и вслед за тем представил проект изловить всех контрабандистов, прося только средств исполнить его самому.

Получив возможность действовать самостоятельно, Чичиков вместе с другим чиновником, который был старше его чином, вступил в сношения с контрабандистами и принял участие в организации предприятия, которое дало Чичикову и его товарищу огромные доходы.

Предприятие заключалось в том, что контрабандисты переправили через границу стадо баранов, на которых были надеты тулупчики; под тулупчиками были спрятаны дорогие кружева, стоившие миллион рублей. Большая часть денег, которую получили на этом деле контрабандисты, досталась Чичикову. Чичиков снова разбогател, но не надолго. Однажды Чичиков и его товарищ-чиновник поссорились, и последний послал на Чичикова донос. Оба чиновника попали под суд. Товарищ Чичикова был осужден и погиб в ссылке. Чичиков сумел благодаря умению ладить с людьми увернуться от уголовного суда. Однако от его богатства почти ничего не осталось, кроме небольшой суммы денег, двух дюжин голландских рубашек, небольшой брички и двух крепостных людей: кучера Селифана и лакеев Петрушки.

Благодаря неодолимой силе характера, находчивости и умению выйти сухим из воды, Чичиков и тут не стал унывать. Он решил найти новый путь, который помог бы ему снова нажать состояние. Пока не было ничего лучшего, Чичиков сделался повёрренным.

Разговор с одним чиновником по поводу заклада крепостных крестьян натолкнул его на мысль затеять то предприятие, о котором рассказывается в I томе поэмы, т. е. скупку мёртвых душ, чтобы затем заложить их.

Отъездом Чичикова заключается цепь событий, изображённых в I томе «Мёртвых душ». Заканчивается I том лирическим отступлением — поэтическим образом несущейся вдаль русской тройки — образом, который вызывает другой образ — непреодолимо несущейся вперёд Руси.

И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чорт поберѣ всё!» — его ли душе не любить её? Её ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит: летят версты, летят навстрѣчу купцы на облучках своих кибиток, летит с обѣих сторон лес с тѣмными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога нивѣсть куда в пропадѣющую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мелькании, где не успѣвает означиться пропадѣющий предмет, только небо над головою, да лёгкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка! кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, — в той землѣ, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не желѣзным схвачен винтом, а наскоро живѣем, с одним топором да долотом, снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чорт знает на чём; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колѣсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась! . . . И вот уж видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несѣшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движѣние? и что за невѣдомая сила заключена в сих невѣдомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчитя, вся вдохновенная богом! . . . Русь, куда ж несѣшься ты? дай отвѣт. Не даёт отвѣта. Чудным звоном заливаётся колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух: летит мимо всё, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и дают ей дорогу другіе народы и государства.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

1811—1848

Жизнь и литературная деятельность В. Г. Белинского.

Виссарион Григорьевич Белинский недаром был назван друзьями «нейстовым»¹. Это был исключительно страстный, горячий человек. В письме к Н. В. Гоголю он правильно сказал о себе: «Я не умею говорить вполовину, не умею хитрить: это не в моей натуре». В его деятельности было много порывов, иногда увлечений. Будучи в чём-нибудь убеждённым, он ревностно отстаивал свои взгляды, не считаясь с тем, совпадают ли они с принятыми и одобренными суждениями. По своим устремлениям, идеям он был демократ; его проповедь звучала энергично, вызывая ненависть и преследования со стороны литературных и политических врагов. Только смерть избавила его от обычного скорбного пути многих русских писателей на каторгу, в ссылку, в тюрьму. Комендант Петропавловской крепости, встретив Белинского до отъезда за границу, насмешливо заявил ему: «Когда же к нам? У меня совсем готов тёпленький каземат. Так для вас его и берегу».

С натурой² бойца Белинский соединял философский ум и исключительное понимание литературы, театра и искусства вообще. Пылкость природы сказалась и в стиле его статей: они наполнены глубоким лиризмом и пафосом³. Всё это естественно,

¹ Нейстовый — безудержный; человек, способный на проявление очень сильных чувств.

² Натура (латинское слово) — природа.

³ Пафос (греческое слово) — здесь: страстное воодушевление.

потому́ что Белинский любил литерату́ру всей кровью своего́ неуёмного ⁴ сердца. В усло́виях 30—40-х годов, когда политическая жизнь была стеснена́, для него оставалось поле деятельности литературного критика. Но Белинский умёл при разборе литературного произведения освещать различные стороны общественно-политической жизни. Суждения Белинского в области литературы остаются действенными и для нашего времени. Он оказал большое влияние и помо́г в творческой работе многим писателям. И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен в своих воспоминаниях рисуют светлый облик «нейстового Виссариона». В более близкое к нам время В. И. Ленин так определил место Белинского в истории нашего революционного движения: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был ещё при крепостном праве В. Г. Белинский»⁵.

Детство и годы учения.

В родной семье. Белинский — разночинец; он родился 1 июня 1811 года в семье врача, который после службы в Балтийском флоте вышел в отставку и переёхал в свой родной город — Чембар (теперь город Белинский). По воспоминаниям современников, домашняя обстановка будущего знаменитого критика была безотрадной. Он не знал весёлого, беззаботного детства. С ранних лет познакомился он с нуждой, с тревожными переживаниями. «Я в семье был чужой», — так писал Белинский о своём детстве. Ему предстоял тяжёлый путь жизни. Но в борьбе с трудностями Белинский закалил свою волю, проявляя неутомимую энергию ещё в годы ученичества.

В гимназии. Учился Белинский сначала в уездном училище в Чембаре, а потом в Пензенской гимназии. Учился хорошо, в особенности много читал, причём при выборе книг умёл останавливаться на лучших произведениях русской литературы. Писатель Лажечников оставил интересные воспоминания о школьных годах Белинского. «Во время делаемого мной

⁴ Неуёмное (от слов *не унять*) — недержимое.

⁵ В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати.

экзамена⁶ выступил передо мною, между прочими учениками, мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла моё внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светлелся разум не по летам; худенький и маленький, он, между тем, на лицо казался старше, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьёзно. На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такой уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большею частью своими словами... Мальчик вышел из трудного испытанья с торжеством».

В гимназию Белинский поступил с хорошей подготовкой, но, пробыв в ней три с половиной года, вышел, не окончив курса: его вычеркнули из списков «за нехождение в класс». Сухое гимназическое преподавание не удовлетворяло развитого не по годам юношу.

Белинский —
студент.

Он начал самостоятельно готовиться в высшее учебное заведение, успешно сдал все экзамены и в 1829 г. зачислился в состав студентов Московского университета. Ещё будучи гимназистом, Белинский испытывал большую материальную нужду, так как родные ограничивались весьма скромной помощью. Приходилось переживать лишения и в Москве, где Белинский вскоре был предоставлен своим собственным силам. Живой и страстный по натуре, Белинский очень рано узнал изнанку жизни: родная семья не дала ему ни уюта, ни ласки. Безотрадно звучат его слова в письме к Боткину⁷: «Иметь отца и мать для того, чтобы смерть их считать моим освобождением, следовательно, не утратою, а скорее приобретением... это не слишком утешительно».

Мало радости выпало на долю Белинского и во время его пребывания в университете.

После жестокой расправы с декабристами правительство Николая I, пытаясь остановить рост недовольства в стране, старалось заглушить всякое проявление свободной мысли. Запретительные меры коснулись многих сторон жизни; отразились они и на качестве университетских лекций. Среди про-

⁶ Лажечников производил ревизию чембарского училища в качестве инспектора.

⁷ Боткин — один из членов кружка, в котором принимал участие В. Г. Белинский (у него с Боткиным была постоянная переписка).

Портрет В. Г. Белинского.

фессоров только немногие могли заинтересовать своим преподаванием. Живо читал лекции по философии М. Г. Павлов, о котором потом с благодарностью вспоминал Белинский и учившийся вместе с ним А. И. Герцен⁸. На короткое время увлек молодёжь Н. И. Надёждин, с критическими статьями которого Белинский ещё раньше был знаком. Другие профессора были людьми с ограниченным кругозором, свои лекции они читали сухо, неинтересно. А. С. Пушкин дал тогда резкую, но справедливую оценку, сказав, что «учённость, деятельность и ум чужды Московскому университету». Студенты находили выход пытливым запросам ума в общении друг с другом, в посещении театра, в самостоятельной работе. Они спорили о классицизме и

⁸ А. И. Герцен (1812—1870) — замечательный русский писатель, первый политический эмигрант, основавший в Лондоне вольную типографию, где печаталась сыгравшая большую роль в развитии революционного движения в России газета «Колокол». В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена», написанной в 1912 г., устанавливая связь Герцена с декабристами, говорит о великих заслугах писателя, поднявшего великое знамя борьбы за победу народа над царской монархией. Среди других книг в литературном наследстве А. И. Герцена исключительный интерес имеют его мемуары «Былое и думы».

романтизме, декламировали «Горе от ума», восторгались Пушкиным. Белинский заявил себя горячим романтиком.

В страстных схватках он вызывал на битву всех несогласных. На этих «литературных вечерах» говорили о лекциях профессоров, о прочитанных журналах, читали и свои произведения. На одном из таких собраний Белинский прочитал свою пьесу «Дмитрий Калинин». В пьесе изображена судьба крепостного, который не вытерпел унижения и отомстил своему барину. Пылкий герой в ярких речах громит крепостников и насильников. Белинский излил своё негодование, обрушившись на устои самодержавно-крепостнического строя. Для самого Белинского пьеса принесла новое испытание. Университетское начальство давно решило при первом случае выгнать или отдать в солдаты непокорного студента. Теперь представился удобный случай, и Белинский был исключён «за неспособность к слушанию лекций».

Работа в московских журналах.

Годы борьбы
за жизнь.

Исключённый из университета, с кличкой недоучившегося студента, Белинский долгое время не мог устроиться и переносил большие лишения. Но он не пал духом, не опустился. «Я никогда и нигде не пропаду, — писал он на родину, — несмотря на все гонения жестокой судьбы: чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастья, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твёрдость в характере — не дадут мне погибнуть... Будущее не страшит меня».

В первое время после исключения из университета Белинский узнал подлинную нужду: за статьи в газеты, за переводы платили гроши. Как он жил? Об этом рассказывает И. И. Лажечников: «Белинский квартировал в каком-то переулке между Трубной и Петровкой. Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться к нему надо было по грязной лестнице; рядом с его комнатой была прачечная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вонючего мыла. Каково было дышать этим воздухом, особенно ему, с слабой грудью!» Лажечников принял участие в судьбе Белинского и устроил его в качестве секретаря к одному богатому барину. Но Белинский вскоре

сбежал с этой должности, так как не захотел своей рукой писать несправедливые приговоры, действовать против совести. В этом поступке Белинский проявил твердость характера и чистоту своих принципиальных убеждений.

«Литературные
мечтания».

Серьезная литературно-критическая деятельность Белинского началась с конца 1834 г., когда он опубликовал в газете «Молва» ряд очерков под общим названием «Литературные мечтания». Статья имела большой успех.

С большим одушевлением Белинский защищал основное положение, что развитие литературы немислимо вне тесной связи ее с интересами народа, который всего более нуждается в просвещении. «Теперь нам нужно ученье, ученье, ученье». Великолепным залогом будущего развития русской литературы, наших будущих успехов служат великие имена Державина, Крылова, Грибоедова, Пушкина.

Белинский предсказывал, что придет время, когда просвещение разольется в России широким потоком.

«О русской
повести и
повестях Гоголя».

За первой статьёй вскоре последовала другая — «О русской повести и повестях Гоголя»; в ней дана высокая оценка Гоголя как «поэта жизни действительной». Достоинство Гоголя в том, что он правдиво изображает жизнь. Он глава и начинатель нового литературного периода. Характерная черта его творчества — это «простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность, потом комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния». В этом умении разгадать по первым произведениям мощное дарование будущего автора «Ревизора» и «Мертвых душ» сказался замечательный талант проницательного критика. Верное чутье никогда не обманывало Белинского. В полной мере он оценил задушевную музу А. В. Кольцова, дал в ряде статей блестящий анализ стихов и прозы Лермонтова. Впоследствии по начальным произведениям Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова и многих других он разгадал существенные особенности творчества каждого писателя, предсказывая в будущем расцвет их талантов.

Яркость и живость изложения, глубина чувств, искренняя убежденность, последовательная защита своих взглядов — таковы черты, которыми отличаются уже первые статьи

В. Г. Белинского. Его ожида́ло сочу́вствие молодёжи, внима-
тельное отноше́ние настоящих друзе́й литерату́ры и злобная
вражда́ со стороны́ таких реакцио́нных писа́телей, как Греч,
Булга́рин, Сенко́вский⁹, кото́рые уви́дели в Белинском своего́
неприми́мого врага́.

**Друзья
Белинского.** Из друзе́й Белинского надо назва́ть прежде
всего́ Станке́вича, организова́вшего кружо́к
люби́телей поэ́зии, филосо́фии. В этом кружке
принимали́ уча́стие М. А. Баку́нин, В. П. Боткин, Т. Н. Грано́в-
ский, К. С. Акса́ков, поэ́ты Кра́сов, Ключни́ков и мно́гие дру-
гие. Рядом с ним существова́л кружо́к А. И. Герцена, уча́стники
кото́рого увлека́лись больше́ вопро́сами социа́льно-политическо́го
характе́ра. В кружке́ Станке́вича преоблада́ли литерату́рные ин-
тере́сы, увлека́лись также́ музыкой и теа́тром. Из поэ́тов особе́н-
но привле́кали Шекспир, Ге́те, Шиллер. Из русских писа́телей
неоспори́мым авторите́том был Пушкин. В одно́м письме́ Белин-
ский ставит его́ в оди́н ряд с Шекспи́ром: «У меня́ тепе́рь три
бога́ иску́ства, от кото́рых я почти́ кажды́й день неисто́вствую
и сви́релствую: Го́мер, Шекспир и Пушкин»¹⁰.

**Пушкин
и Белинский.** Белинскому не пришло́сь лично познако́миться
с вели́ким поэ́том, но Пушкин в 1837 г. меч-
та́л видеть Белинского в соста́ве сотру́дников
журна́ла «Совреме́нник». Трагиче́ская гибель поэ́та помешала́
сотру́дничеству двух замечате́льных деятелей́ русской литерату́-
ры. В 1838 г. Белинский́ принял предложе́ние вести́ реда́ктор-
скую рабо́ту в «Московском наблюда́теле». Он мечта́л стать во
главе́ журна́ла, пригласи́ть тала́нтливых сотру́дников, с помо-
щью кото́рых наде́ялся обеспе́чить изда́нию полный́ успе́х. Но
скоро наступи́ло разоча́рование: журна́л не имёл средств опла́-
чивать авторский́ труд. Самому́ Белинскому платили́ ничто́жные
гроши́, тогда́ как его́ материальные́ дела́ были́ чрезвыча́йно пло-
хи. В письмах в это́ время он умо́ляет найти́ ему рабо́ту и гото́в

⁹ В русской журнали́стике в 30-е годы́ эти писа́тели задава́ли тон, поль-
зуясь подде́ржкой пра́вительства. В их руках́ находи́лись журна́лы «Север-
ная пчела́», «Библиоте́ка для чтения́», кото́рые имели́ большо́е количе́ство под-
писчиков. В своих́ статья́х они́ глуми́лись над Пушки́ным, Гого́лем и возво-
ди́ли в гении́ второстепенных, ныне́ совсе́м забы́тых писа́телей, вроде́ Ку́кольника.
Часто́ эти услу́жливые «критики́» прибе́гали к доно́сам как к средству́
борьбы́.

¹⁰ Из письма́ за 1839 год.

переехать в Петербург, но попрежнему заявляет, что не поступит образом мыслей и не продаст своей литературной совести. «Если дело дойдёт до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть, — у меня останется силы скорее издохнуть, как собаке, нежели живому отдаться на позорное съедение псам».

Переезд в Петербург.

Переговоры с петербургскими журналистами увенчались успехом, и в конце 1839 г. Белинский, приняв предложение издателя «Отечественных записок» Краёвского, переехал в Петербург.

Отъезд из Москвы, помимо материальных соображений, был вызван ещё и размолвкой с друзьями, в частности с А. И. Герценом, который разошёлся с «нейстовым Виссарионом» в оценке действительности.

Разногласия между друзьями возникли потому, что в московский период своей жизни Белинский проповедовал примирение с действительностью, которая представлялась ему разумной. Такие взгляды вызывали со стороны Герцена резкий отпор. Жизнь в Петербурге, непосредственное соприкосновение с «гнушной расейской действительностью» вызвали переворот во взглядах Белинского. Он писал: «Петербург был для меня страшной скалой, о которую больно стукнулось моё прекрасное сердце»¹¹.

Неожиданная смерть близкого друга — Станкевича, постоянная нужда и зависимость от издателя «Отечественных записок» Краёвского, который эксплуатировал своих сотрудников, вызвали у Белинского тягостные переживания. В особенности возмущали картины произвола.

Знакомство с Лермонтовым. Более близкое знакомство с поэтом М. Ю. Лермонтовым, которого Белинский знал ещё в студенческие годы, оказало серьёзное воздействие на развитие революционных взглядов вдумчивого исследователя. В замечательном письме Боткину от 16 апреля он делится своим впечатлением от беседы с Лермонтовым: «Недавно был я у Лермонтова в заточении¹² и в первый раз пораз-

¹¹ Из письма Боткину от 3 февраля 1840 г.

¹² На гауптвахте после дуэли с Барантом.

говорился с ним от души. Глубокий и могучий дух. Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного. О, это будет русский поэт с Ивана Великого¹³. Чудная натура». Образы поэзии Лермонтова, в частности титаническая¹⁴ личность Мцыри, этого «богатыря духа», рвущегося в чудный мир тревог и битв, вызывали ответные настроения в боевой натуре великого критика. Недаром он давал себе такую самооценку: «Лучшее, что есть во мне, — от природы наклонное к добру сердце, которое не может не биться для всего человеческого...» Теперь Белинский проклинает своё «гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью». Со всей страстью он отстаивает права личности и осуждает монархический строй. «Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума. Я начинаю любить человечество маратовски¹⁵: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнём и мечом истребил бы остальных».

Общественно-
политические
взгляды
Белинского.

Свои чувства он излил в следующих строках в письме к Боткину: «Ты знаешь мою натуру: она вечно в крайностях. Я теперь в новой крайности — это идея социализма, которая стала для меня идеей идей... альфой и омегой¹⁶ веры и знания». В другом письме мы читаем: «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможностей? Прочь же от меня блаженство, если оно — достойное мне одному из тысяч. Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими». Отныне его герои — разрушители старого: Вольтер, Байрон, энциклопедисты, террористы. Он против авторитетов, против религии. Он мечтает, подобно социалистам-утопистам, о строе, где «не будет богатых, не будет бедных, ни царей, ни подданных». Он мечтает о широкой общественной деятельности. Его современник, литератор И. И. Панаев, вспоминает, как иногда сильно прорывалась у Белинского натура политического

¹³ Иван Великий — здесь: самая высокая колокольня в Москве.

¹⁴ Титан, титанический — выдающийся по величине и силе. (В греческой мифологии титанами назывались гиганты, вступавшие в борьбу с Зевсом за обладание небом.)

¹⁵ Марат — известный деятель французской революции 1789 года.

¹⁶ Альфа и омега — названия первой и последней букв в греческом алфавите.

деятеля. «Ну какой я литературный критик. Я рождён памфлетистом¹⁷, — и не смею пикнуть о том, что накопéло в душé, отчего сердце болит». Гнёт цензúры Белинский чувствовал всю жизнь; за ним следíли и не позволя́ли открыто писать на общественно-политические темы. Тем ярче он теперь в своих критических статьях вскрывáет общественный смысл литературных произведений.

Литературно-критические суждения.

Для него по-новому определились задачи самой литературы. В статьях о Пушкине, в двух обзорах: «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» и «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» Белинский ясно изложил своё понимание поэзии, искусства вообще и его роли в общественной жизни. Литература — могучее орудие в борьбе за освобождение. Поэт — выразитель общественных взглядов и стремлений. «Мысль о каком-то искусстве, живущем в своей собственной сфере, — мысль отвлечённая, мечтательная». Задача художника — изображать действительную жизнь, как она есть, правдиво, верно, как это делал Гоголь. Литературное произведение должно представлять собой гармоническое сочетание¹⁸ идейной глубины и художественной формы. Самое главное в нём — значительность содержания. «Если повесть возбуждает вопросы и производит нравственное впечатление на общество, при высокой художественности, — тем она для меня лучше; но главное-то у меня всё-таки в деле, а не в щегольстве. Будь повесть хоть расхудожественна, да если в ней нет дела, то я к ней совершенно равнодушен»¹⁹.

Для Белинского недостаточно одной внешней отделки художественной формы. Подчёркивая значение содержания в литературном произведении, Белинский поднимает свой авторитетный голос в защиту идейного искусства. Белинский первый правильно оценил поэзию Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

¹⁷ Памфлетист — тот, кто пишет памфлеты, то-есть произведения, которые содержат в себе резкие выпады по поводу какого-нибудь лица или общественного явления.

¹⁸ Гармоническое сочетание — приятное, стройное сочетание (*гармоническое* — от слова *гармония* — приятное сочетание звуков).

¹⁹ Письмо к Боткину (от декабря 1847 г.).

Статья о
Пушкине.

В статьях о Пушкине, помимо всесторонней оценки произведений гениального русского поэта, дана характеристика творчества других писателей, выяснена связь Пушкина с предшественниками. Это был первый опыт истории русской литературы. Поэзия Пушкина привлекала Белинского глубиной содержания и необыкновенной простотой и точностью выражения, богатством вымысла, стройностью композиции и удивительным изяществом формы. Отмечая разнообразные стороны художественного дарования Пушкина, Белинский подчеркнул её гуманный²⁰ характер. «Пушкин был по преимуществу поэт, художник и больше ничем не мог быть по своей натуре. Он дал нам поэзию как искусство, как искусство. Потому он навсегда останется великим, образцовым мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свойствам его поэзии принадлежит её способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумёя под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека... Пушкин по самой натуре своей был существом любящим, симпатичным, готовым от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человеком»...».

Отзыв
о Лермонтове.

О Лермонтове Белинский писал восторженно и страстно. «Лермонтов далеко уступит Пушкину в художественности и виртуозности, в стихе музыкальном и упруго гибком; но содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполинский взмах, демонский полёт, — с небом гордая вражда — всё это заставляет думать, что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина». «Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени», отдельные стихотворения Лермонтова неизменно вызвали горячий отклик в «нейстовом Виссарионе». Белинский сознавал, что он рождён для битв: «Моё призвание, жизнь, счастье, воздух, пища — полемика²¹». В Лермонтове он нашёл собрата и друга по настроению. Величественные образы лермонтовской поэзии произвели неизгладимое впечатление. «Демон» сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нём для меня мир истины,

²⁰ Гуманный — человеческий (от латинского слова homo — человек, humanus — человеческий).

²¹ Полемика — спор.

чувств, красот». В особенности привлекает критика идейная сторона поэзии Лермонтова. «В каждом стихотворении Лермонтова заметно, что он не обращает внимания на то, чтобы мысль его была высказана изящно — его занимает одна мысль — и от этого у него часто такая стальная, острая прозаичность выражения».

Оценка творчества Гоголя.

Суждения Белинского о Гоголе послужили исходным пунктом для Чернышевского. Гоголь — «гениальный поэт и первый писатель современной России». Он первый сказал своё беспощадное, пропитанное печалью слово о современниках, тоскуя о времени, когда на необъятном просторе родины должны появиться богатыри. Гоголь вместе с Пушкиным был родоначальником реализма. В прозе он сделал то же, что Пушкин в поэзии. По мнению Белинского, «Гоголю не было образца, не было предшественников ни в русской, ни в иностранной литературе». Гоголь не имеет себе соперников в искусстве воспроизведения русской жизни во всей её истинности. Белинский отмечает самобытный, народный характер творчества Гоголя, подчёркивая огромное влияние его поэзии на всю последующую русскую литературу.

Последние два года своей жизни Белинский работал в журнале «Современник». Здесь окрепли его революционно-демократические мысли. Наиболее ярким выражением демократизма Белинского является знаменитое «Письмо к Гоголю».

«Письмо к Гоголю».

Письмо Белинского было ответом на книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»; в нём Белинский, защищая права личности, страстно нападал на устои самодержавно-крепостнического строя. «Россия видит своё спасение... — писал Белинский, — в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей (России) нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение». В письме нашли себе отклик страстные мечты о будущем, о родине. Для Белинского было ясно, что крепостное право должно быть уничтожено. С точки зрения правительства письмо заключало в себе опасные мысли. Оно долго не могло

появиться в печати и распространялось нелегально в списках от руки. За одно чтение письма грозилась ссылка и каторга. Друг Белинского А. И. Герцен, прочитав письмо, заметил: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его».

Последние годы. Современники о Белинском.

Действительно, дни великого критика были сочтены. Он писал свой ответ Гоголю из небольшого городка Зальцбрунна, где лечился от чахотки. Не очень сильный от природы организм не мог долго оказывать сопротивление, тем более что в течение всей жизни Белинского преследовала изнурительная работа, постоянная нужда и всяческие доносы его врагов. По возвращении из-за границы Белинский прожил недолго: 28 мая 1848 г. его не стало. Смерть избавила его от тюрьмы. Узнав о смерти Белинского, жандармский генерал Дубельт злорадно пожалел, заявив при этом: «Мы бы его сгноили в крепости». Это был голос классового врага, прекрасно понимавшего силу демократических идей Белинского, борющегося против крепостного права. «Письмо к Гоголю» уточнило круг насущных вопросов, разрешение которых стало задачей следующего поколения, людей 60-х годов.

Писатели о личности и литературно-общественной деятельности Белинского. Насколько Белинский с его взглядами был близок и понятен молодой демократической России, об этом свидетельствует писатель И. Аксаков: «... имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернском городе, который не знал бы наизусть письма Белинского к Гоголю... Если вам нужно найти человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетённых, честного доктора, честного следователя, который полёз бы на борьбу, ищите таковых в провинции, между последователями Белинского».

Поэт Н. А. Некрасов, принимавший горячее участие в судьбе Белинского в последние годы его жизни, в одном из своих стихотворений вспоминает, как сильно было влияние Белинского:

Белинский был особенно любим...
Молясь твоёй многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело²² на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипёл — и новые стези²³
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!» —
Говаривал ты нам — и напролом
Шёл к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

(«Медвёжья охота».)

Писатель Тургенев в своих воспоминаниях отмечает, что Белинский был центральной натурой — то-есть он «всеми своими качествами стоял близко к центру, к самой сути своего народа».

Очень живо и с большим чувством А. И. Герцен рисует облик своего страстного друга, никогда не изменявшего идеалам. Белинский, по отзыву Герцена, был деятельным, порывистым, страстным по своей натуре человеком. В то же время он был очень застенчивым и терялся в незнакомом обществе.

«Но в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура. Да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он нехорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щёк и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла. Бледный, задыхающийся, с глазами, оста-

²² Коснётся — пребывать неподвижно.

²³ Стезя — путь, дорога.

новленными на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорчённый, уничиженный своей физической слабостью.

Как я любил и как жалел я его в эти минуты!»²⁴

Такое впечатление производил этот человек, который литературе и родной стране отдал всю свою жизнь.

Преемник В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевский, в книге «Очерки гоголевского периода русской литературы» всесторонне осветил значение деятельности великого критика.

Главное достоинство статей Белинского — в самостоятельности и определённости суждений. Сила критики Белинского заключалась в умении проникнуться живыми интересами жизни и объяснить значение литературы для жизни. «Суждения Белинского сохраняют всю свою цену, и верность их вообще такова, что люди, восстававшие против него, почти всегда правы были только в том, что заимствовали у него же самого».

Белинскому пришлось жить в страшное время, но он был полон надежд и веры в свой народ:

«... Мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить. Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок». Я — литератор — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь».

С замечательной остротой предвидения Белинский писал в статье «Месяцеслов» (1840 г.) о России, стоящей в 1940 г. «во главе образованного мира, дающей законы и науке и искусству и принимающей благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества». Он верил в силу русского народа и пламенно любил родину; потому-то и желал «видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать²⁵ этому». Вся жизнь и деятельность Виссариона Григорьевича была направлена к воплощению этой цели и приближению великого идеала, конкретные формы которого стали возможны только в послеоктябрьской России.

Вопросы.

1. Как протекали детские и юношеские годы Белинского? Какие выработались в нём черты характера? Как об этом он сам говорит?

²⁴ А. И. Герцен, «Былое и думы».

²⁵ Споспешествовать — помочь, помогать.

2. Как озаглавлена первая критическая статья Белинского? Как характеризует Белинский творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя (назовите известные вам статьи критика о творчестве этих писателей).

3. Как определяет Белинский задачу литературы и искусства вообще?

4. Какую оценку дают личности Белинского его современники: И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, А. И. Герцен?

5. В чём видел значение деятельности Белинского Н. Г. Чернышевский?

В. Г. Белинский о Пушкине.

(Отрывки из четвертой и пятой статей 1843—1846 гг. — «Сочинения Александра Пушкина».)

Великие реки составляют из множества других, которые, как обычную дань, несут им обилие вод своих. И кто может разложить химически воду, например, Волги, чтоб узнать в ней воды Оки или Камы? Приняв в себя столько рек, и больших и малых, Волга пышно катит свои собственные волны, и все, зная о её бесчисленных похищениях, не могут указать ни на одно из них, плывя по её широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как своё законное достоинство, и возвратила их миру в новом, преображённом виде. Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать, и ещё менее доказать, чтоб он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов или чтоб где-нибудь и в чём-нибудь он не был неизмеримо выше их. Поэзия Державина была преждевременной, а потому и неудавшейся попыткой на народную поэзию. Могучий гений Державина явился слишком не вовремя и не мог найти в народной жизни своего отечества какие-нибудь элементы, какое-нибудь содержание для поэзии. Общество его времени хорошо понимало поэзию лести и угодничества, но о всякой другой поэзии не имело решительно никакого понятия и, следовательно, не имело в ней никакой потребности, никакой нужды²⁶. Слава Державина была основана не на общественном мнении, которого тогда не было ни признака, ни тени, особенно в деле литературы: нет, слава Державина

²⁶ В данном случае Белинский имел в виду ту часть общества, которая не понимала глубокого общественного значения поэзии.

была основана на просвещённом внимании немногих к его таланту. И если во всей России того времени было человек десять или двадцать, более или менее умевших ценить этот высокий талант, то остальные, человек сто или двести, из которых состояла тогдашняя читающая публика, кричали о нём с голоса первых, сами хорошенько не понимая собственного крика. Где ж тут было явиться истинной поэзии и великому поэту? Правда, природа производит таланты, не спрашиваясь времени и не справляясь, нужны они или нет; но, ведь, великие поэты творятся не одной природой: они творятся и обществом, то-есть историческим положением общества. Думать, что поэта составляет один талант, — значит грубо ошибаться. Разумеется, прежде всего поэтом делает человека талант; но к этому также необходимы ещё и характер, и образование, и направление, которые зависят от общества, среди которого является поэт. Чтобы поэтически воспроизводить действительность, мало одного природного таланта: нужно ещё, чтоб под рукой поэта была поэтическая действительность...

Пушкин явился именно в то время, когда только что сделалось возможным явление на Руси поэзии как искусства. Двенадцатый год был великой эпохой в жизни России. По своим следствиям он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого. Напряжённая борьба насмерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила её увидеть в себе силы и средства, которых она сама в себе не подозревала. Чувство общей опасности сблизило между собой сословия, пробудило дух общности и положило начало гласности и публичности, столь чуждых прежней патриархальности, впервые столь жестоко поколёбленной.

Изучить поэта — значит не только ознакомиться, через усилённое и повторяемое чтение, с его произведениями, но и пережить, пережить их. Всякий истинный поэт, на какой бы ступени художественного достоинства ни стоял, а тем более всякий великий поэт, никогда и ничего не выдумывает, но облекает в живые формы общечеловеческое. И потому в созданиях поэта люди, восхищающиеся ими, всегда находят что-то давно знакомое им, что-то своё собственное, что они сами чувствовали или только смутно и неопределённо предощущали, или о чём мыслили, но чему не могли дать ясного образа, чему не могли найти слово, и что, следовательно, поэт умел только выразить.

Чем выше поэт, то-есть чем общечеловечественнее содержание его поэзии, тем проще его создания, так что читатель удивляется, как ему самому не вошло в голову создать что-нибудь подобное: ведь это так просто и легко! Сочинения, в которых люди ничего не узнают своего и в которых всё принадлежит поэту, не заслуживают никакого внимания, как пустяки. На этой-то общности, по которой создание поэта столько же принадлежит всему человечеству, сколько и ему самому, — на этой-то общности и основывается возможность всем и каждому, в ком есть человеческое (то-есть духовное, разумное), переживать произведения художника, изучая их. Пережить творения поэта — значит переносить, переживать в душе своей всё богатство, всю глубину их содержания, переболеть их болезнями, перестрадать их скорбями, переблаженствовать их радостью, их торжеством, их надеждами. Нельзя понять поэта, не будучи некоторое время под его исключительным влиянием, не полюбив смотреть его глазами, слышать его слухом, говорить его языком...

Каждое поэтическое произведение есть плод могучей мысли, овладевшей поэтом. Если б мы допустили, что эта мысль есть только результат деятельности его рассудка, мы убили бы этим не только искусство, но и самую возможность искусства. В самом деле, что мудреного было бы сделаться поэтом и кто бы не в состоянии был сделаться поэтом по нужде, по выгоде или по прихоти, если б для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втиснуть её в придуманную же форму? Нет, не так это делается поэтами по натуре и призванию! У того, кто не поэт по натуре, пусть придуманная им мысль будет глубока, истинна, даже свята, — произведение всё-таки выйдет мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мёртвое, — и никого не убедит оно, а скорее разочарует каждого в выраженной им мысли, несмотря на всю её правдивость! Но между тем, так-то именно и понимает толпа искусство, этого-то именно и требует она от поэтов! Придумайте ей на досуге мысль получше, да потом и обделайте её в какой-нибудь вымысел, словно брильянт в золото! Вот и дело с концом! Нет, не такие мысли и не так овладевают поэтом и бывают живыми зародышами живых созданий! Искусство не допускает к себе отвлечённых, философских, а тем менее рассудочных идей: оно допускает только идеи поэтические; а поэтическая идея — это не силлогизм, не догмат,

не правило, это — живая страсть; это пафос²⁷... Что такое пафос? — Творчество — не забава, и художественное произведение — не плод досуга или прихоти; оно стоит художнику труда; он сам не знает, как западает в его душу зародыш нового произведения; он носит и вынашивает в себе зерно поэтической мысли, как носит и вынашивает мать младенца в утробе своей; процесс творчества имеет аналогию с процессом деторождения и не чужд мук, разумеется, духовных, этого физического акта. И потому, если поэт решится на труд и подвиг творчества, значит, что его к этому движет, стремит какая-то могучая сила, какая-то непобедимая страсть. Эта сила, эта страсть — пафос...

Пушкин был призван быть первым поэтом-художником Руси, дать ей поэзию как искусство, как искусство, а не только как прекрасный язык чувства. Само собой разумеется, что один он этого сделать не мог... Все поэты относятся к Пушкину, как малые и великие реки — к морю, которое наполняется их водами. Поэзия Пушкина была этим морем. По смыслу нашего сравнения, море больше и важнее рек: но без них оно не могло бы образоваться. Такое сравнение не может быть оскорбительно для поэтов, предшествовавших Пушкину, особенно, если мы напомним при этом, что поэтическая деятельность Жуковского явилась на высшей степени своего развития и принесла самые сочные, зрелые и прекрасные плоды свои уже при Пушкине, а Батюшков погас для литературы в цвете лет и силы... Читая стихотворения Пушкина, отзываящиеся влиянием прежней школы, чувствуешь и видишь, что была на Руси поэзия и прежде Пушкина; но, читая по выбору только самобытные его стихотворения, не то что не веришь, а совершенно забываешь, что была на Руси поэзия и до Пушкина: так оригинален, нов и свеж мир его поэзии! Тут нельзя даже сказать: то же, да не то! напротив, тут невольно воскликнешь: не то, совершенно не то!

Призвание Пушкина объясняется историей нашей литературы... Всякая поэзия должна быть выражением жизни в обширном значении этого слова, обнимающего собой весь мир физический и нравственный. До этого её может довести только

²⁷ Пафос (греческое слово): первоначальное значение: страдание, затем это слово приобрело иной смысл — наиболее напряжённое, страстное проявление чувства.

мысль. Но чтоб быть выражением жизни, поэзия прежде всего должна быть поэзией. Для искусства нет никакого выигрыша от произведения, о котором можно сказать: умно, истинно, глубоко, но прозаично...

Наша русская поэзия до Пушкина была позолоченной пилулей, подслащённым лекарством. И потому в ней истинная, вдохновенная и творческая поэзия только проблескивала временами в частностях, и эти проблески тонули в массе риторической²⁸ воды. Много было сделано для языка, для стиха, кое-что было сделано и для поэзии; но поэзии как поэзии, то-есть такой поэзии, которая, выражая то или другое, развивая такое или иное мирозерцание, прежде всего была бы поэзией, — такой поэзии ещё не было! Пушкин был призван быть живым откровением её тайны на Руси. И так как его назначение было завоевать, усвоить навсегда русской земле поэзию как искусство, так, чтоб русская поэзия имела потом возможность быть выражением всякого направления, всякого созерцания, не боясь перестать быть поэзией и перейти в рифмованную прозу, — то естественно, что Пушкин должен был явиться исключительно художником.

Ещё раз: до Пушкина были у нас поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкин был первым русским поэтом-художником. Поэтому даже самые первые незрелые юношеские его произведения, каковы: «Руслан и Людмила», «Братья-разбойники», «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», отметили своим появлением новую эпоху в истории русской поэзии. Все, не только образованные, даже многие просто грамотные люди увидели в них не просто новые поэтические произведения, но совершенно новую поэзию, которой они не знали на русском языке не только образца, но на которую они не видали никогда даже намёка. И эти поэмы читались всей грамотной Россией; они ходили в тетрадках, переписывались девушками, охотницами до стишков, учениками на школьных скамейках, украдкой от учителя, сидельцами за прилавками магазинов и лавок. И это делалось не только в столицах, но даже и в уездных захолустьях. Тогда-то поняли, что различие стихов от поэмы заключается не в рифме и размере только, но что и стихи, в свою очередь, могут быть и поэтические, и прозаиче-

²⁸ Риторический (латинское слово) — здесь: прозаический.

ские. Это значило уразуметь поэзию уже не как что-то внешнее, но в её внутренней сущности. Явись теперь на Руси поэт, который был бы неизмеримо выше Пушкина, — его появление уже не могло бы надёлать столько шума, возбудить такой общий, такой страстный энтузиазм²⁹, потому что после Пушкина поэзия уже не невиданная, не неслыханная вещь. И по тому же самому теперь уже слишком слабый успех мог получить поэт, который, не уступая Пушкину в таланте, даже превосходя его в этом отношении, был бы, подобно ему, преимущественно художником.

Если в поименованных нами первых поэмах Пушкина видно так много этого художества, которым так резко отделились они от произведений прежних школ, то ещё более художества в самобытных лирических пьесах Пушкина. Поэмы, о которых мы говорили, уже много потеряли для нас своей прежней прелести; мы уже пережили и, следовательно, обогнали их; но мелкие пьесы Пушкина, ознаменованные самобытностью его творчества, и теперь так же обаятельно прекрасны, как и были во время появления их в свет. Это понятно: поэма требует той зрелости таланта, которую даёт опыт жизни, — и этой зрелости нет нисколько в «Руслане и Людмиле», «Братьях-разбойниках» и «Кавказском пленнике», а в «Бахчисарайском фонтане» замечен только успех в искусстве; но юность — самое лучшее время для лирической поэзии. Поэма требует знания жизни и людей, требует создания характеров, следовательно, своего рода драматизировки; лирическая поэзия требует богатства ощущений, — а когда же грудь человека наиболее богата ощущениями, как не в лета юности?

Тайна пушкинского стиха была заключена не в искусстве «сливать послушные слова в стройные размеры и замыкать их звонкою рифмой», но в тайне поэзии. Душе Пушкина присуща³⁰ была прежде всего та поэзия, которая не в книгах, а в природе, в жизни...

Как истинный художник, Пушкин не нуждался в выборе поэтических предметов для своих произведений, но для него все предметы были равно исполнены поэзии. Его «Онегин», например, есть поэма современной действительной жизни не только

²⁹ Энтузиазм — восторг.

³⁰ Теперь мы говорим «присуща».

со всей её поэзией, но и со всей её прозой, несмотря на то, что она писана стихами. Тут и благодатная весна, и жаркое лето, и гнилая дождливая осень, и морозная зима; тут и столица, и деревня, и жизнь столичного дэнди, и жизнь мирных помещиков, ведущих между собою незанимательный разговор

О сенокосе, о винё,
О псарне, о своей роднё;

тут и мечтательный поэт Ленский, и тривиальный забияка и сплетник Зарёцкий; то перед вами прекрасное лицо любящей женщины, то сонная рожа трактирного слуги, отворяющего, с метлой в руке, дверь кофейной, — и все они, каждый по-своему, прекрасны и исполнены поэзии. Пушкину не нужно было ездить в Италию за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него под рукой здесь, на Руси, на её плоских и однообразных степях, под её вечно серым небом, в её печальных деревнях и её богатых и бедных городах. Что для прежних поэтов было низко, то для Пушкина было благородно; что для них была проза, то для него была поэзия...

Что, например, может быть прозаичнее выезда в санях модного франта в сюртуке с бобрóвым воротником? Но у Пушкина это — поэтическая картина:

Уж тёмно, в санки он садится.
«Поди! поди!» — раздался крик.
Морозной пылью серебрится
Его бобрóвый воротник.

Или что может быть прозаичнее такой мысли, что-де в городе не было мостовой и все тонули в грязи, но что уже в нём начали делать мостовую? Страшно и подумать, втиснуть такую мысль в стих! Но Пушкин этого не побоялся, и у него вышла поэтическая картина, в прекрасных поэтических стихах:

В году недель пять-шесть Одёсса,	Карёты, люди тонут, вязнут,
По воле бурного Зевёса,	И в дрожках вол, рогá склоня,
Потопленá, запруженá,	Сменяет хилого коня.
В густой грязи погруженá.	Но уж дробит камёнья молот,
Все дома на аршин загрязнут,	И скоро звонкой мостовой
Лишь на ходулях пешеход	Покроётся спасённый город,
По улице дерзает вброд;	Как будто кованной броней.

Для Пушкина также не было так называемой низкой при­роды; поэтому он не затруднялся никаким сравнением, никаким предметом, брал первый попавшийся ему под руку, и всё у него являлось поэтическим, а потому прекрасным и благородным.

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном солёмы кучи,
Да пруд под сенью ив густых —

Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепакá
Перед порóгом кабака́;
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мой желáния* — покой,
Да шей горшóк, да сам большой...

Тот ещё не художник, которого поэзия трепещет и отвращается прозы жизни, кого могут вдохновлять только высокие пред­меты. Для истинного художника — где жизнь, там и поэзия.

Талант Пушкина не был ограничен тесной сферой одного како́го-нибудь рода поэзии: превосходный лирик, он уже готов был сделаться превосходным драматургом, как внезапная смерть остановила его развитие. Эпическая поэзия также была свойственным его таланту родом поэзии. В последнее время своей жизни он всё более и более наклонялся к драме и роману и по мере того отдалялся от лирической поэзии. Равным обра­зом, он тогда часто забывал стихи для прозы. Это самый естественный ход развития великого поэтического таланта в наше время. Лирическая поэзия, обнимающая собою мир ощу­щений и чувств, с особенной силой кипящих в молодой груди, становится тесной для мысли возмужалого человека. Тогда она делается его отдыхом, его забавой между делом. Действитель­ность современного нам мира полнее, глубже и шире в романе и драме...

Лирические произведения Пушкина в особенности подтвер­ждают нашу мысль о его личности. Чувство, лежащее в их основании, всегда так тихо и кротко, несмотря на его глубó­кость, и вместе с тем так челове́чно, гуманно! И оно всегда про­является у него в форме столь художнически спокойной, столь грациóзной! Что составляет содержание мелких пьес Пушкина? Почти всегда любовь и дружба как чувства, наиболее обладав­шие поэтом и бывшие непосредственно источником счастья и горя всей его жизни. Он ничего не отрицает, ничего не прокли­нает, на всё смотрит с любовью и благословением. Самая грусть

его, несмотря на её глубину, как-то необыкновенно светла и прозрачна; она умиряет муки души и целит раны сердца. Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической — внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность. К этому прибавим мы, что если всякое человеческое чувство уже прекрасно по тому самому, что оно человеческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство ещё прекрасно, как чувство изящное. Мы здесь разумеем не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда в высшей степени прекрасна; нет, каждое чувство, лежащее в основании каждого его стихотворения, изящно, грациозно и виртуозно само по себе: это не просто чувство человека, но чувство человека-художника, человека-артиста. Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоёго пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства. Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладёт на лицо жизни белыл и румян, но показывает её в её естественной, истинной красоте: в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля. Поэтому поэзия Пушкина не опасна юношеству, как поэтическая ложь, разгорячающая воображение, — ложь, которая ставит человека во враждебные отношения с действительностью при первом столкновении с ней, и заставляет безвременно и бесплодно истощать свои силы на гибельную с ней борьбу. И при всём этом, кроме высокого художественного достоинства формы, такое артистическое изящество человеческого чувства!..

К особнным свойствам его поэзии принадлежит её способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумя под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека. Несмотря на генеалогические свои предрассудки, Пушкин по самой натуре своей был существом любящим, симпатичным, готовым от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человеком». Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характере сильном и мощном, в нём было много детски-кроткого, мягкого

и нежного. И всё это отразилось в его изящных созданиях. Придёт время, когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство...

Вопросы:

1. Как надо понимать следующее утверждение Белинского: «... великие поэты творятся не одной природой: они творятся и обществом...»?
2. Какую роль в развитии русской литературы сыграли события 1812 года?

3. В чём, по мнению Белинского, состоит самая, сущность поэтической деятельности?

(Разберитесь в таких положениях:

«Всякий великий поэт никогда и ничего не выдумывает...»;

«Каждое поэтическое произведение есть плод могучей мысли...»;

«Искусство допускает только идеи поэтические...»;

«Творчество — не забава, и художественное произведение — не плод досуга или прихоти; оно стоит художнику труда...».)

4. Что нового внёс Пушкин в русскую поэзию? (Обратите внимание на сравнение поэзии Пушкина с морем.)

5. В чём состоит, по мнению Белинского, основная заслуга Пушкина перед историей русской литературы?

6. Как раскрывает Белинский одно из основных положений своей статьи: о том, что для Пушкина было возможно сделать предметом поэтического изображения любое явление жизни?

Задания.

I. Подтвердите своими рассуждениями, что высказывание Белинского об особенных свойствах поэзии Пушкина вполне справедливо (смотрите заключительный абзац статьи).

II. Подумайте, в чём же, по мнению Белинского, заключается главное содержание поэзии А. С. Пушкина, или, говоря словами критика, в чём заключается пафос поэзии А. С. Пушкина.

Содержание.

Предисловие	3
Общественное и литературное движение 30—40-х годов XIX в.	5
М. Ю. Лермонтов (1814—1841).	
Жизнь и литературная деятельность М. Ю. Лермонтова	9
Детство (10). Поездка на Кавказ (11). Годы учения (11). Жизнь в Петербурге	14
В школе гвардейских подпрапорщиков (15). После окончания школы (15). 1837 г. (26).	
Последние четыре года	16
Первая ссылка на Кавказ (16). Опять в Петербурге (18). Неравная борьба (19). Вторая ссылка на Кавказ (20). Дуэль и смерть (21).	
Творчество поэта	22
Общая оценка творчества (22). «На смерть поэта» (23). «Бородино» (25). «Песня про купца Калашникова» (26). Поэма «Мцыри» (27). «Герой нашего времени» (30):	
Нет, я не Байрон	32
Парус	33
На смерть поэта	34
Бородино	37
Поэт	40
Утёс	42
Тучи	42
Дубовый листок	43
Родина	44
Беглец	46
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	51
Мцыри	68
Герой нашего времени	82
1. Бэла	84
2. Максим Максимыч	118
В. Г. Белинский о романе «Герой нашего времени»	127
А. М. Горький о М. Ю. Лермонтове	146
Детство и годы учения	148
Н. В. Гоголь (1809—1852).	
О жизни и литературной деятельности Н. В. Гоголя	148
Детство (148). Нежинская гимназия. Увлечение театром (149).	
В Петербурге	150
Начало литературной деятельности (150). «Вечера на хуторе близ Диканьки» (151). «Миргород» (151). «Тарас Бульба» (152). Отношение Гоголя к своему творчеству (153).	

«Ревизор»	154
Содержание комедии (154). Действующие лица комедии (154). Отношение современников к комедии (155).	
«Мёртвые души»	156
За границей (156). Работа Гоголя над поэмой «Мёртвые души» (157). Манилов (160). Ноздрёв (161). Собакевич (161). Плюшкин (161). Приёмы изображения персонажей (161). Чиновники в поэме (162). Лирические отступления (163). Гоголь о русском народе (164). Работа над вторым томом «Мёртвых душ» (164). Впечатление, произведённое «Мёртвыми душами» на современников (164). «Выбранные места из переписки с друзьями» (165). Последние годы жизни. Смерть Гоголя (166).	
Значение творчества Гоголя	167
Великие русские критики о значении творчества Гоголя (167). Использование гоголевских образов В. И. Лениным и И. В. Сталиным (168).	
Мёртвые души	169
Глава I. (Приезд Чичикова в город N)	169
Глава II. (Манилов)	179
Глава V. (Собакевич)	195
Глава VI. (Плюшкин)	212
В. Г. Белинский (1811—1848).	
Жизнь и литературная деятельность В. Г. Белинского	241
Детство и годы учения	242
В родной семье (242). В гимназии (242). Белинский — студент (243).	
Работа в московских журналах	245
Годы борьбы за жизнь (245). «Литературные мечтания» (246) «О русской повести и повестях Гоголя» (246). Друзья Белинского (247). Пушкин и Белинский (247).	
Переезд в Петербург	248
Знакомство с Лермонтовым (248). Общественно-политические взгляды Белинского (249).	
Литературно-критические суждения	250
Белинский об искусстве (250). Статьи о Пушкине (251). Отзыв о Лермонтове (251). Оценка творчества Гоголя (252). «Письмо к Гоголю» (252).	
Последние годы. Современники о Белинском	253
Писатели о личности и литературно-общественной деятельности Белинского (253).	
В. Г. Белинский о Пушкине (Отрывки из четвёртой и пятой статей 1843—1846 гг. — «Сочинения Александра Пушкина»)	256

Ответственный редактор М. Кулишова.

Технический редактор А. Сепп.

Сдано в набор 4. IV 1951. Подписано
к печати 12. V 1951. Тираж 5000. Формат
бумаги 60×92, ¹/₁₆. Печатных листов 16,75.
Учетно-авторских листов 15,19. МВ-05028.

Типография «Юхисэлу»

Таллин, ул. Пикс, 42.

Заказ № 1052.

Цена 4 р. 80 к.

4

W

TÜ RAAMATUKOGU

10300014221834

Rbl. 4.80

XV

A-283